

Джеймс Роллинс
Печать Иуды
Серия «Отряд «Сигма»», книга 4

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=416412
Печать Иуды: Эксмо, Домино; Москва, Санкт-Петербурге; 2011
ISBN 978-5-699-51228-7

Аннотация

Из глубин Индийского океана поднимается ужасная чума, грозящая уничтожить человечество. Природа этой смертельной болезни неизвестна, ее распространение невозможно остановить. Двое ученых из секретного отряда «Сигма» – Лиза Каммингс и Монк Коккалис – направлены в Индонезию, чтобы выяснить причины зловещей эпидемии.

Каким-то непонятным образом в Тайном архиве Ватикана появляется на полу знак ордена дракона – страшной секты, недавно уничтоженной отрядом «Сигма». Под знаком высечена надпись, сделанная на древнейшем языке на земле – языке ангелов. Хранитель архива понимает, что в этой надписи может быть зашифровано средство спасения человечества.

Еще один бестселлер от автора романов «Пирамида», «Амазония» и «Черный орден».

Содержание

Краткая историческая справка	4
1293 год	7
Заражение	14
Глава 1	15
Глава 2	29
Глава 3	44
Глава 4	57
Глава 5	68
Глава 6	84
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Джеймс Роллинс

Печать Иуды

Посвящается Каролин Маккрей, которая прочитала всю мою предыдущую писанину и смеялась не слишком громко

Краткая историческая справка

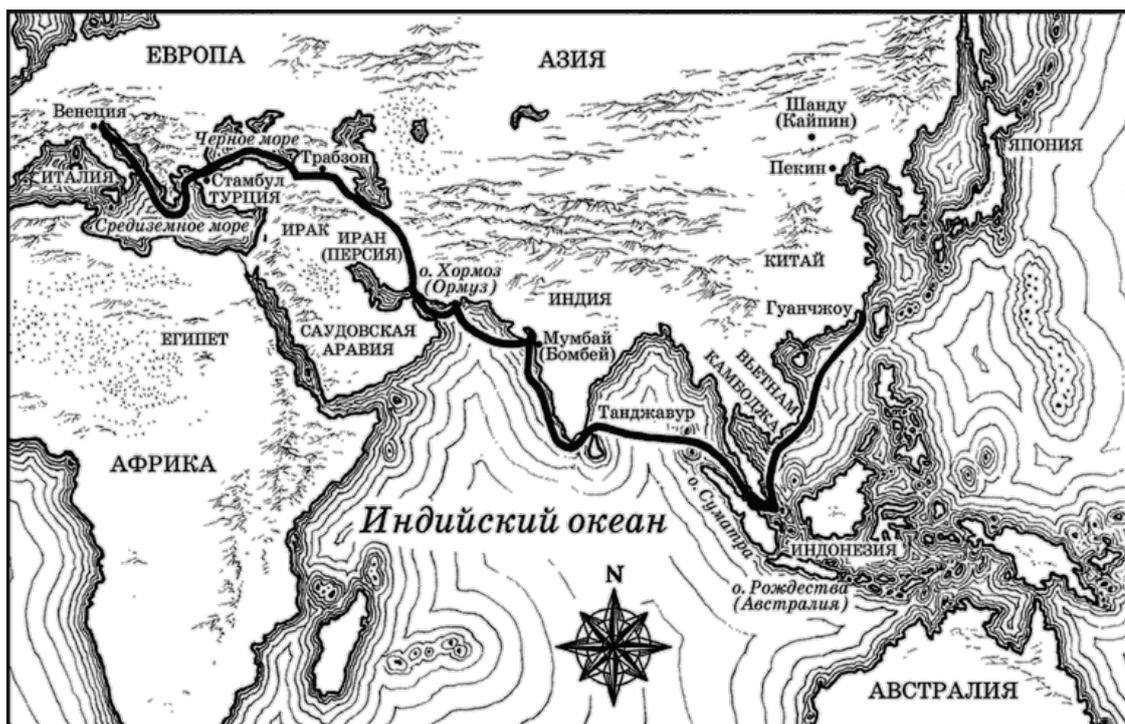
Здесь кроется тайна. В году 1271-м от Рождества Христова молодой венецианец по имени Марко Поло, которому только-только исполнилось семнадцать лет, вместе со своим отцом и дядей отправился в путешествие, намереваясь посетить дворцы Хубилай-хана, монгольского правителя Китая. Этому путешествию суждено было продлиться долгих двадцать четыре года. Его следствием стали рассказы о невиданных странах, лежащих к востоку от разведанного мира: захватывающие повествования о бескрайних пустынях и богатых нефритом реках, о многолюдных городах и огромных флотилиях кораблей, о черных камнях, которые горят, и деньгах, сделанных из бумаги, о диких зверях и необычных растениях, о людоедах и таинственных шаманах.

Прожив семнадцать лет при дворе Хубилай-хана, Марко Поло возвратился в Венецию в 1295 году, и его рассказы записал французский писатель Рустичелло, выпустивший книгу, которая на старофранцузском называлась «Le Divisament dou Monde» («Описание мира»). Этот труд мгновенно разошелся по всей Европе. Даже Христофор Колумб, отправляясь в Новый Свет, захватил с собой экземпляр книги Марко Поло.

Но в этом путешествии имеется один момент, о котором Марко Поло упорно отказывался говорить, и в тексте книги на него есть только туманная ссылка. Когда венецианец покидал Китай, Хубилай-хан выделил ему четырнадцать огромных кораблей и шестьсот человек. Но когда после двухлетнего плавания Марко Поло наконец добрался до Персии, у него оставалось всего два корабля и лишь восемнадцать человек.

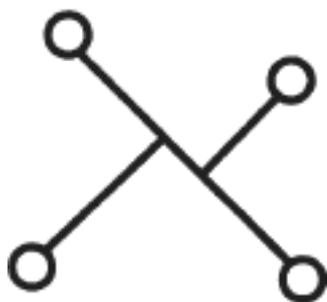
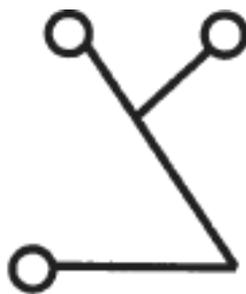
Судьба остальных кораблей и людей и по сей день остается тайной. Нашли ли они гибель в морской пучине, стали ли жертвой пиратов? Сам Марко Поло так ничего и не рассказал. Больше того, уже лежа на смертном одре, в ответ на просьбу дополнить свой рассказ новыми подробностями он загадочно произнес: «Я не рассказал и о половине увиденного».

Обратный путь Марко Поло (1292–1295)

Сначала мор пришел в город Каффу на Черном море. Там могущественное монголо-татарское войско осадило крепость генуэзских торговцев и купцов. Чума поразила монгольских воинов ужасными волдырями и исторжением крови. Столкнувшись с этой страшной напастью, монгольские полководцы приказали с помощью осадных катапульт забрасывать трупы умерших через крепостные стены, и зараза распространилась по генуэзскому городу, оставляя после себя груды мертвых тел и развалины. В году 1347-м от Воплощения Сына Божия генуэзцы подняли паруса над двенадцатью галерами и бежали обратно в Италию, в порт Мессина, принеся с собой «черную смерть» в наши земли.
Герцог М. Джованни. Апокалипсис. 1356 год

До сих пор неизвестно, почему в Средние века из китайской пустыни Гоби внезапно пришла бубонная чума, сразившая треть населения всего мира. Больше того, никто не знает, почему в прошлом столетии многие эпидемии чумы и гриппа – атипичная пневмония, птичий грипп – пришли именно из Азии. Но одно можно сказать с достаточной определенностью: следующая великая пандемия снова придет с Востока.
*Американский центр по контролю и предупреждению заболеваний.
Краткий справочник по инфекционным заболеваниям.
Май 2006 года*

1293 год

Полночь

Остров Суматра

Юго-Восточная Азия

Крики наконец затихли.

Полуночную темноту над причалом разрывал яркий свет двенадцати костров.

– *Il dio, li perdona...*¹ – прошептал отец стоявшему рядом Марко, но тот знал, что Бог не простит им такой грех.

Горстка людей ждала рядом с двумя вытасченными на берег галерами – единственные свидетели погребальных костров над черными водами лагуны. Как только взошла луна, все двенадцать кораблей, могучих деревянных галер, вспыхнули, подоженные вместе со всеми находившимися на борту, как мертвыми, так и теми немногими проклятыми, кто еще был жив. Хлопья горящего пепла сыпались снегом на берег и на людей, наблюдавших за происходящим. Ночной воздух был насыщен зловонием паленой плоти.

– Двенадцать кораблей, – пробормотал Массео, дядя Марко, сжимая в руке серебряное распятие, – столько же, сколько апостолов было у нашего Господа.

По крайней мере, крики, проникнутые невыносимым мучением, прекратились. Теперь до песчаного берега долетали лишь треск ломающегося дерева да приглушенный рев пламени. Марко хотелось оторваться от жуткого зрелища, но он ничего не мог с собой поделать. Остальные, не столь сильные духом, стояли коленапреклоненные на песке, спиной к воде, с лицами, бледными словно кость.

Все разделись донага. Каждый пристально осмотрел своего соседа, ища зловещие отметины. Даже дочь великого хана, целомудренно стоявшая за занавесом из парусины, была в одной только диадеме, украшенной драгоценными камнями. Марко видел сквозь плотную ткань силуэт девушки, озаренный пламенем костров. Служанки, сами полностью обнаженные, осмотрели свою госпожу. Ее звали Кокеджин, Голубая принцесса; ей было всего семнадцать лет – столько же, сколько было самому Марко, когда он покинул Венецию и отправился в дальний путь. Троим Поло было поручено доставить ее целой и невредимой жениху, хану Персии, внуку родного брата Хубилай-хана.

Казалось, все это было в другой жизни.

Неужели прошло всего четыре месяца с того дня, как на галерах заболел первый из матросов и у него в паху и под мышками высыпали гнойные язвы? Болезнь стремительно разлилась, подобно горящему маслу, выкосив экипажи галер и вынудив уцелевших застрять на этом острове, населенном людоедами и диковинными зверями.

Даже сейчас из джунглей доносились звуки барабанов. Но дикари держались от лагеря подальше, подобно тому как волк обходит стороной больную овцу, учуяв запах гниения и разложения. Единственным свидетельством того, что вокруг простиралась чужая территория, были человеческие черепа, через пустые глазницы которых пропустили лианы и таким образом развесили на деревьях, – предостережение тем, кто захочет зайти в глубь острова.

Болезнь удерживала дикарей на расстоянии.

Но теперь этому настал конец.

С помощью беспощадного огня зараза наконец была побеждена, и осталась лишь горстка выживших. Тех, у кого на теле не было красных волдырей.

Семь дней назад все оставшиеся в живых больные ночью были в цепях отведены на стоящие на якоре корабли и оставлены там с небольшим запасом продовольствия и воды.

---

¹ Господь их простит (*ut.*).

Здоровые остались на берегу, постоянно осматривая друг друга, опасаясь найти новые признаки болезни. Все это время те, кто был заточен на галерах, кричали, умоляли, плакали, зывали к Богу, извергали проклятия. Но страшнее всего было слышать раздававшийся изредка хохот, полный безумия.

Лучше было бы перерезать больным горло быстрым и милосердным лезвием, но все боялись прикоснуться к крови зараженных. Поэтому их отправили на корабли и оставили с мертвыми, которых свезли туда раньше.

Затем, когда солнце вечером скрылось за горизонтом, вода наполнилась странным свечением, которое окружило корпуса двух галер и разошлось по застывшей черной лагуне пролитым молоком. Такое свечение путешественники уже видели в прудах и каналах под каменными башнями проклятого города, откуда они бежали.

Болезнь пыталась вырваться из своей деревянной тюрьмы.

Выбора не осталось. Все корабли – все галеры, за исключением той, которую они предназначали для себя, – были подожжены.

Дядя Массео обходил оставшихся людей, показывая им знаком, что можно наконец снова прикрыть наготу, однако простая материя не могла скрыть настоящий, более глубокий стыд.

– Мы только что... – начал было Марко.

– Нам ни в коем случае нельзя говорить об этом, – остановил его отец, протягивая ему одежду. – Стоит сказать одно только слово об этой страшной болезни, и весь мир отвернется от нас. Ни один порт на земле не позволит нам войти в свои воды. Но теперь мы до конца выжгли заразу очищающим огнем – освободили от нее наши корабли, море. Осталось только вернуться домой.

Пока Марко натягивал через голову халат, отец заметил рисунок, сделанный палкой на влажном песке. Поджав губы, отец быстро затоптал рисунок ногой и повернулся к сыну. Его взгляд наполнился мольбой.

– Ни в коем случае, Марко... ни в коем случае...

Однако затоптать так же просто воспоминания было нельзя. Марко Поло служил великому хану, был придворным ученым, послом, даже картографом, нанося на карту новые завоеванные земли, присоединенные к империи.

Отец заговорил снова:

– Никто и никогда не должен узнать о том, что мы нашли... на всем этом лежит печать проклятия.

Кивнув, Марко ни словом не обмолвился о своем рисунке. Он лишь прошептал:

– Città dei morti...²

Лицо его отца, и без того бледное как полотно, побелело еще сильнее. За последние четыре месяца он состарился больше, чем за семнадцать лет, проведенных при дворе великого хана в Шанду.

– Поклянись мне благословенной душой своей матери, что ты больше никогда не заговоришь о том, что мы обнаружили, о том, что мы сделали.

Марко колебался. Отец до боли стиснул ему плечо:

– Поклянись, сын мой. Ради своего собственного блага.

Марко увидел в его озаренных отблесками пламени глазах ужас... и мольбу. Он не мог отказать отцу.

– Я буду молчать, – наконец промолвил Марко. – До своего смертного одра и дальше. Клянись тебе в этом, отец.

Услышав слова молодого человека, к ним наконец подошел дядя Марко.

---

² Город мертвых (*ит.*).

– Мы не должны были вторгаться в чужие владения, Никколо, – с укором сказал он брату, однако на самом деле эти обвинительные слова были предназначены Марко.

Все трое умолкли, согнутые тяжелой ношей общей тайны.

Дядя Массео был прав.

Марко мысленно представил себе устье реки, каким они увидели его четыре месяца назад. Черный поток впадал в море, окаймленный густыми зарослями. Путешественники собирались только пополнить запасы пресной воды и заняться починкой двух галер, потрепанных штормом. Им не следовало удаляться от берега, но Марко наслушался рассказов о великом городе за невысокими горами. И поскольку ремонт должен был продлиться десять дней, Марко в сопровождении сорока воинов хана отправился через горы, чтобы узнать, что находится за ними. С вершины он разглядел далеко в лесной чаще каменную башню, взметнувшуюся ввысь, ослепительно сияющую в лучах восходящего солнца. Башня стала для него маяком, все больше и больше распаляя любопытство.

И все же мертвая тишина леса, окружавшая их всю дорогу до башни, должна была бы его насторожить. Она не нарушалась ни тревожным рокотом барабанов, как сейчас, ни пением птиц, ни криками обезьян. Город мертвых просто ждал их.

Проникновение в него явилось страшной ошибкой. За нее пришлось заплатить больше чем кровью.

Трое Поло перевели взгляд на галеры, сгоревшие до ватерлинии. Словно срубленное дерево, рухнула мачта. Два десятилетия назад отец, дядя и Марко покинули итальянскую землю и, неся с собой печать Папы Григория X, отправились в страну монголов, дойдя до дворцов и садов великого хана в Шанду. Но там они застряли надолго, подобно попавшим в клетку куропаткам. Став фаворитами при ханском дворе, трое Поло ощущали себя пленниками – причем удерживали их не цепи, а безграничная, назойливая дружба Хубилая. Отправиться в обратный путь означало оскорбить благодетеля. Но в конце концов им повезло – великий Хубилай-хан освободил их от придворных обязанностей и отправил сопровождать принцессу Кокеджин к ее жениху в Персию, после чего они рассчитывали возвратиться в родную Венецию.

«Уж лучше бы наша флотилия никогда не покидала Шанду...»

– Скоро взойдет солнце, – заметил отец. – Пора трогаться. Теперь мы направимся домой.

– А когда мы достигнем благословенных берегов Италии, что мы скажем Теобальдо? – спросил дядя Массео, называя по имени того человека, который когда-то был другом и советником семейства Поло, а сейчас был известен всему христианскому миру как Папа Григорий Десятый.

– Неизвестно, жив ли он, – ответил отец Марко. – Нас так долго не было дома.

– Но если он еще жив? – настаивал Массео.

– В таком случае мы расскажем ему все, что мы узнали про монголов, про их обычаи и воинскую мощь. Как он много лет назад и предписал нам своим эдиктом. Но что касается болезни... говорить о ней больше нечего. Все кончено.

Массео вздохнул, однако в его вздохе не было облегчения. Марко буквально прочитал слова, скрытые за сердитым взглядом дяди: «Не одна только чума повинна в гибели всех тех, кого мы потеряли».

Никколо повторил еще раз, более твердо, словно его слова могли повлиять на действительность:

– Все кончено.

Марко посмотрел на двух братьев, на отца и дядю, озаренных отблесками угасающего пламени. Нет, на самом деле ничего не кончено и не кончится до тех пор, пока они будут живы.

Он перевел взгляд себе под ноги. Хотя изображение на песке было затоптано, оно по-прежнему отчетливо стояло у него перед глазами. Он украл карту, нарисованную на куске коры. Нарисованную кровью. С изображениями храмов и шпилей, спрятанных в джунглях.

В которых не было никого, кроме мертвых.

Земля была усеяна трупами птиц, которые упали на каменные плиты, словно сраженные в полете. Смерть не пощадила никого. Ни мужчин, ни женщин, ни детей. Ни волов, ни диких зверей. Даже здоровенные змеи безжизненно свисали с ветвей.

Единственными живыми обитателями мертвого города были муравьи всех размеров и цветов. Они полчищами копошились на распростертых на камнях трупах, медленно пожирая мертвых.

Но Марко ошибся: кое-что еще ждало захода солнца.

Марко поспешно прогнал воспоминания.

Узнав о находке сына, Никколо Поло сжег карту и развеял ее пепел над морем. Он сделал это еще до того, как на галерах появился первый больной.

– Забудем все это, – предупредил Никколо своих людей. – Нас это не касается. Пусть все случившееся поглотит история.

Марко был полон решимости сдержать свое слово, свою клятву. Об этом он не обмолвится ни словом. И все же Марко прикоснулся к уцелевшему на песке символу. Он правдиво описал столько всего... имеет ли он право уничтожать подобные знания?

«Если бы был какой-либо другой способ сохранить это...»

Словно прочтя мысли племянника, дядя Массео высказал вслух опасения, мучившие всех троих:

– А если этот ужас воскреснет снова, Никколо, и когда-нибудь доберется до наших стран?

– Тогда это будет означать конец тирании человека в этом мире, – с горечью ответил отец Марко. Он постучал пальцем по распятию на обнаженной груди брата. – Священник понимал это лучше кого бы то ни было. Его жертва...

Распятие принадлежало отцу Агрееру. В проклятом городе монах-доминиканец пожертвовал своей жизнью ради того, чтобы они остались живы. Был заключен страшный договор. Отца Агреера оставили там, бросили по его собственной просьбе.

Он приходился Папе Григорию X родным племянником.

Устремив взгляд на последние языки пламени, догорающего над черными водами, Марко прошептал:

– Какой бог спасет нас в следующий раз?

22 мая, 18 часов 32 минуты

Индийский океан

10° 44' 07,87" южной широты, 105° 11' 56,52" восточной долготы

– Пока я здесь, кто-нибудь еще хочет бутылочку пива? – окликнул из трюма Грегг Тюнис.

Услышав голос мужа, доктор Сьюзен Тюнис улыбнулась и, поднявшись на последнюю ступеньку спущенного за борт трапа, перешагнула на палубу. Она сняла с себя акваланг и оттащила его к шкафчику за кабиной исследовательского судна. Глухо звякнули пустые кислородные баллоны, поставленные на место.

Покончив с этим, Сьюзен взяла полотенце и вытерла волосы, от солнца и соли ставшие практически совершенно белыми. Затем одним движением расстегнула молнию «мокрого» гидрокостюма.

– Буб-бадабум... бадабум... – донеслось со стоящего у нее за спиной шезлонга.

Сьюзен даже не обернулась. Определенно кто-то слишком много времени провел в стриптиз-клубах Сиднея.

– Профессор Эпплгейт, неужели надо напевать этот дурацкий мотив всякий раз, когда я снимаю снаряжение?

Седовласый ученый-геолог оторвался от лежащего на коленях труда по морской истории и поправил на носу очки.

– Было бы просто невежливо никак не реагировать на присутствие рядом цветущей молодой женщины, освобождающейся от лишней одежды.

Скинув гидрокостюм с плеч, Сьюзен стащила его до талии. Под ним был цельный купальник. На своем опыте Сьюзен убедилась в том, что верхняя часть раздельного купальника под гидрокостюмом упрямо норовит сползти в сторону. И хотя она ничего не имела против того, что на нее пялится отошедший от дел ученый, старше ее на тридцать с лишним лет, у нее не было ни малейшего желания устраивать для него бесплатное представление.

В этот момент из трюма появился муж Сьюзен с тремя запотевшими бутылками пива, удерживая их между пальцами одной руки. Увидев ее, он широко улыбнулся:

– А мне показалось, что я слышал твой топот.

Выбравшись на палубу, Грегг выпрямился во весь рост. На нем были лишь длинные шорты и расстегнутая рубашка. Он работал корабельным механиком в порту Дарвина, и они со Сьюзен познакомились, когда та привела на ремонт в сухой док исследовательское судно Сиднейского университета. С тех пор прошло восемь лет. Всего три дня назад они отпраздновали пятую годовщину своей свадьбы на борту этого судна, стоявшего на якоре в море в сотне миль от атолла Киритимати, больше известного как остров Рождества.

Грегг передал жене бутылку.

– Какие успехи с прослушиванием?

Сьюзен отпила большой глоток пива, наслаждаясь живительной влагой. После нескольких часов с соленым загубником во рту ее мучила жажда.

– Пока никаких. До сих пор не могу понять, почему они выбросились на берег.

Десять дней назад восемьдесят дельфинов вида *Tursiops aduncus*, обитающих в Индийском океане, выбросились на берег острова Ява. Сьюзен занималась изучением тех последствий, которые влекло за собой долговременное воздействие гидролокаторов на представителей отряда китообразных. В прошлом излучение, испускаемое гидролокаторами, уже не раз приводило к гибели морских млекопитающих. Обычно молодую женщину сопровождала группа помощников из числа студентов и аспирантов, однако сейчас она вышла в море, просто чтобы отдохнуть вместе со своим наставником. И по чистой случайности массовая гибель дельфинов произошла именно в этом районе – отсюда затянувшееся пребывание здесь.

– А может быть, виной всему не гидролокатор, созданный руками человека, а что-либо другое? – задумчиво промолвил Эпплгейт, рисуя пальцем круги на запотевшем стекле бутылки. – В этом регионе постоянно случаются микроземлетрясения. Быть может, глубоководный толчок, вызванный сдвигом тектонических плит, породил ту самую ноту, от которой дельфины запаниковали и покончили с собой?

– Несколько месяцев назад здесь действительно классно трянуло, – подтвердил Грегг. Устроившись в шезлонге рядом с профессором, он похлопал по соседнему креслу, предлагая Сьюзен сесть рядом. – Может быть, речь идет об отголосках?

Сьюзен не находила возражений. На протяжении последних двух лет серия мощных землетрясений, породивших разрушительные цунами, сильно изменила морское дно. Уже одного этого было достаточно, чтобы нагнать страху на кого угодно. И все же полной убежденности у нее не было. Здесь крылось что-то еще. Коралловый риф, тянувшийся под водой,

выглядел странно опустевшим. Все небольшое живое, оставшееся там, спряталось в скалистые расселины, раковины и ямы в песке и, казалось, затаило дыхание.

Быть может, обитатели моря, способные чувствовать то, что скрыто от людей, действительно откликаются на маломощные землетрясения.

Нахмурившись, Сьюзен уселась рядом с мужем. Надо будет связаться по радио с островом Рождества и выяснить, не наблюдалось ли в последнее время необычной сейсмической активности. Ну а пока что у нее есть новость, которая завтра утром определенно заставит ее мужа спуститься под воду.

– Зато я нашла то, что очень напоминает старинное затонувшее судно.

– Быть такого не может. – Грегг уселся прямо. Работая в порту Дарвина, он возил туристов на экскурсии к затонувшим боевым кораблям времен Второй мировой войны, которыми было усеяно все дно вдоль северного побережья Австралии. Подобные находки неизменно вызывали у него самый живой интерес. – Где?

Сьюзен рассеянно показала назад, за борт:

– Метрах в ста слева от нас. Несколько черных рей, торчащих из песка. Вероятно, они освободились во время последнего сильного землетрясения, а может, их очистила от ила волна цунами. У меня не было времени, чтобы осмотреться. Я решила предоставить это специалисту.

Ткнув мужа под ребро, она положила голову ему на грудь.

Они проводили взглядом солнце, которое, хитро подмигнув на прощание, опустилось в море. Это был освященный временем ритуал. Если только не штормило, они, находясь в открытом море, не пропускали ни один закат. Судно мягко покачивалось на волнах. Вдалеке проплыли огни огромного танкера. Но в остальном они были здесь совершенно одни.

Услышав резкий лай, Сьюзен испуганно вздрогнула. Она и не подозревала, что у нее так натянуты нервы. Судя по всему, странное, пугающее поведение морских обитателей каким-то образом подействовало и на нее.

– Эй, Оскар, уймись!

Только сейчас Сьюзен обратила внимание на отсутствие на палубе четвертого члена экипажа. Собака снова залаяла. Низенькая и толстая квинслендская сторожевая принадлежала профессору. Состарившийся и страдающий артритом пес, как правило, валялся на палубе, греясь на солнце.

– Я сам им займусь, – сказал Эпплгейт. – Оставляю вас, влюбленных пташек, наедине. К тому же мне нужно в сортир. Освободить место еще для одной бутылочки, прежде чем придет время отправляться на боковую.

Кряхтя, профессор поднялся на ноги и направился на нос, но вдруг застыл на месте, устремив взор на восток, в сторону темнеющего неба.

Пес снова залаял.

На этот раз Эпплгейт не стал отчитывать собаку. Вместо этого он обратился к Сьюзен и Греггу, и в его тихом голосе прозвучала тревога:

– Вам следует взглянуть на это...

Сьюзен поспешно вскочила на ноги, Грегг последовал за ней. Они присоединились к профессору.

– Мать Божья... – пробормотал Грегг.

– Похоже, мы нашли то, что заставило тех дельфинов выброситься из моря, – сказал Эпплгейт.

На востоке широкая полоса океана светилась призрачным сиянием, которое поднималось и опускалось вместе с волнами. Серебристая пленка кружилась и бурлила. Старый пес стоял у леерного ограждения правого борта и тоскливо, с подвыванием лалял.

– Проклятье, это еще что такое? – спросил Грегг.

Сьюзен подошла ближе.

– Мне приходилось слышать о подобных явлениях. Это называется «молочным морем». Моряки, плававшие по Индийскому океану, еще со времен Жюль Верна рассказывали, что видели такое свечение. В тысяча девятьсот девяносто пятом году одно такое пятно размером в несколько сот квадратных миль даже удалось сфотографировать со спутника. А это еще маленькое.

– Маленькое, черт побери, – проворчал Грегг. – Но чем это вызывается? Это что-то вроде «красного течения»?

Сьюзен покачала головой:

– Не совсем. «Красное течение» – следствие цветения водорослей. А это свечение вызывается биолюминесцентными бактериями, которые, вероятно, питаются водорослями и планктоном. Никакой опасности они не представляют. И все же мне бы хотелось...

Внезапно все судно содрогнулось от резкого толчка, как будто в дно ударилось что-то большое и тяжелое. Лай Оскара стал более истеричным. Собака металась вдоль ограждения, пытаясь просунуть голову между стойками.

Все трое подбежали к Оскару и посмотрели вниз.

Светящийся край «молочного моря» лизал борт судна. Из глубины показалась большая тень. Это была здоровенная тигровая акула длиной больше шести метров. Перевернувшись кверху брюхом, она все еще судорожно извивалась, бессильно раскрывая пасть. Светящаяся вода пенилась вокруг нее, меняя цвет молока на сочный алый цвет красного вина.

Вдруг Сьюзен осознала, что это не вода пенится вокруг туши акулы, а сама ее плоть, которая бурлит, распадаясь на куски. Акула быстро пошла ко дну, однако по всему молочно-белому морю на поверхность стали всплывать новые тела, еще бьющиеся в предсмертных судорогах или уже мертвые: дельфины, морские черепахи, множество рыб.

Эплгейт в страхе отшатнулся от ограждения.

– Похоже, эти бактерии питаются не одним только планктоном.

Повернувшись к Сьюзен, Грегг прошептал:

– Сьюзен...

Молодая женщина не могла оторвать взгляд от жуткого зрелища. Несмотря на ужас, она как ученый была заинтригована происходящим.

– Сьюзен...

Наконец она обернулась к мужу, недовольная тем, что он ее отвлекает.

– Ты же плавала с аквалангом, – объяснил Грегг, указывая на море. – В этой воде. Весь день.

– Ну и что? Все мы погружались в воду. Даже Оскар не упустил случая немного поплавать.

Муж избегал смотреть ей в глаза. Он не мог оторвать взгляд от запястья Сьюзен, которое та ожесточенно чесала. Бывало, что гидрокостюм натирал ей кожу. Однако, увидев в глазах Грегга тревогу, Сьюзен тоже посмотрела на запястье. Кожа там была покрыта красной сыпью, которую она расчесала еще больше.

У нее на глазах на коже расцвели огненно-красные волдыри.

– Сьюзен...

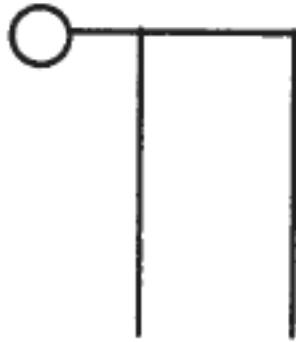
Молодая женщина изумленно ахнула:

– О господи...

Но она уже знала жуткую правду.

– Это... это уже во мне.

Заражение

Глава 1

Черная мадонна

1 июля, 10 часов 34 минуты

Венеция, Италия

За ним охотились.

Стефано Галло торопливо пересек открытое пространство площади. Утреннее солнце уже успело раскалить каменные плиты мостовой, и многочисленные туристы спешили укрыться в тень или забивались в магазин мороженого, приютившийся под сенью собора Святого Марка. Однако целью Стефано был не этот высокомерный символ Венеции с его монументальным фасадом в византийском стиле, массивными бронзовыми конями и взметнувшимися в небо куполами.

Даже эта благословенная святыня не могла предложить ему убежище.

Оставалась только одна надежда.

Проходя мимо собора, Стефано ускорил шаг. Заполонившие площадь воробьи взлетали у него из-под ног, а он шел прямо на них, не обращая никакого внимания на испуганную суету. Теперь можно было не заботиться о том, чтобы не привлекать к себе внимание. Его уже обнаружили. Едва ступив на площадь, Стефано сразу же увидел в толпе молодого черноглазого египтянина с ухоженной бородкой. Их взгляды встретились. Теперь на египтянине был темный костюм, плотно облегающий его широкие прямые плечи. В первый раз он представился Стефано студентом-археологом из Будапешта, действовавшим от имени его старого друга и коллеги из Афинского университета.

Египтянин пришел в археологический музей в поисках одной древней реликвии, не представляющей особой ценности. Обелиска, вывезенного из страны. Египтянин стремился при финансовой поддержке своего правительства вернуть обелиск на родину. Он принес с собой солидную сумму, банковские пачки новеньких купюр. Стефано, один из музейных хранителей, был не прочь принять такое щедрое подношение; растущие как снежный ком счета за лечение его жены грозили вынудить их расстаться со своей скромной квартирой. И в том, чтобы принять эту секретную выплату, не было ничего зазорного; на протяжении вот уже двух десятилетий египетское правительство выкупало вывезенные из страны сокровища из частных коллекций и оказывало давление на музеи, требуя вернуть в страну национальное достояние.

Поэтому Стефано согласился, пообещав сначала доставить реликвию. В конце концов, ну что такое какой-то маленький, ничем не примечательный каменный обелиск? Согласно прилагающемуся научному паспорту, он уже почти целое столетие пролежал в ящике. И его краткое описание, вероятно, объясняло, почему это произошло: «Мраморный обелиск без надписей, обнаруженный при раскопках в Танисе, предположительно относящийся к периоду Нового царства (26-я династия, 615 год до н. э.)». В нем не было ничего необычного и любопытного, если только не вдумываться в его историю. Обелиск принадлежал к коллекции одного из музеев Ватикана, а именно Григорианского египетского музея.

Непостижимо, каким путем он попал в подвалы археологического музея Венеции.

Затем вчера утром Стефано получил вырезанную из газеты заметку, которую доставил курьер в конверте, запечатанном сургучом с единственным оттиснутым на нем символом:

Греческой буквой «сигма».

Стефано до сих пор не понимал смысла печати, но он прекрасно понял всю важность вложенной в конверт вырезки. Одна-единственная статья из номера трехдневной давности с сообщением о трупе неизвестного мужчины, обнаруженном на побережье Эгейского моря. Разбухший труп с перерезанным горлом плавал в воде, изрядно обглоданный угрями. Судя

по всему, его выбросил из подводной могилы особенно сильный шторм. По анализу зубов в убитом был опознан тот самый коллега Стефано из Афинского университета, который якобы направил к нему египтянина.

Он был убит несколько недель назад.

Потрясенный Стефано действовал поспешно, без раздумий. Сейчас он прижимал к груди тяжелый обелиск, завернутый в мешковину, с остатками колющей тело соломы, в которой тот лежал в ящике.

Стефано похитил обелиск из ящика, понимая, что тем самым ставит под удар себя самого, свою жену и всю семью.

У него не было выбора. Вместе с пугающей газетной статьей в запечатанном конверте находилась короткая записка, без подписи, очевидно выведенная в большой спешке неразборчивым женским почерком. Предостережение. То, что сообщалось в ней, казалось невозможным, невероятным, однако Стефано проверил все сам. И это оказалось правдой.

Он бежал, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы, борясь с подступившим к горлу клубком.

Выбора нет. Обелиск не должен попасть в руки египтянина. С другой стороны, Стефано не желал взваливать на себя эту ношу дольше необходимого. Его жена, дочь... он мысленно представил себе распухший труп своего греческого коллеги. Неужели та же самая судьба уготовлена его близким?

«О, Мария, что я натворил?»

И есть только один человек, который сможет забрать у него эту ношу. Тот самый, который прислал конверт, предостережение, запечатанное греческой буквой. В конце записки были указаны место и время.

Стефано уже опаздывал.

Он оглянулся. Египтянин растворился в бурлящей толпе туристов.

Снова развернувшись, Стефано торопливо прошел через тень от колокольни Святого Марка. Когда-то давно высокое сооружение из кирпича служило сторожевой башней в порту, с которой были видны все причалы. Хотелось надеяться, что башня защитит его сейчас.

Цель, к которой спешил Стефано, находилась на противоположном краю пьяцетты³. Впереди возвышался величественный Дворец дождей, в котором с четырнадцатого столетия жили правители Венеции. Двухуровневая колоннада в готическом стиле манила, обещая спасение среди истрийского гранита и веронского мрамора.

Прижимая драгоценную ношу к груди, Стефано торопливо пересек улицу.

Ждет ли его таинственная незнакомка? Возьмет ли она ношу?

Стефано поспешил укрыться в тени, спасаясь от ослепительного солнца и бликов, отражающихся от водной глади моря. Ему нужно затеряться в лабиринтах дворца. Дворец дождей не только являлся резиденцией правителей Венеции, но выполнял и другие функции. В прошлом здесь также располагались государственные ведомства, верховный суд, зал совещаний и даже тюрьма. Впоследствии на противоположном берегу канала была выстроена новая тюрьма, к которой от дворца вел выгнувшийся аркой мостик, печально знаменитый мост Вздохов, которым воспользовался при побеге Казанова – единственный узник дворцовых подземелий, сумевший выбраться отсюда.

Стефано нырнул под сень протянувшихся вдоль всей стены здания лоджий, умоляя призрака Казановы прийти сейчас ему на помощь. Шагнув в полумрак, он даже позволил себе выдохнуть с облегчением. Дворец ему хорошо знаком. Лабиринт коридоров, в которых так легко затеряться, – идеальное место для тайной встречи.

---

³ Пьяцетта – в Венеции небольшая площадь, выходящая на набережную, именуется также «вестибюлем перед площадью Сан-Марко».

По крайней мере, хотелось в это верить.

Стефано вошел во дворец через западную арку, смешавшись с небольшой группой туристов. Впереди был внутренний двор дворца, знаменитый двумя старинными колодцами и восхитительной мраморной лестницей, Лестницей гигантов. Стефано обошел двор вдоль стены, стараясь держаться в тени. Толкнув маленькую дверцу, он оказался в той части дворца, где когда-то находились кабинеты чиновников. В конце коридора была комната допросов, где в прошлом многим беднякам пришлось вытерпеть самые жестокие и мучительные пытки. Не останавливаясь, Стефано прошел в соседнее помещение с голыми каменными стенами – камеру пыток.

Где-то позади хлопнула дверь, и он вздрогнул от испуга, крепче стиснув драгоценную ношу.

Полученные им указания были четкими. Дойдя до узкой черной лестницы, Стефано спустился в дворцовое подземелье, так называемый «колодец». Именно здесь содержались самые важные заключенные тюрьмы. И именно здесь была назначена встреча.

Стефано мысленно представил себе печать с греческой буквой.

Что это могло означать?

Он вошел в сырой, затхлый подвал, разделенный на тесные каменные камеры, потолок в которых был слишком низким, что не позволяло заключенным выпрямляться во весь рост. Здесь они мерзли зимой и умирали от жажды долгим венецианским летом, часто забытые всеми, кроме крыс.

Стефано включил маленький фонарик.

Этот нижний уровень «колодца» казался совершенно пустынным. Стефано углублялся все дальше, со страхом вслушиваясь в гулкое эхо своих собственных шагов, отражающееся от каменных стен, и ему мерещилось, будто его кто-то преследует. Грудь ему сдавил ужас. Он замедлил шаг. Неужели он опоздал? Стефано поймал себя на том, что стоит, затаив дыхание. Ему нестерпимо захотелось вернуться на солнечный свет, которого он еще несколько минут назад так старательно избегал.

Он застыл на месте, охваченный дрожью. И тут, словно почувствовав его колебания, в последней камере вспыхнул свет.

– Кто там? – испуганным шепотом промолвил Стефано. – Chi é l à?⁴

Стук каблука по каменным плитам пола, затем тихий голос, говорящий по-итальянски с легким акцентом.

– Это я прислала вам записку, синьор Галло.

В коридор шагнула стройная фигура, сжимающая в руке маленький фонарик. Его яркий свет не позволил Стефано разобрать черты лица неизвестной, даже когда та опустила луч. Женщина была одета с ног до головы в черную обтягивающую кожу. Лицо ее скрывал платок, обмотанный вокруг головы в духе бедуинов. Открытыми оставались только глаза, горящие в свете фонарика. Незнакомка двигалась с неторопливым изяществом, которое помогло Стефано успокоить бешено колотящееся сердце.

Женщина появилась из тени, подобно черной мадонне.

– Вы принесли реликвию? – спросила она.

– При... принес, – запинаясь, вымолвил Стефано, с опаской делая шаг вперед. Он протянул обелиск, освобождая его от мешковины. – Я больше не хочу иметь с ним никакого дела. Вы сказали, что можете доставить его в безопасное место.

– Могу.

Женщина знаком показала Стефано поставить обелиск на пол.

---

⁴ Кто там? (ит.)

Присев на корточки, тот опустил мраморную реликвию из Древнего Египта на каменный пол, счастливый тем, что наконец избавился от нее. Обелиск, высеченный из черного мрамора, представлял собой заостренную пирамиду высотой сорок сантиметров, возвышающуюся на квадратном основании со стороной десять сантиметров.

Женщина опустилась на корточки рядом, покачиваясь на мысках черных сапог. Она провела лучом фонарика по матовой поверхности. Мрамор сильно потрескался от времени. В одном месте грань пирамиды пересекала длинная трещина. Понятно, почему реликвия оказалась надолго забыта.

Тем не менее ради нее была пролита кровь. И теперь Стефано знал почему.

Незнакомка протянула руку, отстраняя его фонарик. Затем щелкнула большим пальцем, переключая свой. Яркий белый свет потускнел, превращаясь в темно-багровый. У Стефано на брюках заискрились пылинки. Белые полосы ткани рубашки ослепительно вспыхнули.

Ультрафиолетовый свет.

Призрачное сияние выплеснулось на обелиск.

Стефано уже проделал то же самое, проверяя утверждение незнакомки и лично лицезрея чудо. Теперь он вместе с ней склонился к обелиску, изучая все его четыре грани.

Сейчас мраморная поверхность уже не была однообразно черной. На всех четырех гранях голубовато-белым сиянием проступили строчки таинственных символов.

Это были не иероглифы. Таким письмом пользовались предшественники древних египтян.

Голос Стефано помимо воли наполнился благоговейным трепетом:

– Неужели это действительно язык самих...

У него за спиной прозвучал шепот, отразившийся от низких сводов. Послышался шум мелких камешков, скатившихся по черной лестнице.

Стефано в ужасе повернулся, чувствуя, как в жилах стынет кровь. Он узнал спокойный, четкий голос, прозвучавший в темноте.

Египтянин.

Их обнаружили.

Вероятно, почувствовав то же самое, женщина щелкнула выключателем, гася ультрафиолетовый свет. Все вокруг погрузилось в полный мрак.

Стефано поднял луч своего фонарика, надеясь обрести надежду в лице черной мадонны. Вместо этого он увидел в руке у женщины черный пистолет с навинченным на дуло длинным глушителем, направленный ему в лицо. Стефано сразу все понял, и его охватило отчаяние. Его снова провели.

– Grazie, Stefano⁵.

В тесный промежуток времени между резким кашлем пистолета и вырвавшейся из дула вспышкой пламени успела втиснуться только одна мысль:

«Мария, прости меня...»

3 июля, 13 часов 16 минут

Ватикан

Монсиньор Вигор Верона крайне неохотно поднялся по лестнице. Его терзали стоящие в памяти образы пламени и дыма. Да и сердце уже было слишком тяжелым для такого долгого подъема. Вигор чувствовал себя на целых десять лет старше своих шестидесяти. Остановившись на лестничной площадке, он задрал голову вверх, рукой поддерживая себя за поясницу.

Там, дальше, винтовая лестница превращалась в плотный лабиринт строительных лесов. Понимая, что это скверная примета, Вигор поднырнул под помостом маляра и стал подниматься выше, по лестнице, ведущей на самый верх Башни ветров.

От обжигающих паров свежей краски у него на глазах выступили слезы. Однако вторгались и другие запахи, призраки прошлого, которое ему хотелось забыть.

Обугленная плоть, едкий дым, раскаленный пепел.

Два года назад взрыв вызвал пожар, превративший башню в пылающий факел в самом сердце Ватикана. Но вот после долгих трудов к ней возвращалось ее бывшее величие. Вигор с нетерпением ждал, когда в следующем месяце башня вновь будет открыта для посетителей. Торжественную ленточку предстоит разрезать самому кардиналу.

Но в первую очередь ему хотелось раз и навсегда покончить с прошлым.

Даже знаменитая Комната меридиана на самом верху башни, в которой Галилео Галилей пытался доказать, что Земля вращается вокруг Солнца, была уже почти полностью восстановлена. Потребовалось полтора года напряженной работы двух десятков художников-реставраторов и историков, чтобы отвоевать у пепла и копоти фрески, украшающие стены и потолок комнаты.

Если бы кистью и краской можно было исправить не только фрески...

Став новым префектом Тайного архива Ватикана, Вигор узнал, сколько сокровищ оказались безвозвратно утеряны, погибнув в огне, дыму и воде. Тысячи древних книг, иллю-

---

⁵ Спасибо, Стефано (*ит.*).

стрированных текстов и архивных реестров – пергаментных и бумажных листов в кожаном переплете. На протяжении прошлого столетия помещения башни использовались для хранения избытков, которые уже не помещались в главном хранилище архива, укрытом глубоко под землей.

И вот теперь, увы, свободного пространства в библиотеке стало значительно больше.
– Господин префект Верона!

Вздвигнув, Вигор вернулся в настоящее, услышав раскатившиеся отголоски. Но это был лишь его секретарь, молодой студент семинарии по имени Клаудио, окликнувший его сверху. Значительно опередив своего престарелого начальника, Клаудио ждал Вигора в Комнате меридиана. Молодой человек раздвинул прозрачный пластиковый занавес, закрывавший вход в комнату с лестницы.

Час назад Вигора вызвал в башню руководитель отряда реставраторов. Сообщение было кратким и загадочным. «Приходите немедленно. Совершено жуткое и замечательное открытие».

Поэтому Вигор спешно оставил свой кабинет и совершил долгий путь пешком до самой вершины башни. Он даже не успел переодеть черную сутану, в которую облачился для встречи с государственным секретарем Ватикана. Вигор сожалел о своем выборе одежды, оказавшейся слишком тяжелой и теплой для быстрого подъема. И все же в конце концов он добрался до своего секретаря и промокнул носовым платком мокрый от пота лоб.

– Сюда, господин префект, – сказал Клаудио, отодвигая занавес.

– Спасибо, Клаудио.

Из комнаты в лицо Вероне пахло раскаленным воздухом, словно из духовки. Казалось, камни сохранили жар огня, бушевавшего здесь два года назад. Однако виной всему было лишь полуденное солнце, нагревшее самую высокую башню в Ватикане. На Рим накатил волна особенно сильной жары. Вигор мысленно взмолился хотя бы о слабом ветерке, который подтвердил бы название башни, принеся с собой прохладу.

Но все же монсиньор Верона сознавал, что капли пота, высыпавшие у него на лбу, не имеют отношения ни к жаре, ни к длительному подъему в теплой сутане. С тех самых пор, как в башне произошел пожар, Вигор всеми правдами и неправдами старался не подниматься вверх, руководя работами издали. И даже сейчас он упорно поворачивался к одной из комнат спиной.

До Клаудио у него был другой секретарь – Джейкоб.

В огне пожара погибли не одни только книги.

– Ну наконец-то! – прогремел раскатистый голос.

Доктор Бальтазар Пиноссо, руководитель реставрационных работ в Комнате меридиана, пересек круглое помещение. Этот самый настоящий гигант ростом под семь футов был одет во все белое, словно хирург. Респиратор был сдвинут на лоб. Вигор был хорошо знаком с Пиноссо. Тот занимал должность декана отделения истории искусства Григорианского университета, в котором Вигор в свое время возглавлял Институт христианской археологии при понтифике.

– Префект Верона, спасибо за то, что так быстро поднялись ко мне.

Взглянув на часы, великан закатил глаза, молча комментируя такой долгий подъем.

Вигор по достоинству оценил тонкую насмешку. После того как он занял высокую должность хранителя архивов, немногие осмеливались разговаривать с ним иначе как почтительно и подобострастно.

– Если бы у меня были такие же длинные ноги, как у вас, Бальтазар, я бы перепрыгивал через две ступеньки и попал бы сюда раньше бедняги Клаудио.

– В таком случае нам лучше поскорее покончить со всеми делами, чтобы вы смогли вернуться к себе и немного вздремнуть, как привыкли делать каждый день. Мне бы не хотелось отрывать вас от этого важного занятия.

Несмотря на внешнюю веселость доктора Пиноссо, Вигор сразу же разглядел в его глазах тревогу. От него также не укрылось то, что Бальтазар отпустил всех реставраторов. Быстро оценив положение, он жестом указал Клаудио на лестницу:

– Клаудио, ты не мог бы ненадолго оставить нас одних?

– Разумеется, господин префект.

Как только секретарь скрылся за занавесом, выйдя на лестничную площадку, Вигор повернулся к бывшему коллеге.

– Бальтазар, чем вызвана подобная спешка?

– Идемте, я вам все покажу.

Он направился в противоположный угол помещения. Вигор отметил, что комната отреставрирована практически полностью. На круглых стенах и потолке снова заиграли всеми красками знаменитые фрески кисти Никколо Чирчиньяни, изображающие сцены из Библии, с херувимами и облаками наверху. Лишь несколько росписей были закрыты шелковыми сетками в ожидании последней стадии восстановления. Но в основном работы были завершены. Даже высеченные на полу знаки зодиака отчистили и отполировали. Через небольшое отверстие в стене проникал одинокий луч света, падая на каменные плиты пола и освещая выложенную белым мрамором линию меридиана, проходящую через всю эту астрономическую обсерваторию шестнадцатого столетия.

Дойдя до дальней стены, Бальтазар раздвинул занавес, открывая небольшое боковое помещение. Судя по следам копоти на массивной деревянной поверхности двери, ей удалось уцелеть в пожаре.

Историк похлопал ладонью по одному из бронзовых болтов, проходящих через дверь насквозь.

– Мы обнаружили, что сердцевина у нее бронзовая. Можно сказать, нам повезло. Находящееся в этой комнате уцелело.

У Вигора разыгралось любопытство. Он забыл о том, с какими чувствами заходил сюда.

– И что там было?

Бальтазар распахнул дверь. За ней обнаружилось тесное помещение без окон с голыми каменными стенами, в котором с трудом могли поместиться два человека. Друг напротив друга возвышались два книжных шкафа от пола до самого потолка, заставленные фолиантами в кожаных переплетах. Несмотря на запах свежей краски, из комнаты пахло плесенью – свидетельство того, что древность побеждает любые человеческие труды.

– Содержимое шкафов было описано сразу же, как только мы поднялись сюда и добрались до этого помещения, – объяснил Бальтазар. – Впрочем, ничего особенно ценного мы здесь не обнаружили. В основном это полуистлевшие труды астрономического и географического характера. – Шагнув внутрь, он громко и виновато вздохнул. – Боюсь, нам следовало повнимательнее следить за рабочими, которые трудились здесь днем. Но я был полностью поглощен Комнатой меридиана. А ночью здесь дежурил швейцарский гвардеец. Я считал, что опасаться нечего.

Вигор проследовал за великаном в тесное помещение.

– Кроме того, мы использовали эту комнату для хранения части инструмента. – Бальтазар указал на нижнюю полку одного из шкафов. – Чтобы не мешался под ногами.

Вигор покачал головой. Тяжесть на сердце не проходила.

– Ничего не понимаю. В таком случае зачем вы меня вызвали?

Из груди историка вырвался недовольный вздох.

– Неделю назад, – объяснил он, – гвардеец прогнал человека, рыскавшего здесь. – Бальтазар обвел рукой тесное помещение. – Прямо тут.

– Почему мне об этом не доложили? – всполошился Вигор. – Что-нибудь было похищено?

– Нет, в том-то все дело. Вы в то время находились в Милане, а гвардеец прогнал неизвестного. Я предположил, что это был обычный вор, который воспользовался царившей здесь суматохой и затесался среди рабочих. После этого случая я распорядился поставить здесь второго гвардейца, на всякий случай.

Вигор махнул рукой, предлагая ему продолжать.

– Но сегодня утром один из реставраторов относил сюда лампу. Когда он вошел в помещение, она была включена.

Бальтазар затворил дверь за спиной Вигора, перекрывая свет снаружи. Затем он включил маленькую переносную лампу. Комната залилась багрянцем, а белая одежда ученого засияла.

– При реставрационных работах часто приходится использовать ультрафиолетовое освещение. Оно помогает обнаруживать детали, невидимые невооруженным глазом.

Бальтазар указал на мраморный пол. Но Вигор уже увидел то, что высветила лампа. В центре пола сиял грубо выполненный рисунок.

Изогнувшийся дракон, пытающийся схватить себя зубами за хвост.

У Вигора перехватило дыхание. Он в ужасе отшатнулся назад, не в силах поверить своим глазам. Его слух наполнился ревом воспоминаний о крови и криках.

Бальтазар положил ему руку на плечо:

– С вами все в порядке? Наверное, мне следовало подготовить вас лучше.

Вигор стряхнул с себя его руку:

– Ничего... все хорошо.

В подтверждение своих слов он опустил на корточки, изучая светящийся рисунок, который был ему так хорошо знаком. Знак ордена дракона.

Бальтазар встретился с ним взглядом, и в ультрафиолетовом свете сверкнули белки его глаз. Именно орден дракона два года назад сжег башню, заручившись помощью изменника, предыдущего префекта тайного архива. Префекта Альберто больше не было в живых. Вигор полагал, что со всей этой историей давно покончено, она забыта и погребена, особенно теперь, когда башня, подобно фениксу, восстала из дыма и пепла.

Откуда здесь этот знак?

Вигор почувствовал, как в левом коленном суставе что-то хрустнуло. Не обращая на это внимания, он продолжал изучать рисунок. Не вызывало сомнений, что он выполнен поспешно, в самых общих чертах.

Бальтазар заглянул префекту через плечо.

– Я изучил рисунок с помощью лупы. Мне удалось обнаружить каплю реставрационного клея под люминесцентной краской. Это указывает на то, что рисовали недавно. Полагаю, не больше недели назад.

– Вор... – пробормотал Вигор, вспоминая начало рассказа.

– Вероятно, это все-таки не был обычный вор.

Вигор потер ноющее колено. Вероятно, этот рисунок имеет жизненно важное значение. «Угроза или предупреждение, возможно, послание другому предателю, работающему на орден дракона в Ватикане». Тут он вспомнил текст записки Бальтазара: «Приходите немедленно. Совершено ужасное и поразительное открытие». Теперь он понимал смысл слова «ужасное».

Вигор оглянулся через плечо:

– Вы также упоминали в своей записке о чем-то «замечательном».

Бальтазар кивнул. Протянув руку, он открыл дверь, впуская в тесное помещение свет из соседней комнаты. В ярком освещении дракон на полу исчез, словно испугавшись света.

Вигор выпустил давно сдерживаемый вдох.

– А теперь взгляните вот на что, – сказал Бальтазар, опускаясь на корточки рядом с ним. – Если бы не дракон на полу, мы бы не обратили на это внимания.

Опершись на ладонь, он протянул другую руку вперед. Его пальцы скользнули по голому камню.

– Для того чтобы это различить, потребовалась лупа. Я случайно заметил надпись, когда осматривал люминесцентную краску. Дождаясь вас, я счистил с надписи многовековую грязь.

Вигор недоуменно посмотрел на каменный пол.

– О какой надписи вы говорите?

– Нагнитесь ниже. Пощупайте.

Подчинившись, Вигор сосредоточил внимание. Он не столько увидел, сколько почувствовал кончиками пальцев, словно слепой, читающий по азбуке Брайля. На камне были высечены полустертые символы.

И без замечания Бальтазара Вигор понял, что надпись древняя. Загадочные символы были четкими, словно научные знаки, однако это был не труд ученого. Как бывший глава Института христианской археологии при понтифике, Вигор сразу же понял, что перед ним.

Судя по всему, Бальтазар правильно истолковал его реакцию.

– Это действительно то, о чем я подумал?

Выпрямившись, Вигор смахнул пыль с рук.

– Надпись сделана на языке более древнем, чем древнееврейский, – пробормотал он. – Если верить легендам, это самый первый язык на земле.

– Откуда она здесь? Что означает?

Вигор покачал головой, не отрывая взгляда от пола. У него в голове зрел новый вопрос. Снова появилось изображение дракона, но только мысленное, озаренное не ультрафиолетовым светом, а тревогой. Дракон обвивал надпись на камне, словно оберегая ее.

В памяти у Вигора всплыли слова Бальтазара: «Если бы не дракон на полу, мы бы не обратили на это внимания». Быть может, дракон не столько оберегал древнюю надпись, сколько подчеркивал ее, бросая на нее луч света?

Но для чьего взора предназначался этот рисунок?

Мысленно представляя изогнувшегося дракона, Вигор снова ощутил в руках тяжесть тела Джейкоба, опаленного, обугленного.

В это мгновение ему открылась правда. Послание предназначалось не для другого члена ордена дракона, не для другого предателя вроде префекта Альберто. Оно предназначалось для человека, тесно связанного с историей ордена дракона, для человека, который поймет его значение.

Это послание было оставлено для него самого. Но зачем? Каков его смысл?

Вигор медленно поднялся на ноги. Он знал одного человека, который, вероятно, сможет ему помочь, но которому он упорно не звонил вот уже на протяжении целого года. До сих пор в этом не было необходимости, особенно после того, как этот человек разорвал помолвку с племянницей Вигора. Но священник сознавал, что в значительной степени нежелание поддерживать отношения объясняется не разбитыми сердцами. Этот человек, как и эта башня, напоминал Вигору о кровавом прошлом, которое он хотел забыть.

Однако теперь у него не было выбора.

Изображение дракона стояло у Вигора перед глазами, наполненное зловещим предостережением.

Ему нужна помощь.

4 июля, 23 часа 44 минуты

Такома-Парк, штат Мэриленд

– Грей, ты не мог бы вынести мусор с кухни?

– Уже иду, мама.

Коммандер Грей Пирс забрал в гостиной еще одну пустую бутылку из-под виски, еще одного солдата, павшего на праздновании Дня независимости, устроенном его родителями, и запахнул ее в полиэтиленовый пакет под мышкой. Слава богу, праздник постепенно затихал.

Грей взглянул на часы. Уже почти полночь.

Взяв две пустые бутылки из-под пива с журнального столика, Грей задержался в дверях, наслаждаясь ветерком, дующим с улицы. Ночной воздух был насыщен ароматом жасмина, к которому примешивался стойкий запах дыма от петард, взорванных во дворе. Вдалеке темноту со свистом и треском разрывали огни фейерверков. Жалобно выла собака, напуганная громким шумом.

Почти все гости уже разъехались. Лишь несколько человек на крыльце нежились в шезлонгах или стояли у перил, наслаждаясь ночной прохладой, которая наконец сменила испепеляющий зной, обычный для Мэриленда в это время года. После шумного застолья гости запускали фейерверки, затем стали постепенно исчезать в ночи. Остались лишь самые стойкие.

И среди них начальник Грея.

Директор Пейнтер Кроу стоял у перил рядом с молодым преподавателем, работающим у матери Грея. Этот угрюмый уроженец Конго учился в аспирантуре Университета имени Джорджа Вашингтона. Пейнтер Кроу разговаривал с ним о гражданской войне, раздирающей его родину. Похоже, даже на вечеринке директор отряда «Сигма» держал руку на пульсе мировых дел.

Именно поэтому он был таким хорошим руководителем «Сигмы».

Отряд «Сигма» представлял собой секретное оперативное подразделение в составе УШПОНИР, Управления перспективного планирования оборонных научно-исследовательских работ. Сотрудники «Сигмы» оберегали или, наоборот, устраняли новые технологические разработки, имеющие жизненно важное значение для безопасности Соединенных Штатов. Отряд состоял из бывших бойцов сил особого назначения, прошедших строжайший отбор и получивших блестящее техническое образование. Таким образом, это было военизированное формирование инженеров, каждый из которых при этом являлся опытным оперативным работником. Или, как любил шутить Монк, друг и напарник Грея, это был отряд «ученых-убийц».

Понятно, что при таком грузе ответственности единственным послаблением директора Кроу в этот праздничный день был стакан виски, который, до сих пор не опустошенный, стоял на перилах крыльца. Пейнтер смаковал его весь вечер. Словно почувствовав на себе взгляд Грея, Пейнтер обернулся и кивнул ему.

В бледном свете фонарей директор казался высеченным из камня. Он был в черных брюках и наглаженной льняной рубашке. Резкие черты лица выдавали его наполовину индейское происхождение.

Грей всмотрелся в лицо начальника, пытаясь найти хоть какие-то отметины того напряжения, в котором находится в последнее время директор. Как раз сейчас АНБ⁶ и УПЮНИР проводили строгую ревизию внутренней структуры группы «Сигма», и на это наложилась эпидемия, разгорающаяся в Юго-Восточной Азии. Поэтому Грей был рад видеть Пейнтера Кроу за пределами подземного комплекса «Сигмы».

Хотя бы всего один вечер.

И все же мысли о работе никогда не покидали директора. В доказательство этого Пейнтер потянулся и, оторвавшись от перил, шагнул к двери.

– Мне пора, – бросил он Грею, взглянув на часы. – Думаю, заскочу в управление и выясню, как дела у Лизы и Монка.

Двое ученых, Лиза Каммингс и Монк Коккалис, были направлены в Индонезию, чтобы на месте ознакомиться с положением дел. Работающие под прикрытием Всемирной организации здравоохранения, они вылетели в Джакарту сегодня утром.

Выйдя на крыльцо, Грей пожал директору руку. Он знал, что Пейнтер переживает за Лизу и Монка не только как начальник за своих подчиненных. В его глазах Грей прочитал беспокойство любящего мужчины.

– Не сомневаюсь, с Лизой все будет в порядке, – заверил Пейнтера Грей, поскольку ему было известно, что в последнее время они с Лизой почти не разлучались. – Если только, конечно, она не забыла захватить затычки для ушей. Храп Монка способен заглушить рев реактивного двигателя. А что касается новостей, если у вас что-нибудь появится, немедленно дайте знать Кэт...

Пейнтер остановил его, подняв руку:

– Она уже дважды звонила мне сегодня, проверяя, нет ли у меня каких-либо известий. – Он залпом допил виски. – Как только что-нибудь будет, я сразу же позвоню ей.

– Подозреваю, Монк вас все равно опередит, поскольку теперь ему приходится отчитываться перед двумя женщинами.

Несмотря на усталость, Пейнтер улыбнулся. Три месяца назад у Кэт и Монка родилась девочка, очаровательная малышка весом шесть фунтов и три унции, которую назвали Пенелопой Энн. Получив новое задание, Монк пробовал отшучиваться, что это поможет ему бежать от пеленок и ночных кормлений. Однако Грей видел, как трудно его другу расставаться с женой и крохотной дочерью.

– Спасибо за то, что приехали, господин директор. До встречи завтра утром на работе.

– Пожалуйста, передай от меня наилучшие пожелания своим родителям.

Эти слова побудили Грея перевести взгляд налево, в сторону полосы света, выбивающейся из ворот отдельно стоящего гаража. Его отец удалился туда уже больше часа назад. Сегодня вечером взрывались не только петарды. В последнее время отцу Грея, страдающему прогрессирующей болезнью Альцгеймера, становилось все труднее находиться в обществе: он забывал имена, по многу раз повторял одни и те же вопросы. И вот сегодня, злясь на самого себя, Пирс-старший поссорился с сыном и в гневе закрылся в гараже, где также находилась его мастерская.

Это происходило все чаще и чаще. Грей подозревал, что отец не столько бежит от окружающего мира, сколько старается наедине обрести опору в знакомый вещах, находя утеше-

---

⁶ Агентство национальной безопасности (АНБ) – ведомство в составе Министерства обороны США, занимается защитой правительственной и военной связи и компьютерных систем, а также электронным наблюдением. (Здесь и далее прим. переводчика.)

ние в кольце стружки, выходящей из-под рубанка, и повороте и без того затянутого винта. Но несмотря на эту странную форму медитации, Грей видел в глазах отца растущее чувство страха.

– Обязательно передам, – сказал он.

После отъезда Пейнтера за ним последовали и остальные задержавшиеся гости. Кто-то заходил в дом, чтобы попрощаться с матерью Грея; другие просто пожимали ему руку, благодаря за вечер. Вскоре на крыльце никого не осталось.

– Грей! – донесся из дома голос матери. – Мусор!

Вздыхнув, Грей поднял пакет с пустыми бутылками, банками и пластиковыми стаканчиками. Он поможет матери убрать в доме, после чего вернется на велосипеде к себе, благо ехать совсем недалеко. Захлопнув за собой дверь, Грей выключил свет на крыльце и, скрипя деревянными половицами, направился на кухню. Оттуда доносились гудение посудомоечной машины и стук сковород в мойке.

– Мама, я закончу, – сказал Грей, заходя на кухню. – Ложись спать.

Мать повернулась от мойки. На ней были темно-синие хлопчатобумажные брюки и белая шелковая блузка, прикрытая влажным клетчатым фартуком. В такие моменты, как сегодня, когда мать была измучена бурным вечером и обилием гостей, Грея особенно остро бросался в глаза ее возраст. Что делает эта незнакомая седая старуха у матери на кухне?

Но тут мать махнула в его сторону мокрым полотенцем, нарушая иллюзию.

– Просто убери мусор. Я здесь уже почти закончила. И скажи своему отцу, чтобы возвращался в дом. Эдельманны не любят, когда он занимается столярными работами по ночам. Да, кстати, остались жареные цыплята, я их завернула в фольгу. Ты не отнесешь их в холодильник в гараже?

– Придется ходить два раза. – Грей схватил в руку два пакета с мусором и зажал под мышкой коробку с пустыми бутылками. – Сейчас вернусь.

Толкнув бедром заднюю дверь, Грей вышел на темный двор. Осторожно спустившись с крыльца, он прошел к гаражу и выстроившемуся рядом с ним ряду мусорных баков. Грей поймал себя на том, что старается двигаться как можно бесшумнее и придерживает бутылки, чтобы те не звенели. Однако его присутствие выдал поливальный шланг.

Грей споткнулся, наскочив на него в темноте, и, стараясь сохранить равновесие, зазвенел бутылками. У соседей недовольно залаял разбуженный черный шотландский терьер.

Проклятье!..

Из гаража донесся резкий голос отца:

– Грей? Если это ты... черт побери, мне здесь нужна твоя помощь!

Грей застыл в нерешительности. После жаркой перепалки с отцом всего каких-нибудь пару часов назад ему не хотелось устраивать новые шумные разборки, поскольку уже было за полночь. За последние несколько лет отношения отца и сына несколько выровнялись, после того как удалось найти общие точки после целой жизни взаимного отчуждения. Но на протяжении последнего месяца, по мере того как психологические тесты отца снова начали фиксировать сползание вниз, он опять стал превращаться в прежнего раздражительного и нелюдимого человека.

– Грей!

– Уже иду!

Выбросив мусор в открытый бак и поставив коробку с пустыми бутылками на землю, Грей собрался с духом и шагнул в полосу света, пробивающуюся из открытого гаража.

Ему в нос тотчас же ударил запах опилок и машинного масла, напомнивший о неприятном прошлом. «Возьми этот чертов ремень, твою мать... я научу, чтобы ты хорошенько думал, прежде чем брать мои инструменты... думай головой, а не задницей, иначе я тебя так взгрею...»

Отец стоял на коленях рядом с опрокинутой банкой из-под кофе, из которой рассыпались маленькие гвозди, и сгребал их с пола ладонью. Грей заметил на бетоне капли крови из ранки на левой руке отца.

Увидев вошедшего сына, Пирс-старший поднял голову. В ярком свете люминесцентных ламп фамильное сходство не вызывало сомнений. В голубых глазах отца присутствовала та же самая сталь, что и в глазах Грея. В обоих лицах, угловатых, с резкими складками, чувствовалась валлийская кровь. Отрицать это было бесполезно. Грей становился все больше похож на отца. И хотя волосы у него все еще оставались черными как смоль, еще одним доказательством этого были первые седые волоски.

Увидев кровь, Грей подошел к отцу и предложил ему пройти к раковине в дальнем углу.

– Надо вымыть рану.

– Только не учи меня, что делать.

Грей открыл было рот, собираясь возразить, но передумал и присел на корточки рядом с отцом.

– Что тут у тебя стряслось?

– Искал шурупы, – махнул тот в сторону верстака.

– Но ведь это же гвозди.

У отца сверкнули глаза.

– Гениально, Шерлок!

Его взгляд был наполнен бездонной яростью, едва сдерживаемой, но Грей почувствовал, что в кои-то веки она обращена не на него. Осознав это, он принялся молча собирать гвозди в банку. Отец отрешенно уставился на свои руки, одну окровавленную, другую нет.

– Папа?

Тряхнув головой, Пирс-старший наконец тихо промолвил:

– Черт бы побрал...

Грей промолчал.

Еще когда он был совсем маленький, с его отцом, трудившимся на нефтяных месторождениях Техаса, произошел несчастный случай на работе. Ногю пришлось отнять выше колена, и полный сил мужчина в одночасье превратился в домохозяйку. После чего большую часть недовольства отца жизнью пришлось принимать на себя Грею. От него постоянно что-то требовали, а он никак не мог стать тем, кем хотел видеть его отец.

Глядя на то, как Пирс-старший рассматривает свои руки, Грей вдруг понял болезненную правду. Быть может, с самого начала злость его была обращена внутрь. Как сейчас. Отец был недоволен не сыном, а самим собой: это *он* не смог стать тем, кем хотел. И теперь новая болезнь угрожала отнять даже это.

Грей тщетно пытался подыскать нужные слова.

Внезапно его размышления прервал рев мотоцикла. В конце улицы завизжали покрышки.

Выпрямившись, Грей поставил банку с гвоздями на верстак. Отец выругался вполголоса, проклиная пьяного лихача. Однако Грей быстро протянул руку к выключателю, гася свет.

– Что ты делаешь?..

– Не поднимайся с пола, – приказал Грей.

Что-то было не так...

Показался мотоцикл, могучая черная «ямаха» с восьмицилиндровым двигателем. Он с воем несся по улице, виляя из стороны в сторону. Фара была погашена. Вот что насторожило Грея: реву двигателя не предшествовал яркий сноп света. Мотоцикл мчался в полной темноте.

Не снижая скорости, мотоцикл резко дернулся в сторону и пошел юзом. Из-под заднего колеса вырвалось облачко черного дыма. Водитель застыл на мгновение, пытаясь удержать равновесие, затем свернул на дорожку, ведущую к дому Пирсов, и рванул вперед.

– Это еще что за чертовщина! – рявкнул отец.

Но мотоциклист слишком сильно выкрутил руль. Налетев на бордюрный камень, мотоцикл подпрыгнул и развернулся наискосок. Водитель тщетно пытался выровняться. Зацепившись задним крылом за край крыльца, мотоцикл упал на асфальт, высекая сноп искр – еще один праздничный фейерверк в честь Дня независимости. Вывалившийся водитель покатился кубарем и остановился только у самых раскрытых ворот гаража.

Мотоцикл проехал до конца дорожки и, чихнув, заглох. Искры погасли. Снова наступила темнота.

– Господи Иисусе! – воскликнул Пирс-старший.

Грей поднял руку, молча приказывая отцу оставаться в гараже. Другой рукой он достал из кобуры на щиколотке «глок» калибра девять миллиметров и осторожно приблизился к распростертой на земле фигуре, одетой во все черное: кожаный комбинезон, шарф, шлем.

Тихий стон открыл Грею две вещи: водитель был еще жив, и это была женщина. Она лежала на боку, сжавшись в клубок. Черная кожа была разодрана в клочья.

На крыльце появилась мать Грея, привлеченная шумом.

– Грей?

– Оставайся на месте! – крикнул он.

Подойдя к упавшей мотоциклистке, Грей увидел какой-то предмет, отлетевший на несколько шагов в сторону, резкий черный силуэт его отчетливо вырисовывался на фоне белого бетона дорожки. Это было что-то вроде небольшой стелы из черного камня, треснувшей при падении. Внутри в лунном свете блестела металлическая сердцевина.

Однако внимание Грея, шагнувшего к мотоциклистке, привлек блеск другого предмета.

На шее у женщины висел маленький кулон в виде дракона.

Грей сразу его узнал. В точности такой же кулон висел на шее у него самого – подарок от давнишнего врага, предостережение и обещание на тот случай, если их пути пересекутся снова. Он крепче стиснул рукоятку пистолета.

Перекатившись на спину, женщина снова тихо застонала. На белый бетон хлынула кровь – черная река, стремящаяся к подстриженному газону. Взору Грея открылась зияющая выходная рана.

Выстрел был сделан в спину.

Протянув руку, женщина с трудом стащила с головы шлем. Грей увидел искаженное мучительными страданиями знакомое лицо, обрамленное черными волосами. Смуглая кожа и миндалевидные глаза безошибочно свидетельствовали о малоазиатском происхождении.

– Сейхан... – пробормотал Грей.

Женщина слабо протянула к нему дрожащую руку:

– Коммандер Пирс... помогите...

Грей услышал в ее голосе боль – но также то, чего никак не ожидал от своего хладнокровного врага.

Ужас.

Глава 2

Кровавое Рождество

5 июля, 11 часов 2 минуты

Остров Рождества

«Еще один ленивый день на морском берегу...»

Монк Коккалис шел следом за провожатым по узкой полосе песка. Оба были в защитных костюмах «Био-3» – не самой удобной одежде для прогулки по тропическому пляжу. Под костюм Монк надел только трусы и все же, медленно варясь в наглухо запечатанном пластике, чувствовал себя так, словно на нем теплая шуба. Прикрыв ладонью глаза, чтобы защититься от ослепительного полуденного сияния, он смотрел на открывающуюся взору жуткую картину.

Все западное побережье острова Рождества пенилось и бурлило смертью, словно сама преисподняя поднялась из океанских глубин и выплеснулась на берег. Море отступило, обозначив границу прилива грудями дохлых рыб, среди которых возвышались более высокими холмиками туши акул, дельфинов, морских черепах и даже карликовых китов – хотя определить, кому именно принадлежат те или иные останки, было очень трудно, поскольку мягкие ткани, кости и чешуя смешались в зловонную гниющую массу. Кроме того, на песке и в воде валялись сотни морских птиц, тоже мертвых; по-видимому, они были привлечены обильной добычей, но затем стали жертвой того же самого отравления.

Из расселины в скале с ревом вырывался пенистый фонтан грязной соленой воды, словно сам океан испускал последний вздох.

Поднырнув под поток, исследователи направились вдоль берега дальше на север, стараясь оставаться на узкой полосе чистого песка между смрадным месивом, вынесенным приливом, и отвесными скалами, окутанными покрывалом джунглей.

– Когда вернемся на корабль, – гнусаво пробормотал через противогаз Монк, – я к морепродуктам даже не притронусь.

Он радовался, что дышит сжатым воздухом из баллона. Нетрудно было догадаться, каким мерзким зловонием веет от этого кладбища на берегу.

Монк также был рад тому, что его напарница доктор Лиза Каммингс осталась на борту круизного лайнера, который стоял у противоположного берега острова. «Владычица морей» бросила якорь в бухте Летучих Рыб, вдали от тошнотворного смрада, который висел над ядовитым месивом на западном побережье и разносился ветром почти по всему острову.

Однако повезло далеко не всем.

Прибыв на остров на рассвете, Монк стал свидетелем спешной эвакуации сотен людей, всех до одного пораженных таинственной болезнью: одни ослепли, у других кожа была покрыта красными волдырями, в самых тяжелых случаях от тела отваливались куски гниющей плоти. И хотя пробы показывали быстрое снижение уровня заражения, было принято решение в целях предосторожности полностью эвакуировать население острова.

«Владычице морей», огромному, роскошному круизному лайнеру, совершавшему свое первое плавание вокруг островов Зондского архипелага, пришлось срочно высадить всех своих пассажиров и развернуться. Корабль был превращен в плавучий госпиталь. Кроме того, он также стал штабом отряда сотрудников Всемирной организации здравоохранения, прибывших на место, для того чтобы разобраться в причинах внезапного заражения моря.

Именно поэтому Монк сегодня утром прилетел на остров Рождества. Ему предстояло по горячим следам найти ответы на некоторые вопросы, связанные с трагедией. Лизе, оставшейся на корабле, пришлось в полной степени задействовать свои врачебные навыки, в то время как Монк, обладающий необходимой подготовкой, отправился бродить по зло-

вонному болоту. Директор «Сигмы» отрядил молодого специалиста на это задание, учитывая его опыт в судебной биологии и медицине. Считалось, что степень риска, связанного с данной операцией, является минимальной, – Монку и Лизе предстояло лишь наблюдать и собирать информацию. И все же директор Кроу отозвал Монка после трехмесячного отпуска по семейным обстоятельствам, вызванного рождением дочери.

Вспомнив про дочь, молодой ученый покачал головой. Ему не хотелось думать о своей малышке, шлепая по этой гниющей грязи. И все же он ничего не мог с собой поделать. Его мысли сами собой возвращались к голубым глазкам Пенелопы, к ее пухлым щечкам и невероятному нимбу светлых волос, так непохожим на суровые черты лица и бритую наголо голову ее отца. Ну как такое очаровательное создание может иметь с ним общие гены? Впрочем, наверное, тут постаралась мать. Даже здесь, на противоположном конце земного шара, Монк не мог избавиться от ноющей боли в груди, порожденной физической потребностью быть рядом с женой и дочерью. Казалось, он неразрывно связан с ними пуповиной, которая обеспечивает у всех троих единое кровообращение. Он сам иногда не верил своему счастью.

Провожатый Монка, доктор Ричард Графф, просоленный насквозь исследователь-океанолог из Квинслендского университета, опустил на колено. Графф не знал истинную сущность Монка; ему было известно лишь то, что ВОЗ пригласила его в качестве научного консультанта. Океанолог поставил пластмассовый ящик с образцами на плоский камень, торчащий из песка. Даже сквозь защитную маску были видны сосредоточенность и беспокойство, написанные на его бородатом лице.

Пришла пора приниматься за работу.

Двое ученых высадились на берег с надувного резинового плота «Зодиак». Офицер австралийского военно-морского флота, сидевший у руля, остался на плоту, отогнав его за границу зоны смерти. Сторожевой катер береговой охраны Австралии еще вчера подошел к острову, чтобы наблюдать за эвакуацией жителей.

Этот уединенный островок, затерявшийся в Индийском океане в полутора тысячах миль к северо-западу от Перта, являлся австралийской территорией. Открытый в день Рождества в 1643 году, необитаемый остров впоследствии был освоен англичанами, которые занялись разработкой залежей фосфатов. На крупной шахте трудились рабочие из соседней Индонезии, находившиеся здесь на положении рабов. Однако все это осталось в прошлом. Хотя шахта продолжала действовать до сих пор, основным бизнесом тропического острова стал туризм. Три четверти гористой территории острова, покрытой влажными джунглями, были объявлены национальными заповедниками.

Когда туристы вернутся сюда после случившегося?

Монк подошел к доктору Ричарду Граффу. Увидев его, ученый-океанолог обвел затянутой в перчатку рукой огромное кладбище.

– Согласно рассказам местных рыбаков, все началось чуть больше четырех недель назад, – объяснил Графф. – В сетях, которыми ловили крабов, стали попадаться пустые панцири – все мягкие ткани внутри были полностью разложившимися. На ладонях у рыбаков, которыми они вытягивали сети из моря, начали выскакивать волдыри. И дальше все только ухудшалось.

– Как вы полагаете, что здесь произошло? Пролилась какая-то ядовитая жидкость?

– То, что речь идет о чем-то ядовитом, не вызывает сомнений, вот только ничего не проливалось.

Открыв черный пакет с броской предостерегающей надписью, ученый указал на волну прибора. Вода пузырилась желтовато-бурой слизистой пеной, ядовитым бульоном, наполненным гниющей плотью.

– Нет, все это дело рук матери-природы.

– Что вы хотите сказать?

– Взгляните на этот слизистый гумус, коллега. Он состоит из сине-зеленых водорослей, прародителей всех современных микроорганизмов и водорослей. Три миллиарда лет назад подобная слизь господствовала в Мировом океане. И вот для нее снова пришел час возрождения. Вот почему меня пригласили сюда. Моей основной специализацией как раз и являются подобные организмы. Я изучал такие водоросли в районе Большого Барьерного рифа, в особенности один вид под названием «огненный сорняк». Это растение, нечто среднее между сине-зелеными и обычными зелеными водорослями, способно стремительно размножиться, покрыв территорию площадью с футбольное поле, за то время, пока вы будете обедать. И проклятый сорняк выделяет десять различных биотоксинов, достаточно сильных, чтобы вызвать раздражение на коже человека. А в высушенном виде при вдыхании обжигает почище жгучего перца.

Монк мысленно представил себе страшную картину пораженного таинственной болезнью Селения – так незатейливо назывался самый крупный поселок на острове. Он находился совсем недалеко от этой бухты, как раз на пути господствующих ветров.

– Вы хотите сказать, что именно это произошло здесь?

– Или нечто подобное. «Огненный сорняк» и другие виды сине-зеленых водорослей живут во всех морях нашей планеты. От норвежских фьордов до Большого Барьерного рифа. И когда рыбы, кораллы и морские млекопитающие погибают, для этой древней слизи, а также для ядовитых медуз наступает раздолье. Как будто процесс эволюции поворачивает вспять и моря превращаются обратно в первобытный океан. Причем винить в этом мы должны самих себя. Безрассудное применение удобрений, выбросы химических веществ, сточные воды отравляют дельты рек и прибрежные воды. Хищническое рыболовство сократило за последние пятьдесят лет поголовье крупных видов рыб больше чем на девяносто процентов. А изменение климата влечет за собой повышение температуры и кислотности морской воды, что приводит к уменьшению содержащегося в ней растворенного кислорода, и все живое начинает задыхаться. Мы стремительно убиваем моря, и вскоре обратить этот процесс уже будет невозможно. – Покачивая головой, Графф устремил взгляд на мертвые воды бухты. – У нас на глазах происходит возвращение Мирового океана к тому состоянию, в котором он пребывал сотни миллионов лет назад, кишаций одноклеточными микроорганизмами, токсичными водорослями и ядовитыми медузами. Подобные пятна смерти встречаются все чаще и чаще, и в самых разных местах земного шара.

– Но что стало причиной появления именно этого пятна?

Как раз этот вопрос и привел сюда обоих ученых.

Графф покачал головой:

– Какой-то новый, неизвестный вид сине-зеленых водорослей, с которым мы еще не встречались. И именно это меня и пугает. Уже сейчас морские биотоксины и нейротоксины являются самыми сильными ядами на свете. Они настолько отвратительны, что человеку пока не удастся их воспроизвести. Известно ли вам, что вещество под названием сакситоксин, которое выделяют бактерии, обитающие в некоторых видах морских моллюсков, не так давно было классифицировано Организацией Объединенных Наций как оружие массового поражения?

Поморщившись, Монк сквозь защитную маску бросил взгляд на бухту.

– Природа-мать может вести себя как злая мачеха.

– С ней не сравнится ни один террорист, коллега, даже самый жестокий. Так что лучше не выводить ее из себя.

С этим Монк был полностью согласен.

Когда лекция по биологии была закончена, Монк помог Граффу раскладывать образцы. Ему очень мешали защитные перчатки, кроме того, дополнительные неудобства доставляла неуклюжая левая рука. Вследствие ранения, полученного во время предыдущего задания,

молодой оперативник остался без кисти, и теперь ему приходилось носить протез, сделанный по последнему слову техники и напичканный новейшими приамбулами УППОНИР. Но все же никакие синтетические материалы и биоэлектроника не могли заменить живую плоть. Монк мысленно выругался, неловко втыкая шприц в песок.

– Поаккуратнее, – посоветовал ему Графф. – Вряд ли вам хочется проткнуть свой защитный костюм. Особенно здесь. Хотя уровень токсичности заметно снизился, осторожность не помешает.

Монк вздохнул. Он с большой радостью расстался бы с этим маскарадным одеянием и вернулся на борт лайнера, к своей лаборатории. Еще по пути на остров Монк позаботился о том, чтобы вся его криминалистическая лаборатория была переправлена по воздуху на лайнер. Именно там ему сейчас хотелось находиться больше всего.

Но первым делом нужно собрать образцы для исследований. И много. Кровь, ткани, кости. Рыб, акул, головоногих, дельфинов.

– Странно, – пробормотал Графф.

Выпрямившись, он обвел взглядом берег бухты.

– В чем дело? – спросил Монк.

– Одним из самых вездесущих животных на этом острове является *Geocarcoidea natalis*.

– А если говорить нормальным человеческим языком?..

Графф снова огляделся по сторонам.

– Я имею в виду красного сухопутного краба.

Монк всмотрелся в полосу мертвой морской живности, оставленную прибором. Направляясь на остров Рождества, он ознакомился со здешними флорой и фауной. Красный сухопутный краб был местной достопримечательностью. Отдельные особи вырастали до размеров тарелки. Ежегодная миграция крабов являлась одним из чудес живой природы. Каждый год в ноябре в строгом соответствии с лунными циклами сто миллионов крабов совершали сумасшедший бросок из джунглей к морю, уворачиваясь от охотящихся за ними морских птиц. Бросая вызов своим врагам, они завоевывали право спариваться во имя продолжения рода.

Графф продолжал:

– Крабы являются признанными любителями падали. Можно было бы предположить, что такое обилие мертвечины непременно их привлечет, как это произошло с птицами. Однако я не вижу ни одного краба, ни живого, ни мертвого.

– Быть может, они каким-то образом учуяли присутствие токсинов и остались в джунглях.

– Если это действительно так, возможно, данное обстоятельство позволит пролить свет на происхождение токсина или бактерий, вырабатывающих его. Не исключено, что в прошлом крабам уже приходилось сталкиваться с подобным заболеванием. А может быть, у них к нему иммунитет. В любом случае чем быстрее мы сможем установить источник заразы, тем лучше.

– Помочь жителям острова...

Графф пожал плечами:

– Разумеется, надо думать и об этом. Но гораздо важнее не допустить распространения заразы. – Он снова перевел взгляд на желтоватую слизь, и его голос наполнился тревогой. – Как бы все это не было предвестником того, чего опасаются океанологи всего мира.

Монк вопросительно посмотрел на него.

– Речь идет о появлении некоего микроорганизма, который нарушит равновесие, который обладает таким сильным действием, что это приведет к гибели в морях и океанах всего живого.

– И такое возможно?

Графф снова опустил на корточки и принялся за работу.

– Не исключено, что такое уже происходит.

После этого мрачного заявления Монк целый час собирал образцы в пакетики, коробки и пробирки. Тем временем солнце поднималось все выше и выше над скалами, отражалось ослепительным блеском от водной глади и раскаляло защитный костюм вместе с его обитателем. Монк начал мечтать о холодном душе и коктейле со льдом в шезлонге под зонтиком.

Двое ученых медленно продвигались вдоль берега. У самого края скал Монк обнаружил в песке пучок обгоревших палочек с благовониями. Они образовывали палисадник перед крохотным буддийским святилищем, представляющим собой не более чем сидящую фигуру без лица, стертого морем и песком. Монк представил себе, как местные жители зажигали палочки, призывая на помощь небеса, чтобы те помогли защититься от ядовитой заразы.

Он двинулся дальше, чувствуя холодный озноб: а что, если от их работы толку будет не больше?

Услышав рокот двигателей приближающегося судна, Монк повернулся к бухте. Его взгляд упал на полоску песка, уходящую в море. Собирая образцы, они с Граффом прошли мимо узкой косы, которая теперь скрывала катер из виду.

Монк прикрыл глаза козырьком ладони. Неужели австралийский моряк собирается подвести катер к берегу?

К нему подошел Графф.

– Возвращаться назад еще слишком рано.

Над бухтой резким треском раскатились автоматные очереди. Из-за косы показался синий, выдавший виды скутер. Монк разглядел на корме семерых человек, чьи головы были обвязаны платками. Солнце блеснуло на стволах автоматических винтовок.

Ахнув, Графф попятился от берега.

– Пираты...

Монк покачал головой. Замечательно, этого еще не хватало...

Развернувшись к берегу, катер понесся прямо на ученых, рассекая грязную воду. Монк схватил Граффа за шиворот и потащил его прочь с залитого солнцем пляжа.

Во всем мире пиратство находилось на подъеме, но воды, омывающие острова Зондского архипелага, и без того всегда кишели морскими головорезами. Их привлекали бесчисленные необитаемые островки и атоллы, заросшие густыми джунглями, с тысячами укромных бухточек. Все это создавало для пиратства самую благоприятную почву. Ну а после мощнейшего цунами, обрушившегося несколько лет назад на регион, количество пиратов резко возросло как следствие общего хаоса и связанного с ним распыления сил правоохранительных органов.

Судя по всему, нынешняя трагедия не стала исключением.

Отчаяние порождает отчаянных людей. Но у кого хватит смелости войти в эти воды? Монк обратил внимание на то, что пираты были с головы до ног укутаны в импровизированные защитные костюмы. Неужели они прознали о том, что уровень заражения начал снижаться, и решили совершить нападение на остров?

Отбегая в сторону джунглей, Монк оглянулся в сторону своего плота. На местном черном рынке за «Зодиак» можно будет выручить неплохие деньги, не говоря про имеющееся на борту исследовательское оборудование. Монк также обратил внимание на то, что ответного огня по пиратам не было. Вероятно, австралийский моряк, застигнутый врасплох, был сражен первой же очередью. И у него осталась единственная рация. Полностью отрезанные, они с Граффом оказались предоставлены самим себе.

Монк подумал о Лизе, оставшейся на борту круизного лайнера. Воды вокруг крохотного порта патрулирует сторожевой катер австралийской береговой охраны. По крайней мере, за молодую женщину можно не беспокоиться.

Чего нельзя было сказать о них самих.

Сзади путь к отступлению преграждали отвесные скалы. По обе стороны тянулись полосы пустынного песка.

Монк оттащил Граффа за валун, единственное укрытие.

Скутер летел прямо на них. Трещали очереди, поднимая над песком маленькие фонтанчики.

Монк прижал Граффа к земле и постарался сам прижаться как можно плотнее.

Да, вот тебе и ленивый день на морском берегу.

11 часов 42 минуты

Доктор Лиза Каммингс намазала кричащей девочке спину обезболивающей мазью. Мать держала ее за руку. Молодая малайка, она говорила приглушенным шепотом, и в ее миндалевидных глазах горел страх. Сочетание лидокаина и прилокаина быстро сняло чувство жжения, и крики сменились слезами и всхлипыванием.

– С ней все будет в порядке, – сказала Лиза, зная, что мать девочки работала официанткой в одной из местных гостиниц и говорила по-английски. – Проследите за тем, чтобы она три раза в день принимала антибиотики.

Женщина склонила голову:

– Terima kasih⁷.

Лиза кивнула в сторону группы людей в синей и белой форме, членов экипажа «Владычицы морей».

– Обратитесь к кому-нибудь из команды, вам с дочерью выделяют каюту.

Еще один поклон благодарности, но Лиза уже отвернулась и рывком стянула перчатки. Ресторан верхней палубы «Владычицы морей» превратился в главный перевалочный пункт всего корабля. Каждого эвакуированного с острова осматривали и определяли, критическое у него состояние или нет. Лизе, не имевшей опыта работы в условиях чрезвычайной ситуации, было поручено оказание первой помощи тем, чье состояние не вызывало опасений. В помощь ей назначили студента-медика из Сиднея, тощего молодого индуса по имени Джесспаль, добровольца из медицинского отряда ВОЗ.

Пара получилась странная: она, бледная блондинка, и он, черноволосый, с кожей цвета кофе. Однако работали они четко и слаженно.

– Джесси, как у нас обстоят дела с цефалексином?

– Должно хватить, доктор Лиза.

Одной рукой Джесспаль встряхнул большой пузырек с таблетками антибиотика, другой продолжал заполнять медицинскую карту. Было видно, что этому парню не привыкать к одновременному выполнению нескольких задач.

Поправив зеленые брюки, Лиза оглянулась вокруг. В настоящий момент ее помощь никому не требовалась. В остальной части ресторана царил приглушенный хаос, время от времени раздираемый криками, однако их уголок представлял собой островок спокойствия.

– По-моему, большая часть находившихся на острове эвакуирована, – заметил Джесси. – Я слышал, что последние два катера вернулись из порта наполовину пустыми. Похоже, это те, кого привезли из маленьких деревушек.

– Слава богу, если это действительно так.

---

⁷ Спасибо (малайск.).

В течение сегодняшнего утра, показавшегося ей бесконечным, Лиза приняла больше ста пятидесяти больных: в основном ожоги, волдыри, хриплый кашель, дизентерия, рвота, а также один вывих запястья вследствие падения с причала. Однако то была лишь малая толика пострадавших. Круизный лайнер подошел к острову вчера вечером, и к восходу солнца, когда на него попала Лиза, прилетевшая на вертолете, эвакуация уже шла полным ходом. Ей пришлось быстро включиться в работу. Всего на крохотном уединенном островке находилось свыше двух тысяч человек. Впрочем, корабль мог разместить всех, хотя и в тесноте, особенно если учесть, что число умерших уже перевалило за четыре сотни... и продолжало расти.

Лиза постояла, обхватив руками плечи, жалея о том, что это ее собственные руки, а не сильные руки Пейнтера, который обнимает ее, стоя сзади, прижимаясь к ее шее своей колючей щекой. Она устало закрыла глаза. Хотя его и не было рядом, она несла в себе частицу его стали.

Пока Лиза работала, принимая одного пациента за другим, ей без особого труда удавалось сохранять профессиональную отрешенность, сосредоточившись только на выполнении необходимых действий.

Но сейчас, в минуту затишья, она вдруг в полной мере осознала истинные масштабы разразившейся катастрофы. На протяжении последних двух недель вспышка болезни не вызывала особого беспокойства. Все ограничивалось лишь несколькими случаями ожогов, вызванных непосредственным контактом с заразой. Затем, всего за два дня, море вспенилось отравленным пятном, которое взорвалось выбросом обжигающего газа, скосившего пятую часть населения острова и искалечившего остальных.

И хотя ветер быстро развеял ядовитое облако, на больных обрушились осложнения и вторичные инфекции: грипп, лихорадка, менингит, слепота. Болезни распространялись с пугающей стремительностью. Вся третья палуба была отведена под зону карантина.

Но что здесь делала она, Лиза Каммингс?

Узнав новость о странной эпидемии, Лиза сразу же стала упрашивать Пейнтера направить ее сюда, подкрепляя свою просьбу вескими доводами. Помимо высшего медицинского образования у нее также был диплом по физиологии человека, но, что гораздо важнее, она обладала солидным опытом практических исследований, в первую очередь в области океанологии. В свое время ей пять лет пришлось поработать на борту спасательного судна «Фатом», занимаясь физиологическими исследованиями. Так что у Лизы были весомые аргументы настаивать на том, чтобы ее отправили на остров Рождества.

Однако только этим причины не исчерпывались.

На протяжении всего последнего года Лиза никуда не выезжала из Вашингтона. Она начинала ловить себя на том, что ее медленно засасывает жизнь Пейнтера. И хотя какая-то ее частица была рада полной близости, единению, Лиза также понимала, что ей необходим этот шанс самостоятельно проявить себя, необходим как ей самой, так и для их с мужем отношений. Пусть расстояние даст ей возможность оценить свою жизнь, покинув тень Пейнтера.

Но возможно, расстояние оказалось чересчур большим...

Услышав пронзительный вопль, Лиза повернулась к двустворчатой двери в ресторан. Два матроса несли на носилках мужчину. Тот извивался и кричал. Его кожа, красная, будто панцирь вареного рака, словно плакала, исторгая гной. Казалось, мужчину с головы до ног обварили кипятком. Матросы торопливо отнесли его к пункту первой помощи тяжелобольным.

Снова настроившись на профессиональную нотку, Лиза мысленно прокрутила в голове курс лечения. «Двойная доза диазепама и капельница с морфием». Однако в глубине души она знала правду. Как и все вокруг. Лечение может лишь смягчить боль. Мужчина на носилках умирал, и предотвратить это было нельзя.

– А вот и ходячие неприятности, – пробормотал за спиной Лизы Джесси.

Обернувшись, она увидела приближающегося к ней доктора Джина Линдхольма. Состоящий из одних ног и тощей шеи, он внешне напоминал страуса. Голову его венчала копна седых волос, похожих на оперение. Поймав на себе взгляд молодой женщины, руководитель группы ВОЗ кивнул, показывая, что его целью действительно является она.

И что будет дальше?

Лиза не питала особо теплых чувств к доктору Линдхольму, выпускнику медицинского факультета Гарвардского университета. Уж слишком высокого мнения о себе он был. Прибыв на круизный лайнер, Линдхольм, вместо того чтобы лично помогать пострадавшим, заперся в каюте с владельцем корабля, непоседливым австралийским миллиардером Райдером Блантом. Блант, славящийся дотошным вниманием ко всем мелочам своего бизнеса, лично отправился на корабле в его первое плавание. И хотя миллиардер мог покинуть лайнер, после того как его реквизировала ВОЗ, он остался на борту, используя спасательную операцию в рекламных целях.

А Линдхольм ему в этом помогал.

Однако подобное сотрудничество не распространялось на Монка и Лизу. Функционер ВОЗ не скрывал своего недовольства тем, что на него было оказано давление с целью включить этих двоих в группу. Но ему не оставалось ничего другого, кроме как подчиниться, хотя из этого еще не следовало, что ему это нравилось.

– Доктор Каммингс, рад, что застал вас в праздном безделье.

Лиза сдержалась с большим трудом. Джесси презрительно фыркнул.

Линдхольм взглянул на студента-медика так, словно только сейчас заметил его присутствие, после чего выбросил его из головы и снова сосредоточил все свое внимание на Лизе.

– Мне было предписано ставить в известность вас и вашего напарника относительно всех находок, имеющих отношение к этой эпидемиологической катастрофе. Поскольку доктор Коккалис сейчас работает на месте, я решил показать вам вот это.

Линдхольм протянул Лизе пухлую папку. Та узнала на обложке эмблему небольшой больницы, которая обслуживала население маленького острова. Весь персонал больницы состоял из нескольких врачей, работающих по вызову, и двух медсестер. С началом эпидемии больница была сразу же перегружена, и тяжелобольных пришлось отправлять по воздуху в Перт. Однако, когда биологическая катастрофа обрушилась на остров в полную силу, это стало экономически нецелесообразно. Как только круизный лайнер подошел к берегу, больница была переведена на него в первую очередь.

Раскрыв папку, Лиза увидела, что имя больного не указано. Она быстро пробежала взглядом историю болезни, хотя читать было особо нечего. Больной, мужчина шестидесяти с лишним лет, был обнаружен пять недель назад бредущим в голом виде через влажные джунгли. Судя по всему, у него помутился рассудок и ему пришлось провести в лесу довольно много времени. Он не мог говорить и страдал от сильного обезвоживания организма. Постепенно больной впал в старческое слабоумие; он больше не мог себя обслуживать, и его приходилось кормить с ложки. Его личность пытались установить по отпечаткам пальцев, а также изучая списки пропавших без вести, однако все было тщетно. Больной так до сих пор и оставался безымянным.

Лиза оторвала взгляд.

– Не понимаю... какое это имеет отношение к тому, что произошло здесь?

Линдхольм со вздохом встал у нее за спиной и постучал пальцем по истории болезни:

– Прочитайте перечень симптомов. В самом конце.

– «Следы воздействия агрессивной среды, от умеренных до сильных», – прочитала вслух Лиза, дойдя до перечня.

В последней строчке были указаны «глубокие солнечные ожоги второй степени на икрах ног с результирующими отеками и сильными волдырями». Лиза посмотрела на Линдхольма. Сегодня ей все утро приходилось иметь дело с такими же внешними симптомами.

– Значит, это не было обычным солнечным ожогом.

– Местные врачи поторопились с диагнозом, – с нескрываемым отвращением произнес Линдхольм.

Но Лиза не могла винить врачей маленького острова в ошибке. В то время еще никто не мог догадаться о надвигающейся экологической катастрофе. Она снова взглянула на дату.

Пять недель назад.

– Полагаю, нам наконец удалось отыскать больного номер ноль, – напыщенно промолвил Линдхольм. – Или, по крайней мере, одного из тех, кто заболел самым первым.

Лиза захлопнула папку.

– Я могу его осмотреть?

Линдхольм кивнул:

– Это вторая причина, по которой я поднялся сюда.

В его голосе прозвучала тревожная дрожь, насторожившая Лизу. Она подождала, что Линдхольм объяснится, но он лишь развернулся на каблуках и направился к выходу.

– Следуйте за мной.

Функционер ВОЗ пересек ресторан и подошел к одному из лифтов. Войдя в кабину, он нажал кнопку прогулочной палубы, расположенной на третьем уровне.

– Он в карантинном изоляторе? – спросила Лиза.

Линдхольм пожал плечами.

Двери лифта открылись. За ними оказался импровизированный приемный бокс. Линдхольм жестом предложил Лизе надеть защитный костюм, такой же, в каком Монк отправился собирать образцы.

Лиза натянула костюм, надела на голову капюшон и наглухо закрыла застёжки, обратив внимание на слабый запах человеческого тела, исходящий от костюма. Когда они оба были готовы, Линдхольм провел ее по коридору к одной из кают. Дверь была распахнута настежь, и у входа толпились другие врачи.

Линдхольм громогласно потребовал освободить дорогу. Вышколенные врачи поспешно расступились, и он провел Лизу в маленькую каюту без иллюминаторов, с единственной койкой у дальней стены.

Под тонким одеялом лежал человек, похожий на иссохший труп. Однако Лиза обратила внимание на то, как в такт слабому, неровному дыханию поднималось и опускалось одеяло. От руки тянулись трубки к капельницам. Кожа была такой бледной и тонкой, что казалась прозрачной.

Поддавшись внезапному порыву, Лиза посмотрела на лицо больного. Кто-то его побрил, но торопливо. Кое-где виднелись порезы. Волосы у него были седые и жидкие, словно у пациента, проходящего курс химиотерапии. И вдруг его глаза открылись, и их с Лизой взгляды встретились.

Какое-то мгновение ей казалось, что в глазах больного сверкнула искра сознания. Он даже слабо потянул к ней руку.

Но тут между ними встал Линдхольм. Он откинул половину одеяла, открывая ноги больного. Лиза ожидала увидеть покрытую струпьями кожу, заживающую после ожога второй степени, подобного тем, которые сегодня она обрабатывала весь день, но вместо этого ее взору открылись странные багровые синяки, протянувшиеся от щиколоток до самого паха, усыпанные черными волдырями.

– Если бы вы дочитали историю болезни до конца, – заметил Линдхольм, – вы бы узнали, что эти новые симптомы появились всего четыре дня назад. Сотрудники местной

больницы решили, что речь идет о тропической гангрене, следствии сильного заражения при ожогах. Однако на самом деле это...

– Некротизированный фасцит, – договорила за него Лиза.

Шумно втянув носом воздух, Линдхольм опустил одеяло.

– Вот именно. Мы тоже так думали.

Некротизированный фасцит, больше известный как «болезнь, пожирающая плоть», вызывался бактериями, как правило бета-гемолитическими стрептококками.

– Каковы ваши предположения? – спросила Лиза. – Вторичное заражение через уже имевшиеся раны?

– Я пригласил нашего бактериолога. Быстрая реакция по Граму, проведенная вчера вечером, показала массовое размножение пропионовых бактерий.

Лиза нахмурилась:

– Но это же какая-то ерунда. Пропионовые бактерии – обычные эпидермические бактерии. Они не являются патогенными. Вы уверены, что речь не идет о простом заражении?

– Только не при том количестве этих бактерий, в каком они были обнаружены в волдырях. Реакция по Граму была повторена на образцах других тканей. Результат тот же самый. Именно тогда было впервые замечено, что странным некрозом поражены окружающие ткани. В здешних местах подобный вид гниения тканей встречается достаточно часто. Оно может принимать вид некротизированного фасцита.

– А чем оно вызывается?

– Уколом бородавчатки, каменной рыбы. Крайне ядовитое существо. Внешне эта рыба похожа на камень, но у нее острые спинные плавники, смазанные ядом, который выделяется из специальных желез. Этот яд один из самых отвратительных в мире. Я пригласил доктора Барнхардта, чтобы он исследовал пораженные ткани.

– Токсиколога?

Линдхольм молча кивнул.

Доктор Барнхардт, специалист по естественным ядам и токсинам, прилетел сюда из Амстердама. Используя влияние «Сигмы», Пейнтер лично попросил включить его в состав группы ВОЗ.

– Результаты анализов были готовы час назад. Доктор Барнхардт обнаружил в тканях больного наличие активного яда.

– Ничего не понимаю. Значит, этот человек, блуждая в бессознательном состоянии, укололся о бородавчатку?

У нее за спиной прозвучал голос, ответивший на этот вопрос:

– Нет.

Лиза обернулась. Дверной проем заполнила собой огромная туша, настоящий медведь в человеческом облике, втиснувшийся в не по размеру маленький защитный костюм. Лицо, обрамленное спутанной седой бородой, как нельзя лучше соответствовало внушительным габаритам, чего нельзя было сказать про тонкий, проницательный ум. Доктор Хенрик Барнхардт протиснулся в каюту.

– Я не верю, что этот человек вообще когда бы то ни было укололся о бородавчатку. И в то же время он заражен ее ядом.

– Но как такое возможно?

Пропустив вопрос Лизы мимо ушей, Барнхардт обратился к функционеру ВОЗ:

– Все оказалось именно так, как я и подозревал, доктор Линдхольм. Я одолжил у доктора Миллера культуру пропионовых бактерий и провел анализ. Теперь нет никаких сомнений.

Линдхольм заметно побледнел.

– В чем дело? – нетерпеливо спросила Лиза.

Нагнувшись к безмянному больному, токсиколог осторожно поправил одеяло – на удивление нежное движение для такого огромного мужчины.

– Эти бактерии, – объяснил он, – те самые пропионовые бактерии... вырабатывают эквивалент яда бородавчатки, закачивая его в организм бедняги в таких количествах, что у него разлагаются ткани.

– Но это же невозможно.

Линдхольм фыркнул:

– Я сказал то же самое.

Лиза не обратила на него внимание.

– Пропионовые бактерии не вырабатывают никаких токсинов. Они абсолютно безвредны.

– Я не могу объяснить ни как они это делают, ни почему, – вздохнул Барнхардт. – Просто для того, чтобы продолжить исследования, мне нужен хотя бы растровый микроскоп. Но я уверяю вас, доктор Каммингс, что этим безобидным бактериям удалось каким-то образом преобразоваться в один из самых мерзких живых организмов на планете.

– Что значит «преобразоваться»?

– Я не думаю, что больной подцепил эту бактерию. На мой взгляд, она являлась частью его нормальной микрофлоры. Однако после того, как он подвергся какому-то внешнему воздействию – каким бы оно ни было, – это привело к изменению биохимической структуры бактерии, преобразовало ее базовый генотип и сделало ее вирулентной. Превратило в пожиравателя плоти.

И все же Лиза по-прежнему отказывалась поверить в услышанное. Ей нужны были дополнительные доказательства.

– У моего напарника доктора Коккалиса в номере развернута портативная лаборатория. Если бы вы смогли...

Вдруг Лиза почувствовала слабое прикосновение к своей затянутой в перчатку руке. От неожиданности она вздрогнула. Но это лишь протянул к ней руку лежащий на кровати больной. Его губы, обветренные и растрескавшиеся, слабо задрожали.

– Сю... Сьюзен...

Склонившись к нему, Лиза стиснула ему пальцы. Определенно больной бредил и принимал ее за другую. Она пожала руку, стараясь его подбодрить.

– Сьюзен... где Оскар? Я слышу в лесу его лай... – Он закатил глаза. – Лай... помогите ему... но только не надо... не надо заходить в воду...

Лиза почувствовала, как пальцы больного в ее руке обмякли. Его веки, дернувшись, опустились, обозначив конец краткому мгновению просветления. Молодая женщина убрала руку больного под одеяло.

Линдхольм шагнул прямо на нее, вынуждая отступить назад.

– Эта портативная лаборатория доктора Коккалиса... необходимо как можно скорее получить к ней доступ. Для того чтобы подтвердить или отвергнуть безумное предположение, сделанное доктором Барнхардтом.

– Я бы предпочла дожидаться возвращения Монка, – сказала Лиза. – Оборудование очень специфическое. Без Монка мы можем что-нибудь испортить.

Линдхольм нахмурился – выражая недовольство не столько Лизой, сколько жизнью вообще.

– Прекрасно. – Он повернулся к двери. – Ваш напарник должен вернуться через час. Доктор Барнхардт, тем временем соберите все те образцы, которые вам понадобятся.

Голландец-токсиколог кивнул, однако от Лизы не укрылось, как Барнхардт после ухода функционера ВОЗ закатил глаза. Лиза направилась следом за Линдхольмом.

Барнхардт окликнул ее:

– Вы свистнете мне, когда доктор Коккалис вернется, хорошо?

– Конечно.

Лизе не терпелось узнать правду не меньше остальных. Но она также опасалась, что пока они лишь чуть заделали самый край. Здесь творилось что-то жуткое. Но что именно?

Оставалось надеяться, что Монк скоро появится.

Выйдя в коридор, молодая женщина вспомнила последние слова больного: «Только не надо... не надо заходить в воду...»

11 часов 53 минуты

– Нам придется спасаться вплавь, – угрюмо заметил Монк.

– Вы что, с ума сошли? – спросил Графф, притаившийся рядом с ним за валуном.

Пару минут назад скутер пиратов сел на подводный риф, один из многих, давших название этой части острова: Беда Смитсона. Стрельба со стороны моря затихла, сменившись надрывным ревом двигателя, пытающегося стащить скутер с мели.

Высунув на мгновение голову, чтобы оценить обстановку, Монк едва не лишился уха, мимо которого просвистела пуля, выпущенная снайпером. Они с Граффом по-прежнему оставались прижаты к земле, в безвыходной ловушке, бежать из которой было некуда – кроме как прямо на виду у врага.

Монк расстегнул молнию на голени. Сунув руку под защитный костюм, он достал из кобуры на щиколотке девятимиллиметровый «глок».

Увидев у него в руке пистолет, Графф широко раскрыл глаза.

– Как вы думаете, сможете уложить их всех одним махом? Например, попасть в бензобак?

Покачав головой, Монк застегнул молнию.

– Вы насмотрелись боевиков со Сталлоне. С помощью этого пугача я смогу лишь заставить мерзавцев ненадолго пригнуться. Быть может, этого времени нам хватит, чтобы добежать до волны прибоя.

Он указал на цепочку скал, тянущихся в воде. Если им удастся добежать до воды, доплыть до конца скал и обогнуть их, есть шанс выбраться на берег, укрываясь за скалами от огня пиратов. Если потом успеют отбежать достаточно далеко, прежде чем пираты смогут снять с мели свой скутер... и если там будет какая-нибудь тропинка, ведущая в глубь острова...

Проклятье, слишком много «если»... Зато если они останутся здесь, никаких неопределенностей не будет. Если они засядут здесь, подобно паре трясущихся от страха кроликов, можно считать их трупами.

– Нам придется как можно дольше оставаться под водой, – предупредил Монк. – Быть может, даже удастся раз-другой сделать вдох, если под капюшоном костюма останется воздух.

При этой мысли Графф поморщился. Хотя пик токсичного заражения оказался позади, бухта по-прежнему оставалась отравленной помойной ямой. Даже пираты, понимая это, не покидали относительной безопасности скутера. Люди в масках пытались столкнуть лодку веслами, вместо того чтобы самим спуститься в воду и облегчить катер.

Если даже пираты не хотят лезть в воду...

Внезапно Монк засомневался в мудрости своего плана. К тому же он терпеть не мог плавать под водой. В конце концов, он ведь служил в армейских «зеленых беретах», а не в чертовых «морских котиках»⁸.

---

⁸ «Морские котика» – подразделения сил специального назначения ВМС США, предназначенные для ведения разведки и диверсионных действий на морском и речном побережье и в портах.

– В чем дело? – спросил Графф, правильно истолковав выражение лица Монка. – Вы не уверены в том, что ваш замысел увенчается успехом?

– Ну вот, стоило только задуматься!

Распластавшись на земле, Монк посмотрел на потрепанное непогодой изваяние Будды под односкатным навесом, защищенное частоколом обугленных молитвенных палочек. Он не был буддистом, но сейчас был готов помолиться любому божеству, лишь бы оно вытащило их из этой передраги.

Его взгляд снова остановился на обгорелых молитвенных палочках. Не оборачиваясь, он обратился к Граффу:

– Каким образом верующим удалось сюда попасть? На самом берегу на протяжении нескольких миль нет ни одной деревушки, прибрежная полоса защищена рифами, а скалы слишком отвесные, чтобы карабкаться по ним.

Графф покачал головой:

– Какая разница?

– Но ведь кто-то же зажег эти палочки. И не далее как день назад. – Монк перевернулся на бок. – Взгляните на берег. Никаких следов, кроме наших с вами. Видно, что верующие вставали на колени, чтобы зажечь палочки, но нет следов, ведущих к воде или вдоль берега. Это означает, что люди спустились сверху. Значит, там должна быть тропинка.

– А может быть, они спустились и поднялись по веревочной лестнице.

Монк вздохнул, пожалев, что ему не достался более тупоумный напарник, не способный пробить брешь в любых логических построениях.

– Вода или Будда? – поставил вопрос ребром он.

Графф судорожно сглотнул подступивший к горлу комок. Двигатель скутера взревел, набирая обороты. Пиратам почти удалось сняться с мели.

Графф повернулся к Монку:

– Кажется... кажется, если потереть живот изваянию Будды, это приносит удачу, да?

Монк кивнул:

– По-моему, я читал что-то в таком духе в какой-то книге о приметах. Будем надеяться, Будда тоже читал эту книгу.

Повернувшись лицом к морю, он поднял пистолет.

– По моей команде поднимаете задницу и несетесь к Будде. Я побегу за вами по пятам, паля в скутер. Думайте только о том, чтобы добежать до Будды и отыскать тропу.

– И еще надо будет молить Бога о том, чтобы верующие не воспользовались веревочной лестницей...

– Ни слова больше, или не видать нам удачи!

Графф умолк.

– Итак, приготовились... – Монк напрягся, шевеля ногами, чтобы восстановить кровообращение. Он начал отсчет: – Три... два... один...

Графф вскочил на ноги и помчался к скале, петляя словно заяц. Пуля ударила в камень у самых его ног.

Выругавшись, Монк поднял голову.

– Надо было дожидаться команды «пошел», – пробормотал он, часто нажимая на спусковой крючок, стреляя в сторону севшего на мель скутера. – Ох уж эти штатские...

Под градом пуль пираты бросились на дно катера. Один из них, взмахнув руками, свалился за борт. Монк понял, что ему повезло. Ответный огонь состоял из нескольких длинных неприцельных очередей, выпущенных в слепой ярости.

Тем временем Графф добежал до статуи Будды и, увязая в песке, проскочил мимо молитвенных палочек. Удержав равновесие, он развернулся и прыгнул за навес.

Монк побежал кратчайшим путем, напрямую через чахлый кустарник, цепляющийся за песок. Он упал на землю рядом с Граффом.

– У нас получилось! – воскликнул тот, не скрывая изумления.

– И мы здорово их разозлили.

Монк представил себе бедолагу, свалившегося в ядовитый бульон.

Вероятно, в ответ на гибель товарища взбешенные пираты открыли шквальный огонь. Длинные очереди хлестали по навесу, разрывая стебли и листья лиан, скрывавшие скалу. Монк и Графф сидели не шелохнувшись, защищенные массивным каменным животом Будды. Определенно, в этом был какой-то символизм.

Однако, кроме этого, Будда больше ничего не мог им предложить.

Монк с тоской всматривался в скалы за навесом, гладкие и отвесные. Забраться на них невозможно.

– Наверное, одному из нас нужно было на бегу потерять Будде живот, – угрюмо заметил Монк.

– А ваш пистолет? – спросил Графф.

Монк проверил обойму.

– Остался один патрон. Конечно, после этого можно будет еще швырнуть пистолет в нападающих. В кино от этого всегда бывает толк.

У них за спиной скутер наконец сорвался с мели и взревел мотором. Что хуже, теперь он находился уже с внутренней стороны рифа и несся на полной скорости к берегу, вспарывая месиво трупов.

Еще немного – и к этому месиву добавятся два новых трупа.

Новый град пуль осыпал изваяние Будды, прошивая навес насквозь. Еще несколько перебитых лиан полетели вниз. Прямо перед носом у Монка просвистела пуля – но он не шелохнулся, глядя на то, как за падающими лианами открывается вход в пещеру.

Монк пополз вперед, стараясь держаться так, чтобы каменное изваяние закрывало его от пиратов. Он приподнял завесу лиан. Солнечный свет выхватил ступеньку, другую...

– Здесь проход! Можете забыть о своей теории с веревочной лестницей, Графф!

Обернувшись, он увидел, что ученый-океанолог сидит на земле, зажимая ладонью плечо. Сквозь пальцы сочилась кровь. Проклятье...

Монк поспешил назад.

– Идем! У нас нет времени заниматься раной. Вы можете идти?

– Если только мне не всадят еще одну пулю в ногу, – стиснув зубы, пробормотал Графф.

С помощью Монка он добрался до входа в пещеру, укрытого лианами. Как только они оказались в тени листвы, температура сразу же упала на добрых десять градусов. Монк поддерживал Граффа под локоть. Того била дрожь, но он торопливо поднимался по вырубленным в скале ступеням следом за своим напарником.

Позади послышался скрежет корпуса скутера по песку и торжествующие крики пиратов, уверенных в том, что добыча у них в руках. Монк упорно двигался вперед, нащупывая ступени в темноте.

Пиратам не потребуется много времени на то, чтобы обнаружить проход. Но пойдут ли они по следу беглецов или же просто вернутся назад? Ответа пришлось ждать недолго.

За спиной вспыхнул яркий свет... послышались резкие слова команды.

Монк ускорил шаг.

В голосах пиратов сквозила ярость. Значит, он действительно здорово их разозлил.

Темнота впереди постепенно начала сереть. Стали различимы стены. Беглецы пошли быстрее. Графф что-то бормотал себе под нос, но Монк не мог разобрать слов. Молитва, ругательство... он был согласен на все, лишь бы это помогло.

Наконец показался конец ступеней. Двое беглецов вышли из прохода и оказались на опушке влажных джунглей на вершине скал. Монк двинулся дальше, радуясь спасительной защите густых зарослей. Войдя в лес, он увидел, что зона ядовитой смерти не ограничивалась прибрежной полосой внизу. Вся земля была усыпана мертвыми птицами. Прямо у него под ногами валялась дохлая летучая мышь, съезжившаяся словно разбившийся истребитель.

Однако не все обитатели леса были мертвы.

Монк застыл на месте, уставившись вперед. Казалось, сама земля бурлила и пенилась красной приливной волной. Однако бактерии тут были ни при чем. Землю, всю до последнего квадратного дюйма, покрывали миллионы крабов. Крабы даже забирались на стволы деревьев и заползали на лианы.

Вот куда подевались красные сухопутные крабы острова Рождества.

Монк вспомнил то, что успел узнать об острове по дороге сюда. На протяжении всего года крабы ведут себя мирно, если их ничем не раздражать и не возбуждать. Однако во время их ежегодной миграции бывали случаи, когда крабы набрасывались на проезжающие мимо машины и вспарывали им покрышки своими бритвенно-острыми клешнями.

Монк сделал шаг назад.

«Возбуждение» – это слово как нельзя лучше описывало состояние крабов в настоящий момент. Разъяренные, они забирались друг на друга, щелкая клешнями. Это было самое настоящее пиршество.

Теперь Монк понял, почему крабов не было внизу на берегу. Зачем куда-то ходить, если и здесь еды предостаточно?

Причем крабы пожирали не только мертвых птиц и летучих мышей, но и своих собственных собратьев. Воистину здесь царила каннибальская вседозволенность. При приближении людей вверх предостерегающе поднялись клешни, треща словно ломающиеся сухие ветки.

Добро пожаловать на наше пиршество!

А сзади, из прохода уже доносились возбужденные голоса преследователей. Пираты увидели конец тоннеля.

Графф отступил назад, зажимая плечо. Огромный краб, притаившийся под листом папоротника, ухватил его клешней за ногу, вспоров пластик защитного костюма.

Ученый-океанолог попятился назад, снова бормоча что-то под нос. Это было то же самое причитание, которое он повторял на ступенях, но сейчас Монку удалось разобрать слова... и он подумал, что сам вряд ли смог бы выразиться точнее.

– Надо было потерять Будде живот...

Глава 3 Западня

5 июля, 0 часов 25 минут

Такома-Парк, штат Мэриленд

– Черт побери, что здесь происходит?

– Не знаю, папа. – Грей поспешил к отцу, и они вдвоем закрыли раздвижные ворота гаража. – Но намереваюсь узнать.

Предварительно они оттащили мотоцикл убийцы в гараж. Грей не хотел оставлять его на виду. Больше того, он не хотел, чтобы здесь были хоть какие-то следы присутствия Сейхан. Пока тот, кто стрелял ей в спину, еще никак не проявил себя, но из этого вовсе не следовало, что он вот-вот не появится.

Грей сбежал за матерью. Профессор биологии Университета имени Джорджа Вашингтона, она преподавала также и на медицинском факультете и знала основы врачевания. Ей удалось перебинтовать рану Сейхан и остановить кровотечение.

Женщина-убийца то теряла сознание, то приходила в себя.

– Похоже, пуля прошла навылет, – заметила миссис Пирс. – Но потеряно много крови. «Скорая» уже выехала?

Минуту назад Грей сделал звонок с сотового телефона – но не на номер 911. Везти Сейхан в одну из местных больниц нельзя. Огнестрельное ранение вызовет слишком много вопросов. С другой стороны, необходимо было срочно оказать ей квалифицированную медицинскую помощь.

Где-то на улице хлопнула дверь. Грей вздрогнул, напряженно вслушиваясь в ночную тишину. Его нервы были как натянутые струны. Послышался беззаботный голос, смех.

– Грей, «скорая» уже выехала? – более резким тоном повторила мать.

Грей молча кивнул, не решаясь лгать вслух, по крайней мере матери. Он повернулся к отцу. Тот подошел к ним, вытирая ладони о рабочие джинсы. Родители Грея были уверены в том, что их сын работает техником в научно-исследовательской лаборатории в Вашингтоне; это незавидное место объяснялось тем, что по приговору суда военного терминала его вышвырнули из армейского спецназа за драку с офицером.

Однако это тоже не соответствовало действительности. Это было лишь прикрытие.

Родители ничего не знали о работе Грея в «Сигме», и он хотел, чтобы так оставалось и впредь. Следовательно, ему нужно немедленно уматывать отсюда. Любой ценой.

– Пап, можно взять твой «тандерберд»? С этими праздниками «скорая» перегружена вызовами. Мне лучше самому отвезти раненую в больницу.

Подозрительно прищурившись, отец тем не менее указал на дверь кухни:

– Ключи на крючке.

Подбежав к крыльцу, Грей одним прыжком очутился у двери. Распахнув ее, он протянул руку и сорвал с крючка звенящую связку ключей. Его отец восстановил кабриолет «тандерберд» выпуска 1960 года, черный как вороново крыло, с красным кожаным салоном, оснастив его новым двухкамерным карбюратором, пружинами передней подвески и катушкой зажигания. На время вечеринки машина была выведена на улицу.

Подбежав к ней, Грей распахнул водительскую дверь и плюхнулся за руль. Мгновение спустя он уже с ревом сдал назад, выезжая на дорожку. Резко дернувшись, машина налетела на бордюрный камень, и Грей подскочил на сиденье. Отец до сих пор не успел отрегулировать сцепление.

Втиснув громоздкий «тандерберд» во внутренний двор, Грей не стал глушить двигатель и поспешил к родителям, присевшим на корточки рядом с распростертой на земле Сейхан. Отец начал поднимать раненую.

– Предоставь это мне, – попытался остановить его Грей.

– Быть может, ее лучше не трогать, – предложила мать. – Ей здорово досталось при падении.

Пирс-старший пропустил мимо ушей слова обоих. Он выпрямился, держа бесчувственную Сейхан на руках. Пусть у него отсутствовала половина ноги и временами пробуксовывал рассудок – физически он был по-прежнему силен как ломовая лошадь.

– Открывай дверь, – приказал отец. – Нужно уложить ее на заднее сиденье.

Решив не спорить с отцом, Грей помог ему занести Сейхан в машину. Открыв дверь, он откинул переднее сиденье вперед. Отец забрался назад и подчеркнуто осторожно устроил там раненую, уложив ее голову себе на колени.

– Папа...

Тем временем мать заняла переднее правое место.

– Дом я заперла. Поехали.

– Я... я и один смогу ее отвезти, – пробормотал Грей.

Он вовсе не собирался везти Сейхан в больницу. Со своего сотового он позвонил в дежурную часть «Сигмы» и попросил тотчас же связать его с директором Кроу. Слава богу, тот оказался на месте.

Грею было приказано немедленно ехать в охраняемый дом, куда также направится бригада медиков, которая оценит состояние Сейхан и окажет ей первую помощь. Пейнтер решил не рисковать. Вдруг это западня? Сейхан ни в коем случае нельзя было доставлять в штаб-квартиру «Сигмы». Знаменитая террористка и убийца, Сейхан занимала первые места в списках самых разыскиваемых преступников, составленных Интерполом и правоохранительными органами двух десятков стран, разбросанных по всему земному шару. Ходили слухи, что израильская разведка «Моссад» распространила среди своих сотрудников секретный приказ при встрече с Сейхан немедленно ликвидировать ее.

Родителям Грея здесь не место.

Он посмотрел в стальные глаза отца. Мать упрямо скрестила руки на груди. Сдвинуть их будет нелегко.

– Вам нельзя ехать со мной, – как мог твердо произнес Грей. – Это... это небезопасно.

– Как будто здесь безопаснее, – фыркнул отец, махнув рукой в сторону гаража. – Кто может поручиться, что сюда сейчас не направляется целая банда тех громил или наркоторговцев, которые подстрелили эту девчонку?

У Грея не было времени объясняться с родителями. Директор «Сигмы» уже распорядился прислать специальную группу, которая присмотрит за ними. Группа должна быть здесь с минуты на минуту.

– Машина моя, и правила устанавливаю я, – не терпящим возражений тоном проворчал отец. – А теперь трогай, пока повязки не промокли и сиденья не запачкались кровью.

Застонав от боли, Сейхан возбужденно зашевелилась. Одна ее рука потянулась к повязкам, но Пирс-старший перехватил ее и задержал в своей руке, ласково, но твердо.

– Поехали, – повторил он.

Решающим фактором, повлиявшим на Грея, стала именно эта не свойственная отцу нежность.

Грей сел за руль.

– Пристегните ремни безопасности, – бросил он родителям, понимая, что чем быстрее доставит Сейхан в охраняемый дом, тем будет лучше для всех. А с побочными последствиями можно разобраться позже.

Включая передачу, Грей поймал на себе пристальный взгляд матери.

– Знаешь, Грей, мы с отцом не такие уж и дураки, – загадочно промолвила она, отворачиваясь.

Грей раздраженно насупился, не понимая, что имелось в виду. Отпустив педаль сцепления, он рванул по дорожке и довольно резко вывернул на улицу.

– Поосторожнее! – рявкнул отец. – Я же поставил новенькие покрышки «Келси»! Если ты их сотрешь, черт побери...

Но Грей уже мчался по улице. Он сделал несколько крутых поворотов, стараясь беречь покрышки. Езда на восстановленном «танкерберде» доставляла одно удовольствие. Восьмицилиндровый двигатель мощностью триста девяносто лошадиных сил ревел, словно дикий зверь. Сквозь пелену отчаяния нехотя пробилась искорка уважения к отцу, мастеру на все руки.

Увидев, что Грей повернул в противоположную от ближайшей больницы сторону, мать вопросительно посмотрела на него, но, промолчав, только больше вжалась в сиденье. Грей понял, что, когда они доберутся до охраняемого дома, его будет ждать неприятное объяснение с родителями.

Машина неслась через погруженный в полуночную темноту городок. До сих пор время от времени вдалеке слышался треск фейерверков. Праздничная пальба уже подходила к концу, однако Грей опасался, что главная перестрелка еще впереди.

0 часов 55 минут

Вашингтон

«Увы надеждам на спокойные выходные...»

Директор Пейнтер Кроу быстро шел по коридору к себе в кабинет. Малочисленная ночная смена, дежурившая в штаб-квартире «Сигмы», быстро разбухала. Была объявлена общая тревога. Кроу уже дважды звонили из Министерства внутренней безопасности. Не каждый день к вам прямо в руки сваливается террорист международного масштаба. И не простой террорист, а член теневой преступной сети, известной под названием «Гильдия».

Нередко соперничая с «Сигмой», «Гильдия» охотилась за новейшими разработками в самых различных областях: вооружении, биологии, химии, ядерной физике. При существующем мировом порядке знания представляли собой самую грозную силу – более могучую, чем нефть, более могучую, чем любое оружие. Но только «Гильдия» продавала похищенные знания тому, кто предлагал за них самые большие деньги, в том числе ближневосточным террористическим организациям «Аль-Каеда» и «Хезболла», японской религиозной секте «Аум Синрикё» и перуанской левацкой группировке «Сендеро луминосо». «Гильдия» осуществляла свою деятельность через сеть обособленных ячеек, разбросанных по всему миру, при этом на нее работали осведомители в правительственных учреждениях, разведывательных ведомствах, «мозговых центрах»⁹ и даже международных научно-исследовательских центрах.

И был такой момент, когда у «Гильдии» появился свой человек в УППОНИР. Пейнтер до сих пор остро чувствовал боль предательства.

Но вот теперь у них в руках один из ключевых членов «Гильдии».

Когда Пейнтер вошел в приемную своего кабинета, его секретарь и помощник Брэнт Миллфорд отъехал от своего стола. Этому человеку приходилось пользоваться инвалидным креслом после того, как его позвоночник был поврежден при взрыве начиненной динамитом машины, которую террорист-смертник направил на контрольно-пропускной пункт в Боснии.

---

⁹ «Мозговой центр» – независимый научный центр, готовящий политико-стратегические разработки по заказам государственных учреждений и частных корпораций.

– Сэр, вас вызывает по спутниковой связи доктор Каммингс.

Удивленный, Пейнтер остановился. Лиза не должна была связываться с ним так скоро. Пейнтер ощутил укол тревоги.

– Я возьму трубку в кабинете. Спасибо, Брэнт.

Пейнтер переступил порог. На стенах вокруг письменного стола висели три плазменных монитора. Сейчас их экраны были погашены, но с рассветом на них выплеснется обилие всевозможной информации, поступающей в центральную штаб-квартиру. Однако пока что с этим можно подождать. Подойдя к столу, Пейнтер протянул руку к телефонному коммутатору и нажал на мигающую кнопку.

Лиза должна была выйти на связь с первым донесением только рано утром, когда в Индонезии настанет ночь. Пейнтер попросил ее подготовить к этому времени подробный отчет о событиях дня, перед тем как она ляжет спать. Помимо всего прочего, такое расписание дало бы ему возможность пожелать молодой женщине спокойной ночи.

– Лиза?

Связь оказалась неважной, с помехами.

– Господи, Пейнтер, как же я рада слышать твой голос. Знаю, что ты очень занят. Брэнт обмолвился о том, что у вас там какое-то чрезвычайное происшествие, но уточнять не стал.

– Не беспокойся. Это не столько чрезвычайное происшествие, сколько неожиданно открывшаяся возможность. – Пейнтер присел на край стола. – Почему ты звонишь так рано?

– У нас тут кое-какие новости. Я направила вам большой объем данных для анализа. Я хочу, чтобы кто-нибудь из наших перепроверил результаты, полученные доктором Барнхардтом, токсикологом, работающим в составе группы ВОЗ.

– Я прослежу за тем, чтобы все было сделано как надо. Но отчего такая спешка? – Пейнтер чувствовал напряжение в голосе Лизы.

– Возможно, ситуация здесь гораздо серьезнее, чем мы предполагали.

– Знаю. Я уже слышал о том, что ядовитое облако, образовавшееся вследствие заражения моря, накрыло весь остров.

– Нет... то есть да, разумеется, это было ужасно. Но похоже, дело становится еще хуже. Изучая случаи вторичной инфекции, мы выявили какие-то странные генетические аномалии. Все это очень тревожно. Поэтому я решила как можно скорее связаться с научно-исследовательским отделом «Сигмы», чтобы наши специалисты вели анализы параллельно с доктором Барнхардтом.

– Монк помогает токсикологу?

– Он все еще на месте, собирает образцы. Нам понадобится все, что он принесет.

– Я предупрежу начальника научно-исследовательского отдела Дженнингса, чтобы поднял своих ребят на ноги. Он будет осуществлять координацию работ с нашей стороны.

– Отлично. Спасибо.

Несмотря на решимость сохранять спокойствие, Пейнтер никак не мог избавиться от чувства тревоги. Отправив Лизу на задание, он старался изо всех сил сохранять профессиональный подход, ставить на первое место свои обязанности директора «Сигмы», но это плохо у него получалось. Пейнтер кашлянул, прочищая горло:

– А ты сама как держишься?

Ответом ему стал знакомый смешок, хотя на этот раз в нем слышалась усталость.

– У меня все в порядке. Но после всего этого я больше ни за что на свете не отправлюсь в морской круиз.

– Я ведь пытался тебя отговорить. Нарываешься на неприятности – так получи на полную катушку. «Я хочу вложить свою лепту! Хочу быть полезной!» – слабо улыбувшись, промолвил Пейнтер, изображая голос Лизы. – Вот видишь, что все это тебе дало. Билет на корабль, следующий в преисподнюю.

Молодая женщина рассмеялась, но сразу снова заговорила серьезно и слегка запинаясь:

– Пейнтер, быть может, с моей стороны это была ошибка... мой приезд сюда. Понимаю, я не являюсь штатным сотрудником «Сигмы». Кажется, тут я бессильна.

– Если бы я считал, что это ошибка, то ни за что бы не послал тебя. Больше того, ухватился бы обеими руками за любой предлог, лишь бы тебя удержать. Но как директор «Сигмы» я обязан направлять на место экологической катастрофы тех медицинских специалистов, кто лучше справится с работой. У тебя высшее медицинское образование, диплом по физиологии, опыт практической работы... я выбрал именно того, кого нужно.

Последовала долгая пауза. Пейнтеру даже начало казаться, что связь оборвалась.

– Спасибо, – наконец прошептала Лиза.

– Так что не подведи меня. Мне нужно следить за своей репутацией.

Она снова фыркнула, и на этот раз более искренне.

– Знаешь, тебе надо поработать над умением завершать разговор.

– Ну тогда как тебе нравится вот это: желаю тебе всего самого наилучшего, береги себя и побыстрее возвращайся домой.

– Уже лучше.

– В таком случае я сразу шагну к золотой медали. – Его голос стал твердым. – Я по тебе соскучился. Я тебя люблю. Я хочу тебя обнять.

Пейнтер действительно очень соскучился по ней; у него в груди поселилась самая настоящая физическая боль.

– Вот видишь, – сказала Лиза, – если немного потренируешься, из тебя получится неплохой оратор.

– Знаю, – улыбнулся Пейнтер. – Один раз я уже это проделал с Монком.

Он услышал в трубке звонкий смех, разбивший вдребезги остатки терзавшего его беспокойства. У Лизы все будет хорошо. Он в нее верит. Кроме того, рядом с ней Монк, он ее защитит, заняв место Пейнтера. То есть если у Монка хватит духу снова показаться здесь...

Прежде чем Пейнтер успел что-либо ответить, в дверь тихо постучал помощник. Директор жестом предложил ему говорить.

– Прошу прощения за беспокойство, господин директор. Но вам еще один вызов. На ваш личный номер. Из Рима. Это монсиньор Верона. Похоже, у него что-то неотложное.

Нахмурившись, Пейнтер сказал в трубку:

– Лиза...

– Я все слышала. Ты занят. Как только я переговорю с Монком, мы свяжемся с Дженнингсом и введем его в курс дела. Занимайся работой.

– Береги себя.

– Хорошо, – сказала она. – И я тоже тебя люблю.

Лампочка на коммутаторе, мигнув, погасла, обозначая окончание связи.

Пейнтер набрал полную грудь воздуха, собираясь с духом, затем развернулся и ткнул кнопку своей личной линии. С какой стати монсиньор Верона ему звонит? Пейнтеру было известно, что у командера Пирса была романтическая связь с племянницей папского прелата, однако все это закончилось почти год назад.

– Монсиньор Верона, говорит Пейнтер Кроу.

– Директор Кроу, благодарю вас за то, что ответили на мой звонок. Вот уже два часа я пытаюсь связаться с Греем, но безрезультатно.

– Вы меня очень огорчили. Вы хотите, чтобы я передал ему от вас какое-то сообщение?

Пейнтер не стал объяснять прелату, в чем дело. Хотя в прошлом монсиньор Верона один раз уже помог «Сигме», в данном случае речь шла об информации, уже получившей

гриф совершенно секретной, доступ к которой будет открыт лишь для узкого круга избранных.

– Тут у нас в Ватикане произошло одно происшествие... если точнее, в хранилище Тайного архива. Я не могу точно понять его смысл, но мне кажется, речь идет о некоем послании или предостережении. Предназначенном для меня и, возможно, для командера Пирса.

Спрыгнув со стола, Пейнтер подошел к креслу и опустился в него.

– Что еще за сообщение?

– На прошлой неделе кто-то проник в хранилище и нарисовал на полу символ ордена дракона.

Пейнтер откинулся на спинку кресла. Два года назад Грей и монсиньор Верона объединились, чтобы разоблачить и уничтожить страшную секту, именующую себя орденом дракона. Это им удалось, но они были вынуждены прибегнуть к посторонней помощи, вступить в союз с заклятым врагом, оперативным агентом «Гильдии».

С Сейхан.

И вот убийца пришла к ним.

Пейнтер был не из тех, кто верит в случайные совпадения. Он не верил в них в прошлом и уж определенно не собирался поверить сейчас. Работа в должности директора «Сигмы» отточила его осторожность, граничащую с манией преследования, до остроты бритвы.

– Кто-нибудь видел этого нарушителя? – спросил Пейнтер.

– Лишь мельком. Кто бы это ни был, он пришел в одиночку. Проскользнул через все рубежи охраны Ватикана. Одна из камер наблюдения зафиксировала его, но снимок смазанный. Речь идет не об обычном воре. Я знаю только одного человека, способного проникнуть во внутреннее хранилище и выбраться обратно, практически не оставив следов. Это тот самый человек, который в прошлом уже имел отношение к нашему совместному столкновению с орденом дракона.

Судя по всему, получалось, что монсиньор Верона в подозрительности не уступает Пейнтеру.

– И изображение дракона на полу, – продолжал Вигор. – Несомненно, это послание, возможно, даже напоминание о неоплаченном долге.

– Вы считаете, это была Сейхан, агент «Гильдии», – сказал Пейнтер. – Та самая, которая помогла вам разгромить орден дракона?

– Совершенно верно. Если бы нам удалось ее разыскать, задать ей пару вопросов...

Пейнтер понял, что дальнейшие недоговорки лишь помешают оценить истинные масштабы угрозы. Похоже, узкий круг избранных распространился до Рима.

– Сейхан у нас, – сказал он, прерывая папского прелата. – Мы ее задержали.

– Что?

Пейнтер вкратце рассказал о ночном визите террористки, появившейся из ниоткуда, окровавленной, спасающейся бегством. Какое-то мгновение пораженный Вигор молчал, затем поспешно заговорил:

– Ее необходимо допросить. Хотя бы для того, чтобы узнать, зачем она нарисовала на полу дракона.

– Мы этим займемся. Как только Сейхан получит медицинскую помощь, мы с ней очень подробно побеседуем. За прочной решеткой.

– Вы ничего не поняли. На самом деле речь идет о чем-то большем. Возможно, более серьезном, чем сама «Гильдия».

– Что вы хотите сказать?

– Изображение дракона было нарисовано вокруг древней надписи, высеченной на полу одного из помещений хранилища. Вероятно, высеченной еще тогда, когда Ватикан только

строился, во времена Галилея. Эти символы, очевидно, принадлежат к древнейшему письменному языку. Более древнему, чем древнееврейский. Возможно, предшествующему появлению самого человечества.

От Пейнтера не укрылось возбуждение в голосе прелата.

– Что вы имеете в виду? Язык, предшествующий появлению самого человечества? Но как такое возможно?

Вигор ему объяснил.

Пейнтер постарался скрыть свое изумление, смешанное с недоверием. Положив трубку, он нахмурился. Предположение папского прелата было просто невероятным, и все же не вызывало сомнений, насколько сильно потрясен случившимся монсиньор Верона. Необходимо как можно скорее допросить Сейхан – пока с ней ничего не произошло.

Поспешно уточнив ожидаемое прибытие медицинской бригады, Пейнтер попросил помощника связаться с агентом, дежурящим в охраняемом доме. Кто там сейчас?

Вызвав Брэнта, Пейнтер попросил его связаться с охранником и выдать изображение с видеокамер наблюдения, установленных в охраняемом доме, на плазменные мониторы в его кабинете.

У него в голове звучали слова Вигора:

«Эти символы... высеченные в камне...»

Пейнтер тряхнул головой.

Это невозможно.

«...Это язык ангелов».

1 час 4 минуты

Грей мчался по шоссе Гринвич в сторону элитного поселка Фоксхолл-Вилледж. Доехав до конца, он повернул налево на обсаженную деревьями улицу и сбросил скорость. Мощный двигатель «тандерберда» тащил машину вперед даже на холостых оборотах. Впереди показался охраняемый дом, двухэтажное здание из красного кирпича в стиле эпохи Тюдоров, с сочно-зелеными ставнями в тон листве парка Гловера-Арчибольда, к которому оно примыкало.

Верх кабриолета был опущен, и в машину проникал аромат влажного леса.

Приблизившись к дому, Грей отметил, что на крыльце горит свет, как и в верхнем угловом окне. Условный знак, показывающий, что все чисто.

Он свернул к дому, и машина затряслась на вымощенной булыжником дорожке. Раненая пассажирка глухо застонала.

– Куда мы приехали? – спросила Грея мать.

Тот затормозил под навесом с левой стороны дома. Впереди в нескольких шагах была дверь черного входа. Грей несколько раз безуспешно пытался уговорить родителей выйти из машины, однако с каждой больницей и медицинским центром, мимо которого они проезжали, их упорство только возрастало. По крайней мере, возрастало упорство матери. Отец пребывал в одном и том же состоянии недовольной раздражительности.

– Это федеральный охраняемый дом, – сказал Грей, не видя больше причин притворяться. – Медицинская помощь уже в пути. Оставайтесь на месте.

Заглушив двигатель, он вышел из машины.

Впереди открылась дверь черного хода. Дверной проем заполнил огромный темный силуэт. Рука находилась на кобуре с пистолетом на бедре.

– Вы Пирс? – отрывисто и резко спросил верзила, подозрительно косясь на лишних пассажиров.

– Да.

Мужчина шагнул на освещенное место. Внешне он напоминал громадную гориллу с могучими толстыми конечностями и короткой щетиной темных волос. Одет он был в камуфляж армейского образца. Нельзя сказать, что охранник старался не привлекать к себе внимание.

– Моя фамилия Ковальски. Даю вам директора Кроу.

Подняв другую руку, он протянул сотовый телефон.

Грей обошел вокруг машины. Ему не хотелось объясняться с директором, рассказывать про раскрытую «легенду». О какой секретности можно говорить, если он притащил с собой родителей?

Похоже, даже охранник был озадачен присутствием в открытом кабриолете пожилой пары. Сдвинув брови, Ковальски оглядел новоприбывших и почесал подбородок.

– Триста пятьдесят две? – спросил он подошедшего Грея.

Тот понятия не имел, что имеется в виду. С заднего сиденья ответил отец Грея:

– Нет, головка блока цилиндров от трехсотдевятисильного. Это восстановленный восьмицилиндровый движок от «форда гэлакси».

– Классная тачка.

Судя по всему, охранник изучал не пассажиров, а машину.

На заднем сиденье зашевелилась Сейхан, вероятно почувствовав отсутствие ветерка и тряски. Она слабо попыталась сесть.

– Вы не можете занести ее в дом? – спросил Грей у Ковальски.

Принимая у него телефон, он обратил внимание на татуировку в виде якоря военно-морского флота у него на бицепсе. Бывший военный. Впрочем, тут нет ничего удивительного. Если бы в толковом словаре слово «громилла» сопровождалось иллюстрацией, там точно поместили бы физиономию этого охранника.

Мать открыла дверь машины:

– Ну и где же медицинская помощь?

Казалось, присутствие верзилы-охранника ее нисколько не успокоило. Она крепче прижала к груди сумочку.

Грей поднял руку, призывая мать к терпению.

– Мэм, – сказал Ковальски, указывая на кухню, – на столе в кухне есть аптечка первой помощи. Шприц-ампулы с морфием и нюхательная соль. И еще я приготовил набор для наложения швов.

Миссис Пирс посмотрела на него уже более одобрительно:

– Спасибо, молодой человек.

Бросив испепеляющий взгляд в сторону Грея, мать направилась в дом.

Отступив в сторону, Грей произнес в телефон:

– Господин директор, командер Пирс слушает.

– Это твоя мать только что вылезла из машины?

Каким образом, черт побери?..

Подняв взгляд, Грей рассмотрел под навесом спрятанную видеокамеру наблюдения. Судя по всему, изображение с нее поступало в реальном времени в штаб-квартиру. Грей почувствовал, как горят щеки.

– Сэр...

– Не важно. Объяснишь потом. Грей, мы получили информацию из Рима, имеющую отношение к нашей гостье. Как она себя чувствует?

Грей обернулся. Охранник и Пирс-старший обсуждали, как лучше перенести бесчувственную Сейхан в дом. Грей обратил внимание на свежее кровавое пятно, расплывающееся на бинтах.

– Нам срочно нужен врач.

– Помощь придет к вам с минуты на минуту.

Вдалеке послышался гул двигателя большой машины. Грей обернулся. На улицу свернул черный микроавтобус.

– Кажется, она уже здесь, – облегченно вздохнул он.

Подъехав к дому, микроавтобус остановился, перегорев дорожку.

Грей поморщился, недовольный тем, что его заперли. Однако он узнал микроавтобус. Это была машина бригады экстренной медицинской помощи в составе «Сигмы». Замаскированная под обычный микроавтобус, карета «скорой помощи» была точной копией машины, сопровождающей президента. При необходимости в ней можно было провести сложную хирургическую операцию.

– Как только наши медики оценят состояние раненой, дай мне знать, – сказал Пейнтер.

Судя по всему, он тоже увидел микроавтобус:

Боковые двери микроавтобуса отъехали назад. Из машины с отточенной слаженностью вышли четверо – трое мужчин и одна женщина, все в зеленых медицинских костюмах и свободных черных куртках. Двое мужчин вытащили складную каталку и раскрыли под ней колеса. Все четверо направились к Грею. Третий мужчина, судя по всему, старший бригады, протянул руку.

– Доктор Амен Насер, – представился он.

Грей с удовольствием пожал его сильную сухую руку. Чувствовалось, что доктор Насер абсолютно спокоен и уверен в собственных силах. На вид ему было не больше тридцати, однако в его движениях сквозила непоколебимая твердость. Кожа его напоминала цветом и фактурой полированное красное дерево, в отличие от женщины, чья кожа была близка по оттенку к светлому меду.

Грей с любопытством смотрел на нее.

Хотя в жилах женщины, несомненно, текла азиатская кровь, она определенно старалась это скрыть. Волосы ее были коротко острижены и выкрашены в светло-соломенный цвет. На запястьях красовалась татуировка из переплетающихся кельтских мотивов. Хотя прежде Грей ни за что не обратил бы на подобную внешнюю суровость никакого внимания, сейчас он поймал себя на том, что находит в женщине нечто соблазнительно-маящее. Быть может, все дело было в изумрудной зелени ее глаз, которые не требовали дополнительных прикрас. Впрочем, возможно, все объяснялось ее движениями, по-кошачьи грациозными, упругими, сильными. Вероятно, подобно большинству сотрудников «Сигмы», в прошлом она была связана с армией.

Женщина молча кивнула Грею, не называя себя.

– Меня ввели в курс дела, – продолжал старший бригады, отдельно выговаривая каждое слово. В его речи чувствовался едва заметный акцент. – Я должен попросить всех вас отойти в сторону и дать нам выполнить свою работу. Мы перенесем раненую в операционную внутри микроавтобуса. Как только у нас будут данные о ее состоянии, я направлю к вам Анни с отчетом.

Наконец он назвал женщину по имени.

Двое других мужчин быстро прошли к «тандерберду» с каталкой. Доктор Насер направился следом за ними, а Анни осталась стоять на месте, подбоченившись.

У Грея в руке завибрировал сотовый телефон, и он отступил в сторону. Старший бригады быстро произнес несколько слов. Грей наконец понял, что у него за акцент.

Доктор Амен Насер.

Египтянин.

1 час 8 минут

Пейнтер стоял перед монитором, висевшим на стене прямо за его столом. На плазменные экраны двух других мониторов выводились в реальном времени изображения первого и второго этажей охраняемого дома. А на тот, что сзади, поступал цифровой сигнал с наружной камеры наблюдения.

– Грей, возьми же телефон! – заорал Пейнтер, обращаясь к экрану.

Органы управления видеокамерой находились этажом ниже, в главном центре безопасности. Пейнтер не имел возможности ее повернуть. Он видел в углу экрана подъехавший микроавтобус, но только мгновение назад ему представилась возможность взглянуть на двух санитаров, прошедших перед Греем.

Ни один из них не работал в «Сигме».

Пейнтер знал своих людей всех до одного. Быть может, микроавтобус принадлежал «Сигме», но вот те, кто в нем находился, не имели к «Сигме» никакого отношения.

Ловушка.

На экране было видно, как Грей наконец раскрыл телефон и поднес его к уху.

– Господин директор?..

Но прежде чем Пейнтер успел сказать хоть слово, мелькнувшая худая нога впечатала телефон Грею в висок. Хрустнула раздавленная электроника. Застигнутый врасплох, Грей упал на землю.

– Грей...

Изображение на экране дернулось – и погасло.

1 час 9 минут

Первый выстрел разбил видеокамеру.

Сквозь гул в ушах Грей услышал приглушенный хлопок и звон осколков. Он обернулся.

– Какого черта? – воскликнул его отец, осыпанный обломками видеокамеры.

Он все еще сидел на заднем сиденье, держа на коленях голову Сейхан.

Охранник Ковальски находился у противоположной стороны машины. Он застыл словно олень, выхваченный в темноте светом фар, – здоровенный, весом двести фунтов. Но приставленное к затылку дуло пистолета стало веским аргументом, чтобы не двигаться.

Мнимые санитары толкнули каталку во внутренний двор. Один направил пистолет на Ковальски, другой жестом приказал отцу Грея вылезать из машины.

– Не шевелись, – услышал Грей за спиной резкий оклик.

Он оглянулся через плечо. Анни держала черный «ЗИГ-Зауэр», направленный ему в лицо. Она стояла на некотором удалении, так что Грей не мог достать ее ногами, но все же достаточно близко, чтобы не промахнуться.

Мгновенно осознав все это, Грей повернулся лицом к «тандерберду». Доктор Насер держал в руке такой же пистолет. Почему-то Грей сразу понял, что именно из этого оружия была ранена Сейхан.

Обойдя машину, Насер приблизился к отцу Грея и посмотрел на распростертую на заднем сиденье Сейхан. Печально покачав головой, он приказал своему подручному, стоящему рядом:

– Убери старика из машины. Проверь, держит ли сучка обелиск при себе, после чего оттащи ее в микроавтобус.

Обелиск?

На глазах у Грея его отца грубо вытащили из машины. Грей мысленно прочитал молитву, чтобы отец не усугубил свое положение еще больше. Однако, как выяснилось, в этом не было необходимости. Ошарашенный происходящим, Пирс-старший не оказал сопротивления.

– Обелиска при ней нет, – наконец доложил боевик, выпрямляясь.

Насер подошел к машине и лично осмотрел салон. Судя по всему, он не нашел того, что искал. Но единственным свидетельством недовольства стала маленькая складка, появившаяся у него между бровями.

Отступив от машины, Насер повернулся к Грею:

– Где он?

Грей спокойно выдержал его пристальный взгляд.

– Кто?

Насер вздохнул:

– Не сомневаюсь, эта дрянь тебе все рассказала, иначе ты бы так не старался ради врага.

Не оборачиваясь, он подал знак боевику, который обыскивал Сейхан. Тот приставил пистолет к виску отца Грея.

– Я не привык спрашивать дважды. Вероятно, ты этого не знаешь. Поэтому я сделаю для тебя исключение.

Увидев в глазах отца неприкрытый страх, Грей сглотнул подступивший к горлу комок.

– Обелиск, – заговорил он, – тот, про который вы спрашиваете, был у Сейхан с собой, но разбился, когда она упала с мотоцикла у нашего дома. Сейхан отключилась, не успев ничего про него рассказать. Насколько я знаю, обелиск по-прежнему там.

Что, скорее всего, соответствовало действительности. Грей начисто о нем забыл, торопясь решить проблему с раненой. Куда он подевался?

Насер не отрывал взгляда от лица Грея, оценивая его с холодной расчетливостью.

– Надеюсь, командер Пирс, ты действительно говоришь мне правду, – наконец сказал египтянин.

Но все же он подал знак своему подручному.

Прогремел оглушительный выстрел.

1 час 10 минут

Мгновение назад Пейнтер заметил какое-то движение на том плазменном экране, что висел слева от него. Видеокамеры, установленные внутри охраняемого дома, продолжали передавать изображение. Пейнтер увидел миссис Гарриет Пирс, спрятавшуюся за кухонным столом.

По-видимому, нападавшие не догадывались о том, что в доме есть еще кто-то.

Никто, кроме Грея, не знал о том, что он едет в дом с двумя лишними пассажирами. Микроавтобус появился после того, как мать Грея скрылась в доме. Нейтрализовав единственного охранника, нападавшие решили, что полностью владеют ситуацией.

Пейнтер понял, что в этом его единственная надежда. Позвонив на центральный пост, он распорядился открыть линию связи с охраняемым домом, не посылая сигнал вызова. На телефонном аппарате лишь замигала желтая лампочка.

«Обрати же на нее внимание!» – мысленно взывал Пейнтер к матери Грея.

То ли действительно заметив мигающую лампочку, то ли просто поддавшись интуитивному порыву позвонить и вызвать помощь, Гарриет Пирс на четвереньках проползла к телефону, сняла трубку и поднесла ее к уху.

– Не говорите ни слова, – быстро остановил ее Пейнтер. – Это Пейнтер Кроу. Не надо предупреждать нападающих о том, что вы в доме. Я вас вижу. Если вы меня поняли, кивните.

Она кивнула.

– Хорошо. Помощь уже в пути. Но я не уверен, что она успеет прибыть вовремя. Вероятно, нападающие также это понимают. Они будут действовать быстро и жестоко. Мне нужно, чтобы вы действовали еще более быстро и более жестоко. Сможете?

Кивок.

– Очень хорошо. В ящике стола под телефоном должен быть пистолет.

1 час 11 минут

Выстрел прозвучал оглушительно громко. Он был произведен не из пистолета с глушителем.

Грей понял правду за долю секунды до того, как боевик, приставивший пистолет к голове его отца, повалился на бок, разметав свои мозги по приборной панели «тандерберда».

Он понял, кто стрелял.

Его мать.

Уроженка Техаса, она выросла в семье нефтяника, работавшего на том же месторождении, что и отец Грея. И хотя миссис Пирс постоянно выступала за ужесточение контроля за продажей оружия, обращаться с ним она умела.

Грей надеялся на то, что его мать каким-либо образом отвлечет нападавших, и в то же время боялся этого. Но он приготовился к такому развитию ситуации, напряжив ноги. Не успел труп боевика упасть на землю, как Грей резко прыгнул назад. Он все время наблюдал за азиаткой Анни в полированную хромированную поверхность заднего бампера.

Громкий раскат выстрела и внезапный прыжок Грея назад застигли женщину врасплох. Подняв правую руку, Грей заломил женщине руку, в которой та держала «ЗИГ-Зауэр». Одновременно он обрушил свой ботинок ей на щиколотку и сильно ударил головой назад. Что-то хрустнуло и вниз, и позади.

Тем временем Ковальски ткнул второго боевика локтем в живот, а затем, схватив за шиворот, швырнул его лицом вниз на острый угол открытой двери кабриолета.

– Поешь стали, козел!

Боевик рухнул на землю словно куль с мукой.

Не медля ни мгновения, Грей развернул руку Анни с зажатым в ней пистолетом в сторону доктора Насера, нажимая своим пальцем на ее палец, лежащий на спусковом крючке. Однако Анни отчаянно сопротивлялась. Прицел сбился, и выпущенная Греем пуля ударилась в кирпичную стену, высекая искру.

И все же этого оказалось достаточно. Доктор Насер метнулся вправо и скрылся в кустах, растущих перед домом.

Выдернув пистолет из руки Анни, Грей пнул ее ногой. Та отлетела в сторону, но ударилась на ногах. С разбитым в кровь лицом, она развернулась и понеслась, словно газель, к микроавтобусу, не обращая внимания на покалеченную ногу.

За новым оружием.

Грей не хотел второй серии «Анни, возьми свой пистолет»¹⁰.

Он вскинул пистолет, целясь вслед убегающей женщине, но, прежде чем успел выстрелить, прямо перед носом у него просвистела пуля. Выпущенная из кустов.

Насер.

От неожиданности Грей отскочил назад, укрываясь за навесом. Он несколько раз выстрелил вслепую в кусты, не зная, где прячется негодяй, пятась до тех пор, пока не наткнулся лодыжкой на задний бампер «тандерберда». Только тогда он сделал пару выстрелов в сторону микроавтобуса. Однако азиатка Анни уже успела скрыться внутри.

Выпущенные Греем пули отлетели от микроавтобуса, не причинив ему вреда. Как и машина медицинского сопровождения президента, он был бронированным.

– Всем в машину! Живо! – заорал Грей.

В дверях кухни появилась его мать, сжимая в руке дымящийся пистолет. В другой руке она держала сумочку, словно собралась за покупками.

---

¹⁰ Имеется в виду знаменитый мюзикл И. Берлина, сюжет которого основан на событиях из жизни Анни Окли, прославившейся своей меткой стрельбой.

– Ну же, Гарриет! – поторопил ее отец Грея.

Схватив жену за руку, он буквально затолкнул ее в машину.

Ковальски просто перескочил через борт, плюхнувшись на заднее сиденье. Грей испугался, что своим весом великан прикончит Сейхан быстрее, чем все то, что замыслил для нее Насер.

Сам Грей прыгнул за руль и повернул ключ, по-прежнему торчавший в замке зажигания. Горячий двигатель взревел с полуоборота.

Грей бросил взгляд в зеркало заднего вида.

Анни стояла в дверях микроавтобуса, удерживая на плече реактивный гранатомет.

«Эй, сучка, в мюзикле говорилось про пистолет, а не про гранатомет!»

Включив передачу, Грей до отказа выжал педаль газа. Триста девяносто лошадиных сил дружно раскрутили задние колеса, с визгом сжигая покрышки. Запахло горелой резиной.

На соседнем сиденье застонал отец – как заподозрил Грей, переживая не столько за свою собственную жизнь, сколько за новенькие покрышки.

Наконец колеса зацепились за землю, и «тандерберд» рванул вперед, вышибая деревянные ворота, ведущие во внутренний двор. Грею сразу же пришлось выкрутить руль, чтобы не врезаться в раскидистый столетний дуб. Прорыв покрышками двойную дугу в мягкой почве газона, машина свернула за дом.

Позади послышался громкий свист, за которым последовала яркая вспышка. Реактивная граната врезалась в дуб, превратив его в кучу пылающих ветвей. Высоко к небу взметнулись куски вспыхнувшей коры. Повалил густой дым.

Не оглядываясь назад, Грей нажал на газ. Выбив ограду в конце двора, «тандерберд» выскочил в лесистый массив парка Гловера-Арчибольда.

Теперь Грей знал наверняка лишь одно.

Охота только начиналась.

Глава 4

Пираты международных вод

5 июля, 12 часов 11 минут

Остров Рождества

Плавки и ботинки – это было все, что отделяло Монка от моря прожорливых крабов-каннибалов. В джунглях продолжалось безумное пиршество, с драками, щелканьем клешнями, хрустом прокушенных панцирей. Казалось, где-то поблизости трещит лесной пожар.

Раздевшись, Монк взял защитный костюм в руку и вернулся к доктору Ричарду Граффу. Ученый-океанолог присел на корточки на опушке джунглей. Он тоже снял защитный костюм, повинувшись Монку. Отрывая синтетическую ткань от раненого плеча, Графф поморщился. По крайней мере, под костюмом у него было больше одежды: шорты и гавайская рубашка.

У Монка зашипало в носу. Из-под сплошного полога джунглей пахло раскаленным воздухом; зловоние мертвечины было таким сильным, что Монку показалось, будто его хлестнули по лицу протухшей рыбиной.

– Пора уходить, – нахмурился он.

Из прохода, ведущего вниз, к зараженному берегу, доносились отголоски криков. Пираты продвигались вперед осторожно, с опаской. Графф, задержавшись у входа в тоннель, швырял вниз куски известняка. К тому же преследователи не знали, что в пистолете Монка остался всего один патрон. Однако долго страх и метание камней сдерживать пиратов не смогут.

В сотый раз Монк задумался над необъяснимой настойчивостью преследователей. Определенно, голод и отчаяние могут толкнуть людей на самые безрассудные поступки. Но если пираты собирались лишь совершить быстрый набег и похитить «Зодиак» с находящимися на нем запасами и аппаратурой, чтобы затем продать добычу на индонезийском черном рынке, то сейчас им уже больше ничего не мешало. Большинство местных пиратов, какими бы жестокими и безжалостными они ни были, предпочитали действовать по принципу «урвать и удрать».

В таком случае чем объясняется это странное упорство? Просто стремлением убрать свидетелей и замести за собой следы? Или же тут было что-то личное? Монк вспомнил боевика в маске, который свалился в отравленную воду, сраженный выстрелом наудачу. Или же это месть?

Какими бы ни были причины, пираты не довольствовались одной добычей: они жаждали крови.

Выпрямившись, Графф вдохнул обжигающий воздух и закашлял.

– Куда мы идем?

– Назад, навестить наших друзей.

Монк подвел океанолога к опушке джунглей. В нескольких шагах впереди шевелилось и щелкало красное море крабов. Казалось, за прошедшие несколько минут их число еще больше возросло. Возможно, новые особи были привлечены запахом свежей крови, которая струилась из простреленного плеча Граффа.

Ученый-океанолог застыл на опушке.

– Через этих крабов нам не пройти. Их огромные клешни запросто прорывают кожу ботинок. Мне приходилось видеть, как крабы откусывали людям пальцы.

И двигались эти твари очень быстро.

Монк отшатнулся назад, пропуская двух крабов, которые пробежали мимо, сплетенные в смертельном поединке, мелькая ногами, шустрые, словно кролики.

– Похоже, выбора у нас все равно нет, – заметил Монк.

– В этих крабах что-то не так, – продолжал океанолог. – Я не раз был свидетелем их агрессивного поведения во время миграций, но ничего подобного мне еще не приходилось видеть.

– Заняться психоанализом крабов вы сможете позже. – Монк указал на большое дерево, растущее рядом. Таитянский каштан. От толстого ствола отходило множество ветвей. – Можете залезть на это дерево?

Графф прижал раненую руку к животу, стараясь не шевелить ею без необходимости.

– Мне будет нужна ваша помощь. Но зачем? От пиратов мы все равно не спрячемся. Мы лишь превратимся в неподвижные мишени.

– Просто залезайте на дерево.

Монк подвел океанолога к каштану и помог ему взобраться на нижнюю ветку. Ветки были толстые, хвататься за них было легко. Дальше Графф без труда полез сам.

Монк спрыгнул вниз, рядом с крабом. Тот угрожающе поднял клешни. «Не надо уходить с вечеринки раньше времени, дружище». Отшвырнув его пинком к полчищам собратьев, Монк окликнул Граффа:

– Вам виден вход в тоннель?

– Кажется... да, виден. – Графф высунулся из ветвей. – Вы, часом, не собираетесь бросить меня здесь, а?

– Просто свистните, когда увидите пиратов.

– Что вы собрались...

– Делайте, что я говорю, черт побери!

Монк тотчас же пожалел о своем тоне. Ему пришлось напомнить себе, что перед ним не военный. Однако у него хватало своих забот. Он мысленно представил себе жену и малышку дочь. Нет, он не расстанется с жизнью от рук горстки головорезов и не сгинет в лесу, кишашем сырыми деликатесами.

Вернувшись на поляну, Монк подошел к самому краю бурлящей, обезумевшей массы. Зажав пистолет в здоровой руке, он подставил под рукоятку протез и, нагнув голову набок, стал дышать носом.

«Ну же, посмотрим, что там у вас...»

С каштана позади донесся звук, похожий на шипение воздуха, выходящего из сдутого воздушного шарика.

– Они приближаются! – прохрипел Графф.

Судя по всему, внутреннее напряжение лишило его легкие воздуха.

Монк прицелился. У него всего один патрон, один выстрел.

На противоположном конце поляны стояли два кислородных баллона, прислоненных к большому валуну. Когда они с Граффом снимали защитные костюмы, Монк забрал оба легких портативных дыхательных аппарата, сделанных из алюминиевого сплава. С помощью ремня от кобуры он быстро связал баллоны и перебросил их на противоположный край поляны. Связка упала прямо посреди полчищ крабов, раздавив пару и разогнав остальных в стороны.

И вот сейчас Монк целился в баллоны, удерживая пистолет живой плотью и протезом.

– Они уже здесь! – простонал в ветвях Графф.

Монк нажал на спусковой крючок. На мгновение все замерло – затем один из баллонов со сжатым воздухом выплюнул язык пламени. Связанные баллоны с грохотом повалились и закрутились на земле, оглушительно свистя и подпрыгивая. Вскоре у второго баллона ото-

рвался редуктор, и пляска стала еще более сумасшедшей. Баллоны давили крабов, сметали их в сторону, подбрасывали в воздух.

Этого оказалось достаточно.

В прошлом Монку доводилось выходить на берег, заполненный крабами, – как только появлялась крупная морская птица или человек, берег в мгновение ока пустел, крабы поспешно разбегались, ныряя в свои логова в песке. То же самое произошло и сейчас. Крабы, находившиеся ближе к очагу раздражения, обратились в бегство, карабкаясь на своих соседей, вселяя в них панику. Вскоре ручеек превратился в поток. Крабы, и без того взбудораженные, окончательно потеряли голову и побежали, повинуясь инстинкту.

Монк бросился к ближайшему каштану, слыша позади грозное шелканье клешней.

Высоко подпрыгнув, он ухватился за ветку. Один из крабов успел вцепиться ему в ногу. Монк раздавил его панцирь о ствол. Краб упал, но сомкнутая клешня осталась на ноге. Монк ощутил острую боль как от пореза.

Проклятье!

Под ним пронеслась неудержимая волна крабов, подчиняющихся какому-то инстинкту, вероятно связанному с их ежегодными миграциями. Розовый поток устремился в сторону моря.

Забравшись выше, Монк присоединился к Граффу. Океанолог сидел на толстой ветке, обвив здоровой рукой ствол. Взглянув на Монка, он снова повернулся к пяточку открытой каменистой почвы, отделяющему опушку леса от входа в тоннель.

Пираты – их было шестеро – уже поднялись наверх и рассыпались в стороны, но выстрел из пистолета заставил их остановиться и присесть. Только теперь они начали подниматься на ноги, осторожно, неуверенно.

И тут из джунглей на них выплеснулось целое море крабов.

Сначала оно накатилось на бандита, который находился ближе всех к опушке. Прежде чем тот успел спохватиться, осознать, что видит перед собой, поток крабов захлестнул его до уровня бедер. Внезапно пират вскрикнул и отпрянул назад. У него подогнулась нога.

Однажды в бою пуля перебила товарищу Монка ахиллово сухожилие. Тот опрокинулся на землю в точности так же, как сейчас это произошло с пиратом.

Бандит упал, громко крича. Крабы тотчас же начали карабкаться по извивающемуся телу. Однако истошные вопли продолжали доноситься и из-под кишасей массы. На мгновение бедняге даже удалось приподняться. Маски у него на лице больше не было, а вместе с ней и носа, губ и ушей. На месте глаз остались окровавленные раны. Вскрикнув еще раз, пират исчез под живой волной.

Остальные в ужасе бросились назад, обратно в проход, один за другим исчезая в темноте. Один пират оказался отрезан, загнанный на скалу, нависшую над каменной стеной. Крабы дружно набросились на него. Жутко вскрикнув, пират развернулся и прыгнул с обрыва.

Из прохода донеслись новые крики.

Подобно воде в ванне с открытым сливным отверстием, море крабов кружилось у входа в тоннель, расходясь красными спиралями.

Графф тяжело дышал, следя за происходящим. Монк осторожно тронул его за плечо, и ученый вздрогнул.

– Нам нужно уходить. Пока крабы не вернулись в джунгли.

Графф безропотно спустился следом за ним за землю. Там еще оставались сотни крабов; двигаться приходилось осторожно.

Наконец Графф стал постепенно приходить в себя. В нем снова проснулся исследователь.

– Мне... мне нужен один из этих крабов.

– Крабовыми палочками я угощу вас, когда вернемся на корабль.

– Да нет, для изучения. Каким-то образом крабам удалось уцелеть в токсичном облаке. Это может быть очень важно. – Вернувшись в свою стихию, океанолог говорил твердо, решительно.

– Ну хорошо, – согласился Монк. – Если учесть, что все образцы мы оставили на берегу, не нужно возвращаться с пустыми руками.

Нагнувшись, он схватил протезом одного краба помельче, удерживая его за панцирь. Отважное существо защелкало клешнями, стараясь поразить врага.

– Эй, дружище, не вздумай портить казенное оборудование. Новые пальцы мне придется покупать за свои деньги!

Монк подошел к дереву, намереваясь разбить краба о ствол, но Графф замахал здоровой рукой:

– Нет, нет! Он нужен нам живым. Как я уже говорил, в поведении крабов есть что-то странное. Этот момент также необходимо исследовать.

Монк раздраженно стиснул зубы.

– Замечательно, но если этот морепродукт отхватит от меня кусок, платить будете вы.

Они двинулись через джунгли, которыми было покрыто плато.

Минут через сорок лес начал редеть и открылся панорамный вид с вершины скалы. По берегам бухты раскинулся главный поселок острова – называющийся просто Селением. Здесь же был порт. Вдалеке в море плавал белый замок – «Владычица морей», облако на темно-синем небе.

Дом, милый дом.

Взгляд Монка привлекло какое-то движение. Он увидел, как из-за скалистого мыса выходят десять быстроходных катеров, оставляя за собой белые пенистые следы. Катера шли тупым клином, словно эскадрилья реактивных истребителей. Такая же группа появилась с противоположной стороны бухты.

Даже на таком расстоянии Монк разглядел цвет катеров.

Голубые скутеры, узкие и длинные, с маленькой осадкой.

– И здесь пираты... – простонал Графф.

Монк в оцепенении переводил взгляд с одной группы катеров на другую: смертельные клещи, еще более опасные, чем клешни красных крабов. А смыкались эти клещи на «Владычице морей».

13 часов 5 минут

Лиза пристально изучала рентгеновский снимок. На столике была установлена портативная подсветка. А у стены на койке лежала фигура, накрытая простыней с головой.

Больной умер.

– Похоже на туберкулез, – наконец сказала молодая женщина. На снимке был отчетливо виден белый пенистый налет на стенках легких. – Или, быть может, рак легких.

Доктор Хенрик Барнхардт, голландский токсиколог, стоял рядом, опершись кулаком на стол. Это он пригласил Лизу сюда.

– Да, но жена больного говорит, что первые признаки проблем с дыхательными путями появились у него только восемнадцать часов назад. Ни кашля, ни отхаркиваний, и он не курил. И ему было всего двадцать четыре года.

Лиза выпрямилась. Кроме них, в каюте больше никого не было.

– Вы исследовали ткани его легких?

– Я иглой отсосал жидкость из одного легкого. Содержимое определенно гнойное. Кишмя кишит бактериями. Это абсцесс легких, а никакой не рак.

Лиза взгляделась в бородатое лицо Барнхардта. Он стоял чуть ссутулясь, словно смущенный своими медвежьими габаритами, но при этом в его позе было и что-то заговорщи-ческое. Доктора Линдхольма токсиколог сюда не пригласил.

– Подобные процессы вписываются в картину туберкулеза, – осторожно промолвила Лиза.

Туберкулез вызывается крайне заразной бактерией, туберкулезной палочкой *Mycobacterium tuberculosis*. И хотя в данном случае клиническая картина болезни была необычной, туберкулез может годами дремать в человеке, медленно разрастаясь. Быть может, этот мужчина заразился несколько лет назад, превратившись в ходячую бомбу с часовым механизмом, – и воздействие ядовитого газа явилось сильным стрессом, который привел к стремительному прогрессированию болезни. Несомненно, на последнем этапе больной был заразным.

Однако ни у нее, ни у доктора Барнхардта нет защитных костюмов. Почему он ее не предупредил?

– Это не туберкулез, – сказал токсиколог. – Доктор Миллер, наш специалист по инфекционным заболеваниям, идентифицировал микроорганизм как *Serratia marcescens*, непатогенный штамм.

Лиза вспомнила предыдущий разговор, связанный с больным, у которого безобидная кожная бактерия превратилась в зловредный вирус, пожирающий живые ткани. Токсиколог подтвердил ее догадку:

– И снова безобидный непатогенный микроорганизм становится заразным.

– Доктор Барнхардт, но ведь то, что вы предполагаете...

– Зовите меня Хенриком. И я не просто предполагаю это. На протяжении последних нескольких часов я искал подобные случаи. И нашел еще два. Женщина с сильнейшей формой дизентерии, буквально пожирающей внутренние ткани кишечника. А причиной этому *Lactobacillus acidophilus*, обычная молочнокислая бактерия, которая присутствует в микрофлоре кишечника любого здорового человека. И есть еще ребенок, маленькая девочка, у которой страшные припадки; спинномозговая жидкость у нее буквально кишит *Acetobacter acetii*, безобидным микроорганизмом, который можно найти в обычном уксусе. Однако сейчас он буквально замариновал ей спинной мозг.

До Лизы постепенно начинал доходить страшный смысл услышанного.

– Не исключено, что есть и другие случаи, – закончил Хенрик.

Лиза покачала головой – не возражая, а, наоборот, признавая пугающую правду его слов.

– То есть что-то определенно настраивает эти безобидные микроорганизмы против нас.

– Превращая друзей во врагов. И если разразится полномасштабная война, неприятель будет иметь над нами подавляющее численное преимущество.

Лиза вопросительно посмотрела на него.

– Человеческое тело состоит приблизительно из ста триллионов клеток, однако всего десять триллионов являются нашими. Остальные девяносто процентов – бактерии и другие условно-патогенные микроорганизмы. Мы живем во взаимовыгодных отношениях с этим чуждым окружением. Но что, если равновесие нарушится, обратится против нас?..

– Мы должны это остановить.

– Вот почему я пригласил вас сюда. Для того чтобы убедить. Если мы хотим двигаться дальше, нам с доктором Миллером нужен доступ к лаборатории вашего напарника. Вызваны ли эти изменения в бактериях химическими или биологическими факторами? Если да, то как с этим бороться? И что, если они заразны? Какими карантинными мерами можно их изолировать? – Хенрик поморщился. – Нам необходимо получить ответы. Сейчас.

Лиза взглянула на часы. Монк опаздывал уже на час. Или он забыл о времени, с головой погрузившись в работу, или же любит красотами острова. Однако сейчас не время наслаждаться бездельем.

Лиза кивнула:

– Надо связаться с доктором Коккалисом по радио. И срочно вызвать его сюда. Но вы правы. Нельзя терять ни минуты.

Она первой вышла из каюты. Портативная лаборатория Монка находилась на самом верху корабля, пятью палубами выше. Для того чтобы разместить все оборудование, «Сигма» заказала самую большую каюту. Матросам лайнера даже пришлось убрать привинченные к полу койки и мебель, освобождая дополнительное пространство. Кроме того, каюта имела широкий балкон, выходящий на правый борт. Лизе очень захотелось попасть туда сейчас, ощутить солнечный свет, прикосновение свежего ветерка к щеке – все, что угодно, только чтобы прогнать нарастающий в груди страх.

Направляясь к лифтам, она подумала, что ей придется снова звонить Пейнтеру. Взвалить такую ответственность на свои плечи одна она не может. Ей необходима поддержка всего научно-исследовательского отдела «Сигмы».

К тому же Лизе очень хотелось снова услышать голос Пейнтера.

Она нажала кнопку вызова. Кнопка как будто была подсоединена к детонатору: с моря донесся громкий взрыв, со стороны швартового дока, куда причаливали катера, перевозившие людей на берег и обратно. Неужели что-то случилось?

– Что это было? – спросил Хенрик.

С противоположного борта в носовой части прогремел новый взрыв, сотрясший весь корабль. Послышались приглушенные крики. Затем Лиза услышала знакомый звук, частый треск автоматных очередей.

– На нас напали, – испуганно сказала она.

13 часов 45 минут

Ржавый «лендровер», подпрыгивая на рытвинах и ухабах, на полной скорости мчался вниз по крутому склону. Монк угнал старый пикап со стоянки рядом с фосфатной шахтой, брошенной вследствие эвакуации. Ему пришлось вывернуть облицовку рулевой колонки и замкнуть провода зажигания. Машина неслась по грунтовой дороге, которая вела от шахты к городку на побережье.

Доктор Ричард Графф, пристегнувшись ремнем безопасности, сидел рядом, держась здоровой рукой за потолок кабины.

– Помедленнее, пожалуйста...

Монк не обращал на него внимания. Ему нужно было как можно скорее добраться до берега.

Дойдя пешком до шахты, двое ученых вбежали в контору и бросились к телефону. Связь отсутствовала. Остров полностью опустел, за исключением одного места. Хорошо хоть им удалось найти в шкафчике аптечку первой помощи. Теперь плечо Граффа было обработано противовоспалительной мазью и перебинтовано.

Океанолог с трудом сам занялся своей раной, пока Монк заводил пикап. Сейчас Графф раненой рукой прижимал к животу коробку из-под аптечки. Освобожденная от содержимого, она стала отличной клеткой для пойманного краба.

Не вписавшись в крутой поворот дороги, ведущей сквозь джунгли, Монк вылетел на обочину. Он резко выкрутил руль, отрывая два колеса пикапа на пару дюймов от земли. Выровнявшись, машина плюхнулась вниз, скрипя рессорами.

Графф пробормотал:

– Не будет ничего хорошего в том, что вы застрянете в джунглях.

Монк сбросил скорость – не потому, что прислушался к предостережению Граффа, а потому, что впереди показалось пересечение с шоссе. Пикап выехал на узкую полосу асфальта. Грунтовая дорога обрывалась к югу от бухты Летучих Рыб. На севере возвышались здания поселка – пестрая смесь прибрежных гостиниц, китайских ресторанов, убогих баров и сувенирных магазинчиков.

Однако все внимание Монка оставалось прикованным к морю. «Владычица морей» была окружена горящими лодками, взорванными яхтами и обломками катера австралийской береговой охраны. К безоблачному полуденному небу поднимались густые клубы черного дыма. Подобно акулам, окружившим добычу, два десятка голубых скутеров с ревом рассекали воду.

Над бухтой кружил одинокий желтый с красным вертолет «астар» – сердитый шершень, разгоняющий дым. Судя по вспышкам, которые вырывались из дула пулемета, высушеного в открытый люк, это был враг.

Спускаясь по дороге вниз, Монк видел за деревьями отрывочные картины морского боя: взрывы, вспышки выстрелов, взлетающие вверх пылающие обломки. Отголоски взрывов казались звуками далекого фейерверка.

Бум... бум... бум...

С севера донесся гулкий взрыв, и над городом взметнулось облако дыма и огня. Это уже было довольно близко, и у «лендровера» задребезжали стекла.

– Станция спутниковой связи, – сказал Графф. – Остров полностью отрезали от окружающего мира.

Другие районы Селения уже горели.

Это были не обычные пираты. Это было настоящее нападение. Черт побери, кто эти люди?

Включив передачу, Монк выехал на прибрежное шоссе и повернул в противоположную от города сторону.

– Куда вы?.. – начал было Графф.

Монк завернул за поворот. Впереди показалась маленькая приморская гостиница, одиноко стоящая в окружении пары акров девственных влажных джунглей. Монк резко свернул у знака «“МАНГО”. КОМНАТЫ У МОРЯ И КУХНЯ» и помчался по дорожке. Стала видна вся территория гостиницы – двухэтажное здание, растворившееся в беспорядочной россыпи бунгалов. Блеснула водная гладь бассейна.

Судя по всему, здесь не было ни души.

– Тут вы будете в полной безопасности, – сказал Монк, резко затормозив у входа в главное здание, под густой кроной тезки гостиницы – раскидистого манго.

Он выскочил из машины.

– Подождите!

Повозившись с дверью, Графф наконец ее открыл и буквально вывалился из «лендровера». Он поспешил следом за Монком.

Тот, не сбавляя шага, торопливо шел к берегу. Подобно всем прибрежным гостиницам, «Манго» предлагала полный набор развлечений, какие только могут пожелать отдыхающие: плавание с аквалангом, прогулки на яхтах, полеты на парашюте. В дальнем углу двора Монк заметил центр активных видов отдыха – маленький сарай из шлакоблоков, крытый тростниковой крышей. Из-за всеобщей эвакуации дверь в него была заколочена.

Монк на бегу подхватил шест, которым чистили дно бассейна. Не теряя ни минуты, он оторвал доски и разбил стеклянную дверь.

Только тут Граффу удалось наконец его догнать.

Нырнув в сарай, Монк высунул руку и, схватив океанолога, затащил его внутрь следом за собой. Над гостиницей с ревом пролетел вертолет, поднимая несущим винтом вихрь, от

которогогнулись пальмы. Застыв на мгновение над главным зданием, он направился дальше, продолжая облет побережья.

– Не высовывайтесь отсюда! – строго предупредил Монк.

Графф отчаянно закивал.

Монк медленно осмотрел центр активного отдыха, заполненный пляжными полотенцами, солнцезащитными очками, баночками с кремом для загара и всевозможными сувенирами. Здесь пахло кокосом и сыростью. Обогнув прилавок, Монк шагнул в дверь, завешенную циновкой. Там он нашел то, что искал.

Вдоль дальней стены стояли акваланги.

Монк скинул ботинки.

У той стены, которая выходила к морю, перед подъемной дверью выстроились всевозможные плавательные средства, предназначенные для отдыха на солнечном пляже. Монк прошел мимо водных велосипедов и двух байдарок и остановился перед одиноким гидроциклом. Тот стоял на тележке на колесах, готовый к спуску на воду.

По крайней мере, море с этой стороны острова было свободно от ядовитого бульона.

Монк повернулся к Граффу:

– Мне понадобится ваша помощь.

Восемнадцать минут спустя Монк локтем протер грязное окно сарая. Резина «мокрого» гидрокостюма противно закрипела по стеклу. Выгнув шею, Монк стал ждать, когда вертолет пролетит в обратную сторону и повернет к бухте Летучих Рыб. Отсюда бухту, скрытую за мысом Смита, не было видно. Монк мог разглядеть только рваные клочья дыма, поднимающегося над скалами.

Наконец вертолет развернулся и полетел обратно к круизному лайнеру.

– Отлично, пошли!

Нагнувшись, Монк поднял створку ворот, задвигая ее в нишу над головой. Тем временем Графф взялся за рукоятку тележки с гидроциклом, а Монк забежал спереди, помогая ему. Вдвоем они покатали тележку к воде. Широкие резиновые колеса легко катились по рыхлому песку.

Графф отцепил гидроцикл от тележки, а Монк надел упряжь с кислородными баллонами. Полностью облачившись, он натянул поверх снаряжения прихваченную в качестве сувенира ветровку с эмблемой гостиницы «Манго».

Сгибаясь под тяжестью акваланга, Монк зашел в воду и помог спустить гидроцикл с тележки.

– Следите за тем, чтобы вас не заметили, – напутствовал он Граффа. – Но если найдете какое-нибудь средство связи, рацию или еще что-либо, постарайтесь докричаться до властей.

Графф кивнул:

– И вы тоже берегите себя.

Через минуту Монк завел двигатель и с надрывным ревом понесся к мысу Смита. Оставшийся на берегу Графф закатил тележку обратно в сарай.

Низко пригнувшись к рулю, Монк выкрутил ручку газа до отказа. Ему в лицо ударил ветер, хлопая лапами ветровки. В воздух поднялись соленые брызги. Мыс Смита быстро приближался. Наконец Монк достиг каменистого выступа и, не снижая скорости, завернул за него.

У противоположного берега бухты возвышалась «Владычица морей», подобная белому замку, осажденному неприятелем. Море вокруг корабля дымилось пятнами пролитой горячей нефти и пылающими обломками лодок и яхт. Даже от причала осталась лишь груда обломков. И повсюду с ревом носились пиратские скутеры, ведущие охоту.

«Ну вот мы и пришли».

Подобно неуправляемой торпедой Монк устремился вперед.

14 часов 8 минут

– Мы обязательно должны что-то сделать, – сказала Лиза.

– Пока что сидим тихо, – предостерег ее Хенрик Барнхардт.

Они спрятались в одной из пустых внешних кают. Лиза стояла перед иллюминатором. Хенрик занял место у двери.

Час назад они пробежали через весь корабль, охваченный паникой. Члены экипажа в форме и обезумевшие пассажиры, как здоровые, так и больные, толпились в коридорах. Грохот взрывов и треск выстрелов практически потонули в душераздирающей сирене аварийной тревоги, звучащей по всему лайнеру. То ли это произошло автоматически, то ли кто-то поступил так сознательно, но опустились противопожарные переборки, наглухо изолировав друг от друга отсеки.

Тем временем боевики в масках очищали один за другим коридоры, расстреливая на месте каждого, кто оказывал сопротивление или двигался слишком нерасторопно. Лиза и Хенрик слышали крики, выстрелы, топот ног на верхних палубах. Они сами едва не стали жертвой нападавших. Их спасло лишь стремительное бегство через банкетный зал лайнера, отделанный золотом, и дальше по другому коридору.

Они понятия не имели, сколько времени им удастся продержаться.

Стремительность, с какой была захвачена «Владычица морей», позволяла предположить, что тут не обошлось без помощи кого-то из членов экипажа.

Лиза выглянула в иллюминатор. Море было объято огнем. Молодая женщина видела, как некоторые пассажиры в отчаянии прыгали с верхних палуб в воду, надеясь добраться вплавь до берега. Однако скутеры без устали вспарывали воды бухты, поливая беглецов свинцовым дождем. Среди пылающих обломков плавали трупы. Спасения не было нигде.

Но что произошло? Какую цель преследовали нападавшие?

Наконец аварийная сирена умолкла, издав напоследок визгливое завывание. Наступившая тишина придавила корабль физической тяжестью. Даже воздух, казалось, стал более спертым.

Хенрик посмотрел Лизе в глаза.

Из громкоговорителя, установленного в каюте, раздался резкий голос, говорящий по-малайски. Лиза не владела малайским языком. Она вопросительно посмотрела на Хенрика, но тот покачал головой, теряясь в догадках. Затем то же самое повторили по-китайски. На острове Рождества это были два самых распространенных языка.

Наконец говорящий перешел на английский с сильным акцентом:

– Корабль в наших руках. Все палубы патрулируются вооруженными людьми. Каждый, кого обнаружат в коридорах, будет расстрелян на месте. Но тем, кто подчинится, бояться нечего. Это все.

Заявление закончилось треском статического электричества.

Убедившись, что дверь каюты заперта, Хенрик шагнул к Лизе:

– Корабль захвачен. Судя по всему, нападение было спланировано заранее.

Лиза вспомнила итальянский круизный лайнер «Ачилле Лауро», который в далеком 1985 году был захвачен палестинскими террористами. А затем, уже не так давно, в 2005 году сомалийские пираты напали на другой круизный лайнер, совершавший рейс вдоль восточного побережья Африки.

Повернувшись к иллюминатору, Лиза бросила взгляд на голубые скутеры, патрулирующие воды бухты. На всех катерах были вооруженные люди в масках. С виду все это походило на нападение пиратов, однако у Лизы появились другие подозрения. Быть может, ей частично передана мания преследования, которой страдал Пейнтер.

Все это было слишком хорошо спланировано, чтобы оказаться нападением простых пиратов.

– Несомненно, – заговорил Хенрик, – сейчас пираты прочешут корабль и заберут все, что плохо лежит, после чего быстро отступят и затеряются среди островов Зондского архипелага. Если мы будем вести себя тихо...

Динамик снова ожил, и по громкоговорящей связи корабля заговорил другой голос. Сразу по-английски. Не переводя на малайский и китайский.

– Следующим пассажирам необходимо немедленно подняться на мостик корабля. Они должны появиться там в течение ближайших пяти минут. Они должны держать руки поднятыми вверх, сплетенными на затылке. Каждая минута промедления приведет к смерти двух пассажиров. В первую очередь мы начнем расстреливать детей.

Затем были перечислены фамилии.

Доктор Джин Линдхольм.

Доктор Бенджамин Миллер.

Доктор Хенрик Барнхардт.

И самая последняя – доктор Лиза Каммингс.

– Повторяю, у вас есть пять минут. Время пошло.

Радио умолкло.

Лиза все еще стояла лицом к иллюминатору.

– Это не захват.

И это были не обычные пираты.

Прежде чем отвернуться от иллюминатора, молодая женщина увидела гидроцикл, который на полной скорости несся через бухту по направлению к круизному лайнеру. Поднимающийся позади петушиным хвостом высокий бурун сразу же привлекал к себе внимание. Гидроцикл мастерски петлял между обломками. Водитель сидел, низко пригнувшись. И на то у него были причины.

Два скутера преследовали гидроцикл, разрывая облака дыма и разбрасывая в стороны горящие доски. Мелькали частые вспышки выстрелов.

Лиза покачала головой, поражаясь безрассудности водителя гидроцикла.

Вынырнувший из-за надстроек круизного лайнера вертолет повернул в сторону гидроцикла. Лизе не хотелось смотреть, но она почему-то чувствовала, что это ее долг. Она обязана быть свидетелем этого самоубийственного рейда.

Вертолет резко накренился, выписывая поворот, и сбоку открылась дверь. Из кабины вырвался яркий язык пламени, и к поверхности воды устремился дымовой след.

Реактивный гранатомет.

Вздвигнув, Лиза перевела взгляд вниз и успела увидеть, как гидроцикл взорвался, превратившись в огненный шар, извергающий дым и искореженные куски металла.

Лиза отвернулась, не в силах унять дрожь. Она подняла взгляд на Хенрика. Выбора у них не было.

– Пошли.

14 часов 12 минут

Монк шел ко дну, увлекаемый тяжестью пояса и баллонов с кислородом. Он задержал дыхание, не борясь с погружением. Над головой голубое зеркало воды озарилось огнем. Осколки взорвавшегося гидроцикла с шипением погружались в воду. В двух метрах от него сам гидроцикл, опустив нос, уходил в глубину.

Монк последовал за ним, стаскивая с себя ветровку. У него больше не было причин скрывать наличие акваланга. Подняв маску, он махнул рукой, чтобы подхватить трубку

подачи воздуха. Очистив с помощью редуктора маску, Монк натянул ее на лицо и закрепил на затылке.

Тотчас же все вокруг стало кристально чистым.

Монк установил редуктор на место и сделал вдох. Скорее вздох облегчения.

Удалась ли его уловка с погружением?

Минуту назад, когда вертолет устремился к нему, словно коршун к мыши, Монк краем глаза следил за боевиком, который появился в открытой двери. Как только тот направил на него гранатомет, Монк в самое последнее мгновение опрокинул гидроцикл, поднырнул под него и пошел на глубину. И все же взрыв оглушил его, словно молот, обрушившийся на наковальню.

Монк быстро погружался. В бухте Летучих Рыб сваи причалов уходили в глубину на тридцать метров. Однако для него это было даже слишком.

Подрегулировав компенсаторы плавучести, Монк наполнил жилет воздухом из баллонов. Погружение прекратилось, и он завис в воде. Он развернулся, и ему стали видны днища рыскающих скутеров, вспененная винтами вода. Скутеры кружили и кружили, выискивая следы водителя гидроцикла, готовые открыть огонь, если он вынырнет на поверхность.

Но Монк не собирался выныривать. Если его уловка удалась, никто не знал о том, что у него есть акваланг. Подняв руку, он сверился с фосфоресцирующим циферблатом компаса и поплыл по предварительно определенному азимуту.

В сторону «Владычицы морей».

Ему давно хотелось отправиться в морской круиз.

Глава 5

Потерянный и обретенный

5 июля, 1 час 55 минут

Вашингтон

– Ехать дальше опасно, – сказал Грей.

В течение последних семи минут он осторожно вел «тандерберд» через парк Гловера-Арчибольда, по старой грунтовой дорожке, заросшей травой. Ветви кустарников хлестали кабриолет по бокам. Пробитая передняя крышка сдулась, замедляя движение и затрудняя управление.

Хотя у большинства людей при упоминании названия Вашингтон возникают образы широких улиц с историческими зданиями, просторных площадей и музеев, столица также славится одним из самых длинных в мире каскадом сообщающихся парков, который проходит через самое сердце города и занимает общую площадь свыше тысячи акров. С одной стороны этот каскад заканчивается парком Гловера-Арчибольда, который упирается в берег реки Потомак.

Грей направлялся прочь от реки: место там было слишком открытое. Держась петляющей дорожки, он с выключенными фарами двигался на север, пока не наткнулся на старую пожарную просеку, уходящую в густые заросли. Грей свернул на нее. Необходимо было затеряться в лесу, однако «тандерберд» уже еле тянул.

Осознав, что ехать дальше нельзя, Грей сбавил скорость.

Они находились на дне лощины. По обе стороны поднимались крутые склоны, заросшие деревьями. Впереди узкую долину пересекала насыпь заброшенной железной дороги. Грей завел «тандерберд» под мост из ржавого железа и деревянных балок и затормозил у бетонного откоса насыпи. Откос был покрыт рисунками и надписями.

– Всем выйти из машины. Дальше пойдем пешком.

С противоположной стороны от насыпи деревянный знак, освещенный звездами и узенькой долькой луны, обозначал начало пешеходной тропы. Проложенная через густые заросли, тропа больше напоминала тоннель.

Тем лучше. Здесь будет проще укрыться.

Где-то далеко в стороне завывали сирены пожарных машин. Ночное небо окрасилось мерцающим оранжевым заревом. Вероятно, от взрыва гранаты начался пожар.

Однако вблизи лес оставался темным, раскрашенным всеми оттенками черного цвета.

Грей понимал, что Насер и его головорезы могут быть где угодно: позади, впереди, совсем рядом.

У Грея гулко колотилось сердце. Со всех сторон его обступили страхи – не за себя, за родителей. Ему нужно укрыть их в безопасном месте, отдалить от опасностей, окруживших его самого. А для этого необходимо вылечить Сейхан. И сделать это подальше от посторонних взглядов.

Хоть у Грея и оставался сотовый телефон, позволяющий устанавливать зашифрованную связь, он опасался вызывать «Сигму» и Пейнтера Кроу. Линии связи были скомпрометированы, свидетельством чего явилась западня в охраняемом доме. Правила требовали залечь на дно и затаиться. Где-то происходит утечка, и до тех пор, пока он не спрячет родителей в безопасном месте, высовываться нельзя.

Итак, это означало, что необходимо найти какой-то способ оказать Сейхан медицинскую помощь. Один вариант предложила мать и уже приступила к его осуществлению, сделав два звонка со своего сотового телефона. После этого Грей заставил ее достать из телефона аккумулятор, чтобы по этому устройству нельзя было вычислить их местонахождение.

– Кажется, морфий успокоил раненую, – доложила с заднего сиденья мать.

Во время короткой остановки миссис Пирс поменялась местами с Ковальски. Теперь Сейхан лежала между ними, накрытая покрывалом. Гарриет ввела ей морфий из шприц-тюбика, который нашла в аптечке в охраняемом доме.

– Дальше нам придется нести раненую на руках, – сказал Грей.

– Я один справлюсь, – отмахнулся от остальных Ковальски.

Пирс-старший помог жене выйти из кабриолета. Осмотрев машину, он покачал головой, ругаясь под нос.

Ковальски встал и взял Сейхан на руки. Даже в темноте под насыпью Грей разглядел черное пятно, расплзающееся по бинтам. Движение разбудило Сейхан. Она недоуменно посмотрела на Ковальски, пытаясь понять, где находится и что с ней происходит. Затем, вскрикнув, наотмашь ударила его по щеке.

– Ты что? – воскликнул великан, с трудом уворачиваясь от следующего удара.

Сейхан заорала – бессвязный крик на смеси английского и какого-то азиатского диалекта.

– Уйми же ее, – обратился к Грею отец, с опаской оглядываясь на темный лес.

Ковальски попытался зажать Сейхан рот, но та едва не откусила ему палец.

– Сукин сын!

Она возбуждалась все больше и больше.

Гарриет Пирс подошла ближе, копаясь в своей сумочке.

– У меня есть еще одна доза морфия.

Грей покачал головой:

– Подожди!

Сейхан потеряла много крови, и он опасался, что морфий в качестве побочного действия вызовет у нее перебои дыхания. Вторая доза может оказаться смертельной, а он так и не получил ответы на свои вопросы. Он подставил матери ладонь:

– Нюхательная соль.

Кажется, Ковальски говорил, что она есть в аптечке.

Мать кивнула. Раскрыв сумочку, она порылась в ней и протянула сыну несколько ампул. Схватив одну, Грей подошел к Ковальски. У охранника на лице наливалась кровью длинная царапина.

– Господи, да сделайте же с ней что-нибудь!

Схватив Сейхан за волосы, Грей закинул ей голову назад и разломил ампулу перед носом. Сейхан задергала головой, пытаясь вырваться, но он держал ампулу рядом с верхней губой. Безумные крики утихли, сменившись сдавленным кашлем.

Сейхан подняла руку, отстраняя Грея. Тот не отнимал ампулу.

– Достаточно...

Кашлянув еще раз, Сейхан схватила Грея за запястье. Тот опустил руку, поражаясь силе ее пальцев.

– Дайте мне отдышаться... Опустите меня на землю.

Грей кивнул Ковальски. Тот не заставил просить себя дважды и поставил Сейхан на землю, поддерживая ее за плечо. Судя по всему, Сейхан переоценила свои силы. Ноги ее подогнулись, и она повисла в объятиях великана.

Поморщившись от боли, Сейхан огляделась вокруг. Сквозь противостояние боли и морфия Грей различил в ее взгляде смятение. Наконец Сейхан повернулась к нему.

– Я... обелиск... – запинаясь от волнения, выдавила она.

Грею уже надоело слушать про этот проклятый обелиск.

– Его мы заберем потом. Он сломался, когда ты упала с мотоцикла. Я оставил его дома.

Казалось, его слова причинили Сейхан более сильную боль, чем пулевое ранение. Впрочем, быть может, на самом деле эта оговорка только к лучшему. Вдруг Насер, вместо того чтобы преследовать их, отправится искать обелиск.

Но тут мать Грея, услышав разговор, шагнула вперед.

– Вы говорите о сломанном черном столбике? – Она похлопала по своей сумочке. – Я забрала его, когда ходила в дом за бинтами. Он показался мне старым и, возможно, ценным.

Облегченно закрыв глаза, Сейхан кивнула, подтверждая справедливость обоих утверждений. Она устало уронила голову:

– Слава богу.

– И что в нем такого важного? – спросил Грей.

– Он должен... он может спасти мир. Если уже не слишком поздно.

Грей посмотрел на сумку в руках матери, затем перевел взгляд на Сейхан.

– Черт побери, что ты имеешь в виду?

Та слабо махнула рукой, снова теряя сознание.

– Все это очень сложно... мне нужна твоя помощь... не могу... одна... мы должны... должны спешить.

Уронив подбородок на грудь, раненая снова лишилась чувств. Ковальски едва успел ее подхватить.

Грея так и подмывало раздавить вторую ампулу с солями, но он опасался перенапрягать Сейхан. На бинтах проступила свежая кровь.

Его мать, похоже, пришла к такому же заключению. Она кивнула в сторону пешеходной тропы:

– Отсюда до больницы должно быть совсем недалеко.

Грей повернулся к теряющейся во мраке тропе, которая начиналась за насыпью. Это была вторая из причин, по которой он вел «тандерберд» на север через лес, следуя указаниям матери. За дальней частью парка Гловера-Арчибольда раскинулся Джорджтаунский университет. Больница медицинского факультета стояла на самой опушке леса. В ней работали бывшие студенты Гарриет Пирс.

Если им удастся незаметно добраться туда...

Но не слишком ли очевидна эта цель?

Из сложного паркового комплекса ведут тысячи выходов, но Насеру известно, что среди беглецов есть тяжелораненая женщина, которой требуется незамедлительная медицинская помощь.

Риск был огромный, но Грей не представлял себе, как его избежать.

Он вспомнил глаза Насера, когда тот спрашивал насчет обелиска. Алчные, безжалостные. Египтянин поверил словам Грея о том, что обелиск остался дома, – в основном потому, что сам Грей верил в это. Но что для него важнее: получить в свои руки обелиск или отомстить?

Грей обвел взглядом свой маленький отряд.

От ответа на этот вопрос зависела жизнь всех этих людей.

2 часа 21 минута

Полчаса спустя Пейнтер расхаживал по своему кабинету, нацепив на ухо беспроводную телефонную гарнитуру.

– Все мертвы?

У него за спиной на плазменные экраны выводилось в реальном времени изображение трех домов, объятых пламенем, и части соседнего парка. Лето выдалось без дождей, и лес превратился в сухой хворост. За полицейским оцеплением суетились пожарные. Над теле-

визионными машинами уже поднимались тарелки спутниковой связи. В небе кружил полицейский вертолет, шаря по земле ярким лучом прожектора.

Но этого было слишком мало, да и прибыла помощь слишком поздно.

Среди пожарища не было ни кабриолета, в котором Грей приехал к охраняемому дому, ни угнанного микроавтобуса. Бушующий огонь не давал проводить расследование дальше.

Единственная достоверная информация не радовала. Сотрудники медицинской бригады «Сигмы» были обнаружены на заброшенном поле, все убитые выстрелом в голову. На столе перед Пейнтером лежали четыре папки. Он опустил в кресло. Помимо всего прочего, ему до рассвета предстоит сделать четыре мучительных телефонных звонка. Оповестить родных.

В кабинет вкатился Брэнт, помощник Пейнтера.

– Извините, сэр.

Пейнтер молча кивнул:

– Доктор Макнайт вызывает вас по третьей линии. Можно устроить видеоконференцию.

Пейнтер ткнул пальцем в экран, заполненный языками пламени.

– Пока что с меня довольно этого. Подключи Шона.

Пейнтер стянул наушник, подумав сердито, что лучше уж было бы просто имплантировать его в голову. Он развернулся к экрану, на котором изображение пожара сменилось лицом его начальника.

Шон Макнайт стоял у истоков создания «Сигмы», но затем ушел на повышение, возглавив УППОНИР. Пейнтер связался с ним сразу же, как только Сейхан ворвалась в жизнь Грея. Ему требовались совет и опыт Макнайта. Однако была еще одна веская причина.

– Значит, «Гильдия» снова стоит у нас в дверях, – начал Шон, приглаживая рукой сидящие рыжие волосы.

Судя по тому, какие они были взъерошенные, директора УППОНИР подняли прямо с кровати. Однако его рубашка была белоснежной и отутюженной. На спинке кресла висел темно-синий в полоску пиджак. Шон Макнайт приготовился к долгому дню.

– Похоже, «Гильдия» не просто стоит у нас в дверях, – заметил Пейнтер. – Самая последняя информация позволяет предположить, что она уже переступила порог. – Он постучал по лежащей перед ним папке. – Несомненно, вы уже ознакомились с докладом.

Ответом ему стал кивок.

– Очевидно, «Гильдии» было известно про охраняемый дом. Известно о том, что Грей направлялся туда с бежавшей сотрудницей «Гильдии». Где-то у нас есть утечка.

– Боюсь, приходится это предположить.

Пейнтер покачал головой. Если так, это катастрофа. Один раз «Гильдии» уже удалось просочиться в святая святых «Сигмы», но Пейнтер готов был поклясться, что сейчас его организация чиста. Он сжег «Сигму» до основания, а затем отстроил ее заново, с нуля, заложив в структуру сотни многоуровневых предохранительных мер.

И все впустую.

Если где-то есть утечка, под подозрением окажется само основание «Сигмы». И не исключено, что это приведет к роспуску организации. Внутренняя проверка уже шла полным ходом: анализ издержек и результатов основной командной структуры «Сигмы», замаскированный под изучение вопроса возможного объединения всех разведывательных ведомств Соединенных Штатов с Министерством внутренней безопасности.

Но что самое страшное, предательство имело и другую цену. Об этом Пейнтеру напоминали четыре папки, лежавшие перед ним.

Шон Макнайт продолжал:

– Не одно только наше подразделение оказалось под ударом этой сети наемных террористов. Два месяца назад британская МИ-шесть раскрыла ячейку, которой удалось проникнуть в засекреченную лабораторию британского космического агентства под Глазго. В ходе операции наши английские коллеги потеряли пятерых агентов. «Гильдия» везде и нигде. И у нас дома АНБ и ЦРУ упорно бьются над тем, чтобы установить личность главаря «Гильдии». Нам практически ничего не известно о главе этой организации и ее ключевых игроках. Мы даже не можем сказать, называют ли они сами себя «Гильдией». Это название предложил один офицер британского специального воздушно-десантного полка, ныне покойный. Затем, судя по всему, различные ячейки переняли его, сначала в качестве издевки, потом, вероятно, уже привыкнув к нему. Вот как мало нам известно об этой сети.

Он многозначительно умолк. Пейнтер понял начальника без слов.

– А теперь к тому же в наши ряды затесался предатель.

Макнайт вздохнул.

– Мы на протяжении многих лет пытались проникнуть в недра «Гильдии». Я предлагал несколько сценариев. Но ничто не сравнится с тем, что оперативник «Гильдии», относящийся к ее элите, сам свалился нам в руки. Необходимо поместить Сейхан в надежное место, где можно будет поговорить с ней по душам.

– А «Гильдия» будет изо всех сил стараться помешать нам. Выбор уже сделан. Для того чтобы расправиться с перебежчицей, «Гильдия» пошла даже на то, чтобы раскрыть факт своего проникновения в «Сигму». Очень дорогая цена. И чтобы выполнить этот план, был направлен лучший и самый неуловимый оперативник. Еще один представитель элиты.

– Я видел видеосъемку этого человека рядом с охраняемым домом. И ознакомился с досье на него.

Макнайт поморщился.

Пейнтер тоже ознакомился с досье на главаря террористов. «Калькуттский мясник». Настоящее происхождение и подданство его были неизвестны. Не вызывало сомнений лишь то, что в его жилах смешана самая разная кровь. В различные моменты он выдавал себя за индийца, пакистанца, иракца, египтянина и ливийца. Они с Сейхан были одного поля ягоды, но только он был мужчиной.

– Одна ниточка у нас есть, – заметил Пейнтер. – Из видеосъемки нам известно его имя. Амен Насер. Но это все, что нам удалось узнать.

Макнайт махнул рукой:

– Имен у этого человека столько же, сколько и совершенных им убийств. Он оставил кровавый след по всему миру, в основном сосредоточив свою деятельность в Северной Африке, на Ближнем Востоке и в Южной Азии. Хотя в последнее время этот Насер распространил ее еще дальше, на страны Средиземноморского региона. На его счету удушение археолога в Греции. Убийство хранителя музея в Италии.

Пейнтер встрепенулся:

– В Италии? Где именно?

– В Венеции. Хранитель археологического музея был обнаружен в подземной тюрьме Дворца дождей, убитый выстрелом в упор. Насера – или как там его настоящее имя – зафиксировала камера видеонаблюдения, установленная на площади перед дворцом.

Пейнтер потер подбородок, покрытый колючей щетиной.

– Мне сегодня звонил монсиньор Верона из Ватикана. Все подробности будут в докладе. С большой вероятностью можно предполагать, что приблизительно в это же время Сейхан совершила определенные шаги в Италии.

Макнайт прищурился:

– Очень интересно. Это совпадение требует более тщательного расследования. Оба убийцы находились в Италии. Теперь они здесь. Один преследует другого. Причем это не

просто убийцы, а признанные мастера своего дела, лучшие в «Гильдии». И помимо всего прочего, это Насер толкнул Сейхан нам в руки.

«Точнее, в руки Грею», – мысленно добавил Пейнтер.

– Необходимо поместить эту женщину под стражу. Немедленно. Не может быть и речи о том, чтобы упустить такую возможность.

Пейнтер прекрасно сознавал всю напряженность момента, но он также хорошо знал Грея, был знаком с тем, как работает его мозг. Если у кого-то мания преследования и была так остра, как у самого Пейнтера, так это у Грея Пирса. Возможно, с тем, чтобы поместить Сейхан под стражу, возникнут определенные проблемы.

– Сэр, командер Пирс в настоящее время скрывается. Попав в западню в охраняемом доме, он, как и мы, должен был предположить утечку. Он постарается исчезнуть вместе с Сейхан. Заляжет на дно до тех пор, пока не придет к выводу, что можно открываться.

– Возможно, времени ждать у нас не будет. Особенно если учесть, что сейчас за обоими охотится «Калькуттский мясник».

– Как я должен поступить?

– Командера Пирса необходимо разыскать и вместе с Сейхан доставить к нам. Мне не остается выбора, кроме как расширить круг поисков, связаться с местными властями и ФБР. Я уже распорядился проверить все больницы и клиники. Нельзя позволить командеру Пирсу залечь на дно.

– Сэр, я бы предпочел в данной ситуации предоставить командеру Пирсу определенную свободу маневра. Чем больше света будет направлено в его сторону, тем с большей вероятностью это привлечет внимание Насера.

– Что ж, в таком случае мы постараемся задержать сразу двух оперативников «Гильдии».

Пейнтер не смог скрыть свое потрясение.

– Используя в качестве приманки Грея...

Шон Макнайт пристально посмотрел на него с экрана монитора. Только сейчас Пейнтер обратил внимание на натянутую позу начальника. На наглаженную рубашку и пиджак. До него вдруг дошло, что Макнайт, перед тем как позвонить ему, уже разговаривал с кем-то еще.

– Решение принял министр внутренней безопасности. И президент его утвердил. Оно окончательное. – Голос Макнайта стал твердым. – Необходимо любой ценой разыскать и доставить сюда Грея и эту террористку из «Гильдии».

Пейнтер не нашелся что ответить. Ответить было нечего. Таков был новый мир. Пейнтер медленно кивнул. Он подчинится.

И все же он хорошо знал Грея.

Подавшийся в бега, затравленный со всех сторон, этот человек совершит невозможное. Он спрячется так глубоко, что его никто не найдет.

3 часа 4 минуты

– Внизу, в вестибюле, я видел кафе, – пробормотал Ковальски. – Может, оно сейчас открыто. Кто-нибудь хочет чашечку кофе?

– Никто никуда не идет, – решительно заявил Грей.

Ковальски покачал головой:

– Да это я так, просто пошутил.

Не обращая на него внимания, Грей продолжал изучать сломанный обелиск Сейхан. Они находились в маленькой приемной зубокабинета. Настольная лампа освещала тесное помещение, оформленное в обычном для подобных кабинетов стиле: стопка

старых журналов на столе, абстрактные акварели на стенах, чахлый фикус в горшке и темный плоский экран телевизора на стене.

Сорок минут назад маленькая группа дошла по пешеходной тропе, петляющей по лесу, до края парка Гловера-Арчибольда. Тропа привела к улице, которая отделяла парк от территории Джорджтаунского университета. В этот час машин на ней не было. Беглецы поспешно перешли через улицу и, проскользнув между двумя научно-исследовательскими корпусами, добрались до здания, в котором размещалось стоматологическое отделение медицинского факультета. Сама клиника находилась чуть дальше, залитая ярким светом. Однако беглецы не рискнули идти туда, опасаясь быть обнаруженными.

Поэтому были приняты другие меры.

Сидящий в противоположном углу приемной Ковальски тихо выругался и скрестил руки на груди. Не вызывало сомнений, что, несмотря на недавние бурные события, великана терзает скука. Все ждали известий.

– Черт побери, ну почему так долго? – проворчал Ковальски.

Грей успел выяснить, что в прошлом он служил матросом в военно-морском флоте. Ковальски завербовали в «Сигму» после того, как он оказал содействие одной операции «Сигмы», проведенной в Бразилии. Пригласили его не за голову, а за мускулатуру. Пока они ждали в приемной, Ковальски даже попытался показать Грею раны, полученные при выполнении предыдущих заданий, но тот отказался. Великан никак не мог умолкнуть. Неудивительно, что ему поручили охрану, направив его одного, без напарника.

Однако это замечание Ковальски, как и все предыдущие, осталось без внимания.

Отец Грея лежал у стены на трех составленных рядом стульях. Глаза у него были закрыты, но он не спал. С сыном он не разговаривал.

– Значит, ты у нас что-то вроде ученого-шпиона, – сказал Грею отец, когда они добрались сюда. – Все сходится...

Грей так и не понял, что хотел сказать этой загадочной фразой отец, но сейчас был не тот момент, чтобы выяснять это. Чем скорее Сейхан будет поставлена на ноги и увезена подальше от его родителей, тем лучше... для всех.

Грей продолжал изучать обелиск. Он крутил его в руках, пристально рассматривая со всех сторон. Не вызывало сомнений, что возраст черного камня, поцарапанного, с обколотыми краями, насчитывает тысячелетия. Судя по виду, родиной его был Древний Египет, однако в этой области познания Грея были скудными. Даже предположение о происхождении обелиска было навеяно лишь египетским акцентом убийцы.

Однако в обелиске имелось кое-что определенно странное.

Грей перевернул отколовшуюся верхнюю часть. Снизу из камня торчал серебряный пруток толщиной приблизительно с мизинец. Потрогав его, Грей понял, что перед ним самая настоящая верхняя часть айсберга из пословицы. Внимательно изучив скол, он различил в камне тонкий древний шов, скрепленный каким-то цементирующим раствором, разглядеть который снаружи было невозможно. В действительности обелиск состоял из двух мраморных половин, склеенных вместе, внутри которых было что-то спрятано. Точно так же в толстой книге вырезают середину страниц, чтобы спрятать пистолет или драгоценности.

Грей вспомнил слова Сейхан: «Возможно, это спасет мир... если только уже не слишком поздно». Что бы она ни имела в виду, обелиск представлял такую важность, что ради него она отдала себя в руки Грею, предала «Гильдию».

Ему были нужны ответы.

Грей обернулся, услышав скрип открывшейся двери. Из кабинета вышла его мать, снимая с лица марлеву маску. Грей вскочил с места.

– Этой девушке чертовски повезло, – сказала мать. – Мы обработали рану, полностью остановив кровотечение, и сделали второе переливание крови. Мики не сомневается, что все будет в порядке. Сейчас он заканчивает бинтовать рану.

Она говорила про доктора Майкла Коррина, своего бывшего студента, который затем по ее рекомендации поступил на медицинский факультет. Для нее он по-прежнему оставался Мики. Глубина их отношений и взаимного доверия была такой, что в ответ на полуночный звонок доктор Коррин без колебаний согласился на тайную встречу в здании стоматологического отделения. Быстрое ультразвуковое обследование дало первую хорошую новость. Пуля не задела брюшную полость Сейхан, скользнув вдоль грудной кости.

– Когда раненую можно будет забрать отсюда? – спросил Грей.

– Мики считает, что ей по крайней мере еще несколько часов лучше оставаться здесь.

– Такого времени у нас нет.

– Я ему все объяснила.

– Она в сознании?

Мать кивнула:

– После первого переливания крови она пришла в себя. Мики накачал ее антибиотиками и обезболивающими. Она уже сидит.

– В таком случае нам пора идти.

Отстранив мать, Грей шагнул в кабинет. Он присутствовал при ультразвуковом обследовании, но затем доктор Коррин решительно выставил его из кабинета, не слушая никаких возражений. Рану он обрабатывал без свидетелей; ассистировала ему мать Грея.

Грей был недоволен тем, что ему пришлось выпустить Сейхан из виду, поэтому он прихватил с собой разбитый обелиск, понимая, что без него она никуда не исчезнет.

Держа в руке два обломка обелиска, Грей толкнул дверь. Мать последовала за ним. Входя в кабинет, Грей столкнулся с выходящим оттуда доктором Коррином, светловолосым, худым как щепка. Подбородок его украшала полоска ухоженной бородки. Нахмурившись, доктор кивком предложил Грею вернуться в приемную.

– Она выдернула катетер и попросила позвать вас. И принести ультрафиолетовую лампу. – Он махнул рукой в соседний кабинет. – Мой брат использует ультрафиолет для светоотверждаемых пломб. Я сейчас вернусь.

Грей прошел в кабинет.

Сейхан сидела в стоматологическом кресле спиной к нему, полностью обнаженная выше пояса, и пыталась натянуть через голову футболку. На полу валялись скомканные бинты. Даже глядя на нее со спины, Грей почувствовал, каких усилий требовало от раненой это простое действие. Пошатнувшись, Сейхан вынуждена была опереться на подлокотник.

Отстранив Грея в сторону, в кабинет прошла его мать.

– Давайте помогу. Одной вам придется долго мучиться.

– Я уже сама справилась, – упорствовала Сейхан.

Она подняла было руку, чтобы отказать от помощи, но вскрикнула, морщась от боли.

– Все, достаточно.

Подойдя к раненой, мать Грея помогла ей натянуть футболку на обнаженную грудь и перебинтованный живот. Обернувшись, Сейхан увидела в дверях Грея. У нее потемнело лицо, и она смущенно отвернулась. Однако Грей почувствовал, что раненая устыдилась не наготы, а собственной слабости.

Сейхан медленно поднялась с кресла, преодолевая боль. Опершись на откинутую назад спинку, она застегнула пояс обтягивающих брюк.

– Мне нужно поговорить с вашим сыном, – хриплым голосом, не допускающим возражений, обратилась она к матери Грея.

Та взглянула на Грея. Он кивнул.

– Я схожу посмотрю, как дела у твоего отца, – холодно промолвила Гарриет, выходя из кабинета.

Из приемной донеслись приглушенные звуки телевизора. Судя по всему, Ковальски нашел пульт дистанционного управления.

Оставшись одни, Грей и Сейхан долго пристально смотрели друг на друга. Оба молчали, пользуясь возможностью оценить противника.

В кабинет вернулся доктор Коррин. В руке он держал маленькую лампочку.

– Это все, что у нас есть.

– Сойдет.

Сейхан попыталась было взять лампу, но у нее задрожала рука. Зажимая в одной руке обелиск, Грей другой принял лампу.

– Нам нужна минута.

– Разумеется.

Почувствовав нависшее в кабинете напряжение, доктор Коррин поспешил выйти следом за матерью Грея.

Сейхан не отрывала взгляда от лица Грея.

– Коммандер Пирс, я сожалею о том, что подвергла риску ваших родителей. Я недооценила Насера. – Она осторожно ощупала перебинтованную рану. Ее голос наполнился желчью. – Впредь подобная ошибка не повторится. Я полагала, что мне удалось оторваться от Насера в Европе.

– Не удалось, – отрезал Грей.

Она прищурилась:

– Не удалось, потому что командование «Сигмы» скомпрометировано. Для того чтобы выследить и обнаружить меня, «Гильдия» воспользовалась вашими же ресурсами. Так что вина лежит не только на мне.

На это Грейю было нечего возразить.

Сейхан поднесла руку ко лбу, словно пытаясь что-то вспомнить, но Грей почувствовал, что на самом деле она тянет время, взвешивая, о чем сказать, а о чем лучше умолчать.

– Должно быть, у тебя ко мне тысяча вопросов, – наконец пробормотала она.

– На самом деле только один. Черт побери, что происходит?

Левая бровь Сейхан взметнулась вверх. До боли знакомый жест, напоминание об общем прошлом.

– Для того чтобы ответить на этот вопрос, начать надо вот с этого. – Сейхан кивнула на обелиск. – Будь добр, поставь его на столик с инструментами...

Надеясь получить ответы, Грей повиновался, осторожно примостив отломанную верхнюю часть на основание.

– Лампа... – продолжала Сейхан.

Минуту спустя Грей, погасив верхний свет, стоял, склонившись к обелиску, и изучал столбцы загадочных знаков, вспыхнувших на черном камне, на всех четырех гранях.

Эти знаки не были похожи ни на какие из известных ему иероглифов и рунических символов. Грей посмотрел на Сейхан. Белки ее глаз сияли в отсветах ультрафиолетового излучения.

– Ты видишь перед собой ангельские письмена, – сказала она. – Язык архангелов.

Грей недоверчиво наморщил лоб.

– Понимаю, – продолжала Сейхан, – это кажется полнейшим безумием. Эти письмена восходят корнями к мистическим преданиям ранних христиан и древних иудеев. Если хочешь узнать больше...

– Опустим это. Я бы предпочел узнать, что ты хотела сказать, утверждая, что этот обелиск может спасти мир.

Отступив назад, Сейхан отвела взгляд, затем снова посмотрела Грею в лицо.

– Грей, мне нужна твоя помощь. Я должна их остановить, но не могу сделать это одна.

– Не можешь сделать одна что?

– Пойти против «Гильдии». То, что она замышляет...

И снова у нее в глазах мелькнул страх.

Грей нахмурился. Когда их с Сейхан пути пересеклись в первый раз, она пыталась взорвать биологическую бомбу, начиненную бациллами сибирской язвы, над научно-исследовательским центром Министерства обороны в Форт-Дитрихе. Разве может быть что-то еще более страшное, в сравнении с чем меркнет даже подобная безжалостная жестокость?

– В прошлом я помогла тебе, – продолжала Сейхан, пытаясь сыграть на чувстве благодарности.

– Только ради того, чтобы победить общего врага, – возразил Грей. – И спасти собственную шкуру.

– И сейчас мне нужно от тебя лишь это. Содействие в борьбе с общим врагом. Но теперь в опасности не только одна моя жизнь. Смертельная угроза нависла над сотнями миллионов людей. И это уже началось. Семена брошены в почву. – Сейхан кивнула на сияющий голубоватым светом обелиск. – Оружие, способное остановить «Гильдию», спрятано в этой загадке. Если мы сможем ее разрешить, у нас появится хоть какая-то надежда. Но я полностью исчерпала свои силы. Идти дальше одна я не могу. Мне нужен свежий взгляд, знания, опыт.

– И ты полагаешь, что мы вдвоем сможем одолеть «Гильдию» с ее поистине безграничными ресурсами? Если привлечь «Сигму»...

– То ты на блюдечке поднесешь «Гильдии» победу. В «Сигме» действует предатель. Все, что известно «Сигме», тотчас же становится известно «Гильдии».

Сейхан была права. И это, мягко говоря, внушало тревогу.

– Значит, ты предлагаешь нам действовать в одиночку. Вдвоем, только ты да я.

– Втроем. Есть еще один человек... если только он согласится помочь.

– Кто?

– Когда приходится иметь дело с ангелами и археологией, есть только один человек, к которому я отношусь с уважением.

Грей сразу же понял, кого она имеет в виду.

– Вигор Верона.

Сейхан кивнула:

– Я оставила монсеньору Вероне визитную карточку, тайну, которую ему предстоит разгадать самому. Если он согласится помочь, мы двинемся дальше. – Протянув руку к обелиску, она пошатала отломленную верхнюю часть туда-сюда. – Сделаем следующий шаг по тропе ангелов.

– И куда она нас приведет?

Сейхан покачала головой. Определенно она не собиралась сдаваться без боя.

– Я скажу тебе, только когда мы тронемся в путь. Кстати, нам пора двигаться. Чем дольше мы находимся на одном месте, тем больше риск того, что нас обнаружат.

Сейхан протянула руку к обелиску. Грей ее опередил. Схватив большую верхнюю часть, он поднял ее над головой. Его терпение иссякло.

– Если хочешь, можешь разбить обелиск, – предупредила его Сейхан. – Я все равно больше ничего не скажу. Не скажу до тех пор, пока мы не будем в безопасности и ты не согласишься мне помочь.

Грей пропустил ее слова мимо ушей.

– Полагаю, ты уже скопировала нанесенные на обелиск надписи, возможно, даже сфотографировала их.

– Больше того, несколько раз, – подтвердила Сейхан.

– Вот и отлично.

Резко опустив руку, он швырнул обелиск на пол. Черный мрамор раскололся на несколько кусков, разлетевшихся по линолеуму. Сейхан тихо вскрикнула; несомненно, она не подозревала о том, что внутри обелиска что-то спрятано.

– Что... что ты наделал?

Наклонившись, Грей достал из обломков серебряный предмет. Он выпрямился, держа в руках то, что было спрятано в камне. Ошеломленный, Грей молчал.

Это было большое серебряное распятие.

Сейхан широко раскрыла глаза. Узнав находку, она дернулась вперед, не обращая внимания на боль.

– Этого не может быть... Ты его нашел.

– Что я нашел?

– Распятие отца Агреера. – Она понизила голос, злясь на саму себя и в то же время охваченная ужасом. – И все это время оно было у меня в руках...

– Кто такой этот отец Агреер?

– Монах Антонио Агреер. Священник, исповедник Марко Поло.

Марко Поло?

Устав от загадок и недоговоренностей, Грей резко бросил:

– Сейхан, черт побери, что происходит?

Она махнула рукой на стул у стены, на котором лежала ее разорванная кожаная куртка.

– Нам нужно уходить отсюда.

Грей не тронулся с места, а когда Сейхан шагнула было к стулу, он преградил ей дорогу.

Сейхан опустила голову. Ее взгляд стал твердым.

– Грей, решайся же, черт побери. У меня нет времени.

Она попыталась его обойти. Грей схватил ее за запястье.

– Думаешь, я не могу передать тебя в руки «Сигме»? Что меня должно остановить?

Сейхан высвободила руку. Ее разъяренное лицо побагровело от нахлынувшей переливчатой донорской крови.

– Ты сам прекрасно осознаешь, Грей, что лучше этого не делать! Если я попаду в руки «Гильдии», мне конец. Если я окажусь в руках твоего правительства, меня навечно упекут подальше, лишив возможности остановить надвигающуюся катастрофу. Вот почему я обратилась к тебе. Ну хорошо, я подслашу пилюлю. Предлагаю тебе сделку. Как ты на это смотришь? Помоги мне, убеди Вигора присоединиться к нам, и я после этого назову тебе имя предателя внутри «Сигмы». Если для тебя спасения сотен миллионов жизней недостаточно... волки уже стучатся в дверь «Сигмы». Ты об этом не догадываешься, но некая сила делает все возможное, чтобы кастрировать вас всех, превратить в тупых жвачных животных, и вот теперь, когда еще один предатель – второй предатель – проник в самую вашу гущу, вас сожгут дотла, а пепелище еще и посыплют солью. И тогда «Сигме» конец. Окончательный и бесповоротный.

Грей колебался. До него действительно доходили подобные слухи, порожденные внутренней проверкой, которую проводили АНБ и УППОНИР. Но он также помнил и другую Сейхан, склонившуюся над ним, приставив пистолет к голове. Когда их пути пересеклись в первый раз, она пыталась его убить. Можно ли доверять ей сейчас?

Из патовой ситуации его вывел крик, донесшийся из приемной:

– Коммандер Пирс! Идите скорее сюда!

Грей мысленно выругался, раздраженный зычным голосом Ковальски. Неужели верзила не понимает, что им сейчас меньше всего нужно привлекать к себе внимание?

Грей встретился взглядом с Сейхан. Та все еще пылала неприкрытой яростью, но и этому чувству так и не удалось полностью перебороть то, что Грей в первый раз услышал в ее голосе, когда она истекала кровью на пороге дома его родителей. Ужас.

Подойдя к стулу, Грей взял кожаную куртку и протянул ее Сейхан.

– Пока что мы будем играть по твоим правилам. Но это все, что я могу обещать.

– Коммандер!

Тряхнув головой, Грей вышел из кабинета. Телевизор работал громче. Грей поспешил вперед. Поймав себя на том, что у него в руке по-прежнему зажато серебряное распятие, он сунул его в карман и вошел в приемную.

Все находящиеся там не отрывали глаз от телевизора. Грей сразу же обратил внимание на знакомую эмблему канала новостей Си-эн-эн в углу. На экране горели три дома на опушке леса.

– ...возможно, речь идет о поджоге, – продолжал корреспондент. – В связи с этим полиция разыскивает этого человека, Грейсона Пирса. Жителя Вашингтона.

В углу экрана появилась фотография Грея, в военной форме, наголо остриженного, со злыми глазами и угрюмым ртом. Этот снимок был сделан, когда он сидел в военной тюрьме Ливенуорт. Не слишком лестный. На нем Грей выглядел законченным преступником.

Сидящий рядом отец проворчал:

– Похоже, твое прошлое сейчас укусило тебя за задницу.

Грей сосредоточил внимание на выпуске новостей.

– В настоящий момент полиция заявляет, что «хочет подробно побеседовать» с этим бывшим бойцом армейского спецназа. И только. Его разыскивают с целью получить от него информацию. Полиция просит всех, кому известно о местонахождении Грейсона Пирса, немедленно сообщить об этом властям.

Подняв пульт дистанционного управления, Ковальски убавил звук.

Доктор Коррин шагнул к двери.

– В свете всего этого я больше не могу молчать...

Ковальски направил на него пульт.

– Назвался груздем, док, полезай в кузов. Лучше молчите, а не то вам придется расстаться с медицинской лицензией.

Побледнев, доктор Коррин сделал еще один шаг назад. К нему подошла мать Грея и взяла за руку.

– Чепуха. – Она бросила хмурый взгляд на Ковальски. – А вы перестаньте его пугать.

Ковальски пожал плечами.

– Нас просто пытаются выманить из укрытия, – мрачно заметил Грей.

– Но это же бессмысленно, – возразила миссис Пирс. – Я же сама разговаривала с директором Кроу, когда находилась в охраняемом доме. Он знает, что мы попали в западню. Почему он допустил распространение всей этой лжи?

Ответ прозвучал от дверей:

– Потому что я действительно им очень нужна. – В приемную вошла Сейхан. Она успела надеть куртку. – И они не станут рисковать, боясь упустить меня.

Грей повернулся лицом к остальным.

– Сейхан права. Петля затягивается. Нам нужно уходить.

Его слова подтвердил Ковальски. Получив взбучку от матери Грея, великан охранник подошел к единственному окну и выглянул в щелку между шторами.

– Ребята, к нам гости.

Грей поспешно бросился к нему. Из окна была видна площадка перед приемным покоем клиники. На площадку одна за другой въехали четыре полицейские машины, молчаливые, с включенными мигалками. Несомненно, местные власти прочесывали больницы.

Грей обратился к бывшему ассистенту своей матери:

– Доктор Коррин, мы и так уже попросили у вас много, но, боюсь, нам придется обратиться к вам еще с одной просьбой. Вы сможете отвезти моих родителей в какое-нибудь безопасное место?

– Грей... – начала было мать.

– Мама, не спорь.

Грей не отрывал взгляда от лица врача. Коррин медленно кивнул.

– У меня есть несколько квартир, которые я сдаю внаем. Одна, неподалеку от Дюпон-серкл, полностью обставлена, но сейчас пустует. Никому не придет в голову искать ваших родителей там.

Предложение было хорошее.

– И еще, папа, мама... никакого общения с внешним миром. Ни в коем случае не пользоваться кредитными карточками. – Грей повернулся к Ковальски. – Вы сможете присмотреть за ними?

Ковальски разочарованно понурился:

– Опять эта чертова охрана!

Грей подумал было о том, чтобы заменить просьбу приказом, но мать его остановила:

– Грей, мы сами сможем позаботиться о себе. Состояние Сейхан по-прежнему внушает опасения. Тебе лишняя пара рук пригодится больше, чем нам с отцом.

– К тому же дом находится под круглосуточной охраной, – довольно резким тоном добавил доктор Коррин. – Охранники, видеонаблюдение, сигнализация.

У Грея мелькнула мысль, что врач не столько беспокоится за безопасность родителей, сколько не хочет пускать Ковальски к себе домой. Даже сейчас доктор Коррин старательно следил за тем, чтобы держаться от великана на расстоянии нескольких шагов.

И мать права. Сейхан не оправилась от раны, так что им может понадобиться сила могучего охранника. В конце концов, в «Сигму» его пригласили ради мускулов. Так почему бы не задействовать их в полной мере?

Должно быть, Ковальски правильно прочитал выражение лица Грея.

– Что ж, пора. – Он довольно потер руки. – Трогаемся в путь. Первым делом нам нужно раздобыть оружие.

– Нет, первым делом нам нужно раздобыть машину. – Грей снова повернулся к доктору Коррину.

На этот раз тот не колебался. Он достал из кармана связку ключей.

– Стоянка машин персонала клиники. Место сто четыре. Белый «порше кайенн».

Ему не терпелось поскорее расстаться с неожиданными гостями. Однако это стремление разделяли не все. Крепко обняв Грея, мать шепнула ему на ухо:

– Береги себя, Грей. – Понизив голос еще больше, она выдохнула: – И не доверяй ей... не доверяй до конца.

– Не беспокойся, – ответил Грей, соглашаясь с обоими замечаниями.

– Удел матери беспокоиться.

Оставаясь в объятиях матери, Грей прошептал ей одно последнее наставление, предназначенное исключительно для ее ушей. Кивнув, она еще раз стиснула его и наконец отпустила.

Обернувшись, Грей увидел, что отец протянул руку. Он ее пожал. У них было так принято. Никаких объятий. Отец был родом из Техаса.

Грей повернулся к Ковальски:

– Следите за тем, чтобы он не наделал каких-нибудь глупостей.

– Сделаю все возможное. – Ковальски кивнул на дверь. – Все готовы?

Когда великан отвернулся, отец положил руку Грею на плечо и крепко его сжал, после чего похлопал по спине на прощание. Для него это было все равно что произнесенное вслух признание в любви. И это тронуло Грея больше, чем он мог ожидать.

Не сказав больше ни слова, он первым шагнул к двери.

3 часа 49 минут

– О местонахождении командера Пирса по-прежнему никаких известий, – доложил по внутреннему переговорному устройству Брэнт.

Пейнтер сидел за столом. Отсутствие новостей одновременно огорчало и радовало его. Но прежде чем он успел разобраться в своих чувствах, Брэнт продолжал:

– И только что пришел доктор Дженнингс.

– Пригласи его ко мне.

Доктор Малькольм Дженнингс, глава научно-исследовательского отдела, позвонил полчаса назад, настаивая на немедленной встрече, но Пейнтер не смог его принять из-за случившегося в охраняемом доме. Даже сейчас он мог выделить Дженнингсу только пять минут.

Дверь открылась, и в кабинет вошел Дженнингс, с порога поднимая руку:

– Знаю... знаю, что ты занят... но это не может ждать.

Пейнтер указал ему на кресло напротив.

Бывший судебно-медицинский эксперт опустил свое долговязое тело в кресло, но на самый край. Было видно, что он возбужден. В руке Дженнингс сжимал папку. Ему было уже около шестидесяти, и в «Сигме» он работал с тех самых пор, как Пейнтер ее возглавил. Дженнингс поправил очки с полумесяцами чуть голубоватых стекол, которые снижали нагрузку на глаза во время работы за компьютером. Кроме того, очки прекрасно дополняли смуглую оливковую кожу и седеющие волосы, придавая Дженнингсу вид мудрого ученого. Однако сейчас чувствовалось, что патологоанатом измотан долгой ночной работой, хотя глаза его и горели маниакальным восторгом.

– Смею предположить, речь идет о тех материалах, которые переправила с острова Рождества Лиза, – начал Пейнтер.

Кивнув, Дженнингс раскрыл папку и достал две фотографии, жуткие снимки чьих-то ног, судя по всему пораженных гангреной.

– Я внимательно изучил примечания токсиколога и бактериолога. Перед нами больной, у которого кожная бактерия внезапно стала злокачественной и теперь пожирает мягкие ткани его собственных ног. Мне еще никогда не приходилось видеть ничего подобного.

Пейнтер взглянул на снимки, но, прежде чем он успел задать вопрос, врач вскочил на ноги и принялся возбужденно расхаживать по кабинету.

– Понимаю, первоначально мы присвоили катастрофе у берегов Индонезии низший приоритет, полагая, что задачей операции будет лишь сбор информации. Но после таких находок необходимо пересмотреть эту точку зрения. И немедленно. Я пришел сюда лично, чтобы просить о присвоении случившемуся статуса критического уровня номер два.

Пейнтер выпрямился в кресле. Такой уровень будет означать, что в Индонезию придется бросить значительные дополнительные ресурсы.

– Нам нужно больше, чем то, чего могут добиться всего двое специалистов, – продолжал Дженнингс. – Я хочу как можно скорее отправить на место полностью укомплектованную бригаду экспертов, даже если для этого нам придется обратиться за помощью к армии.

– Тебе не кажется, что не надо торопить события? Монк и Лиза должны выйти на связь, – Пейнтер сверился с часами, – чуть больше чем через три часа. Когда у нас будет больше информации, мы сможем разработать новый план.

Сняв очки, Дженнингс потер глаз костяшкой пальца.

– По-моему, ты ничего не понял. Если предварительные заключения токсиколога окажутся верны, мы имеем дело с экологической катастрофой, которая, возможно, окажет влияние на всю биосферу Земли.

– Малькольм, тебе не кажется, что ты преувеличиваешь? Все эти данные лишь предварительные. Основанные преимущественно на предположениях. – Пейнтер махнул на фотографии. – Не исключено, что речь идет всего лишь о единичном эпизоде.

– Даже если бы это действительно было так, я бы посоветовал забросать весь остров зажигательными бомбами, а затем на несколько лет полностью закрыть все окружающие его воды. – Дженнингс посмотрел Пейнтеру в глаза. – А если существует хоть малейшая вероятность распространения этой заразы, налицо потенциальная угроза глобального коллапса окружающей среды.

Потрясенный Пейнтер посмотрел на патологоанатома. Дженнингс был не из тех, кто поднимает панику по пустякам.

Врач продолжал:

– Я проанализировал все имеющиеся данные и подготовил краткое заключение. Ознакомься с ним и верни мне. Чем раньше, тем лучше.

Он положил папку на стол. Погладив обложку рукой, Пейнтер пододвинул папку к себе:

– Я займусь этим прямо сейчас и в течение ближайшего получаса загляну к тебе.

Дженнингс кивнул с признательностью и облегчением. Он направился к дверям, но на пороге остановился и добавил последнее предостережение:

– Помни: мы так и не можем сказать со всей определенностью, что погубило динозавров.

С этими словами патологоанатом вышел из кабинета. Взгляд Пейнтера помимо воли вернулся к жутким фотографиям на столе. Ему отчаянно хотелось верить, что Дженнингс ошибается. За событиями последних нескольких часов он почти начисто забыл о ситуации на острове Рождества.

Почти.

Всю ночь мысли о Лизе не покидали его. Но вот теперь вспыхнули новые опасения, разоженные тревогой Дженнингса. Пейнтер изо всех сил старался не давать им волю. Лиза так и не перезвонила. Судя по всему, не произошло ничего чрезвычайного, что потребовало бы еще одного экстренного вызова. И все же...

Пейнтер ткнул клавишу устройства внутренней связи.

– Брэнт, ты не мог бы позвонить Лизе на спутниковый телефон?

– Уже звоню.

Пейнтер раскрыл папку. Он начал читать заключение, и с первых же страниц его прошиб холодный пот.

Раздался голос Брэнта:

– Господин директор, телефон не отвечает и переключается в режим речевой почты. Вы хотите, чтобы я оставил сообщение?

Повернув руку, Пейнтер взглянул на часы. До назначенного времени выхода на связь оставалось еще несколько часов. Вероятно, Лиза чем-то занята. И все же ему пришлось бороться с нарастающим чувством паники.

– Просто попроси доктора Каммингс перезвонить, как только она освободится.

– Слушаюсь, сэр.

– И еще, Брэнт, свяжись с коммутатором лайнера.

Пейнтер сознавал, что это уже граничит с манией преследования. Он попытался вернуться к чтению заключения, но обнаружил, что не может сосредоточиться. Через минуту снова послышался голос помощника:

– Сэр, мне удалось связаться с радистом. Он сказал, что связь нарушена по всему кораблю, есть перебои и с передачей данных через спутник. Приходится устранять неполадки, неизбежные для нового корабля.

Пейнтер кивнул. «Владычица морей» совершала свое первое плавание, когда ВОЗ реквизировала ее для борьбы с последствиями экологической катастрофы.

– Но больше ничего серьезного у них нет, – закончил Брэнт.

Пейнтер вздохнул. Значит, у него действительно мания преследования. Он позволил своим чувствам к Лизе затуманить рассудок. Если бы речь шла о любом другом сотруднике, разве он вообще стал бы с ним связываться?

Пейнтер вернулся к чтению заключения.

С Лизой все в порядке. К тому же с ней Монк. Он не даст ей попасть в беду.

Глава 6

Смертельная зараза

5 июля, 15 часов 2 минуты

На борту «Владычицы морей»

Черт побери, что происходит?

Лиза стояла вместе с тремя другими учеными. Они все вчетвером собрались в президентской каюте лайнера. Официант в морском мундире разлил виски по рюмочкам в форме тюльпанов, расставленным ровным рядом на серебряном подносе. Поскольку Пейнтер любил хорошее виски, Лиза узнала этикетку: это был редкий «Макаллан» шестидесятилетней выдержки. У официанта дрожали руки, сбивая глазомер, и дорогое виски проливалось на поднос.

Оплошность официанта можно было объяснить присутствием двух боевиков в масках, вооруженных автоматическими винтовками. Они стояли у двустворчатых дверей каюты. В противоположном конце каюты стеклянные двери вели на балкон, достаточно просторный, чтобы вместить городской автобус. На балконе дежурил еще один боевик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.